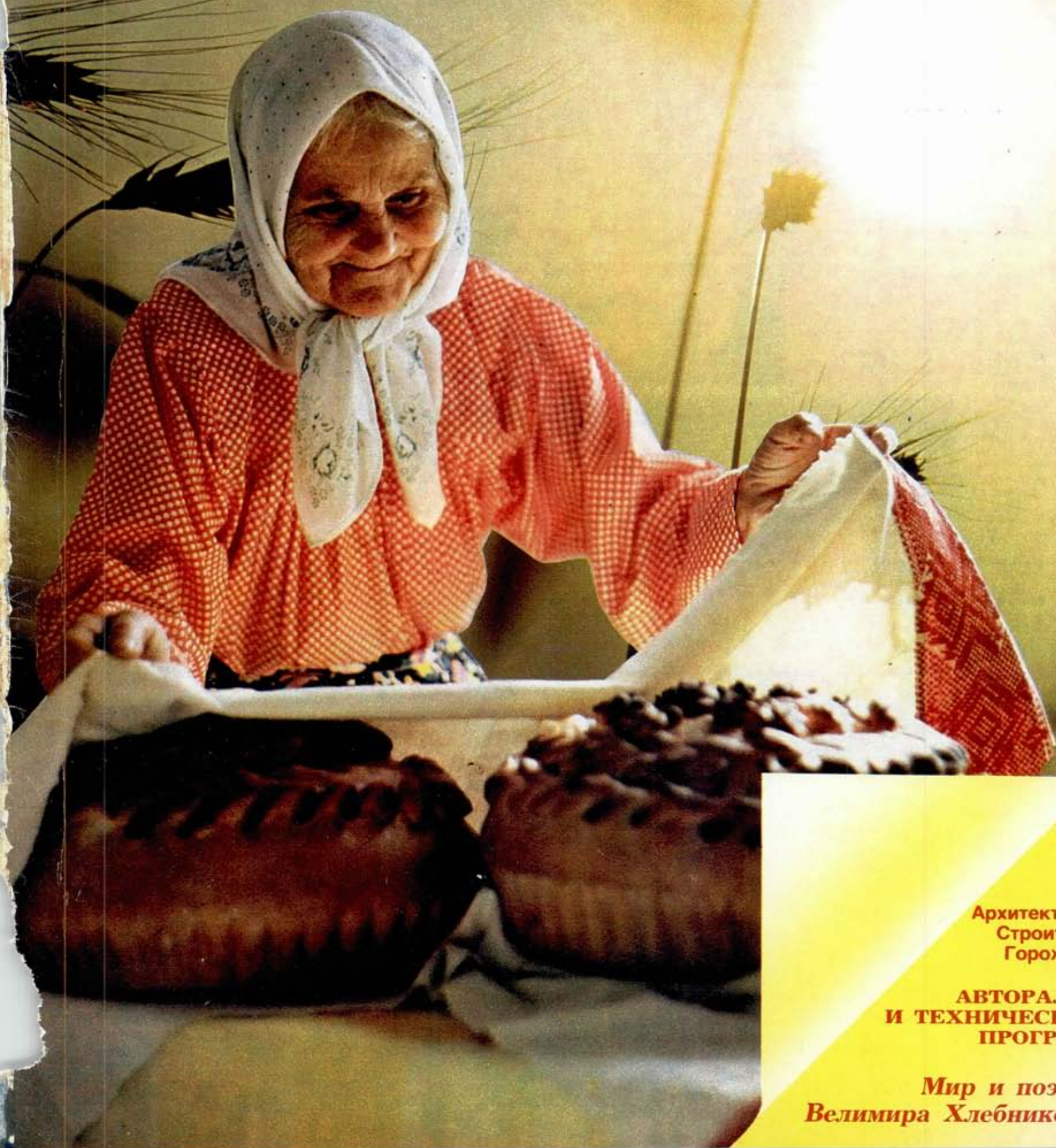

СМЕНА

№ 16 (1422) август 1986

ISSN 0131-6656

Архитекторы.
Строители.
Горожане.

**АВТОРАЛЛИ
И ТЕХНИЧЕСКИЙ
ПРОГРЕСС.**

*Мир и поэзия
Велимира Хлебникова.*

МОСКОВСКИЙ

Социальное исследование проблемы

Будем откровенны: лишь самое последнее время, исчисляемое, может быть, каким-то годом или чуть больше, дало нам возможность со всей пристрастностью и всеобщей заинтересованностью думать и говорить о благоустройстве и развитии Москвы, о состоянии ее градостроительного и архитектурного облика, который, чего греха таить, сегодня вызывает у нас чувство неудовлетворенности. Самое точное определение нынешнего состояния дел в этой области было дано на XXVII съезде партии, когда именно с его высокой трибуны прозвучало откровенное и тяжелое признание в том, что уже в разряд политических перешел вопрос о потере своеобразия архитектуры Москвы, особенно ее центра.

Да, о сегодняшней и завтрашней судьбе Москвы заговорили в полный голос партийные, советские работники и писатели, рабочие и студенты, журналисты и врачи, архитекторы и проектировщики. Москва живет в сердце каждого из нас. Потому-то всех и волнует вопрос: как могли мы дойти до того, что не пощадили даже исторический центр столицы, бессмысленно, с преступным невежеством навсегда снеся многие старинные особняки, стены которых связаны с именами выдающихся деятелей нашей науки, литературы и искусства, понатыкав в тех местах, где они прежде стояли, типовые блочно-панельные башни и стандартные бетонно-стеклянные громадины?

И так ли уж это хорошо, что Москва гигантски разрастается в своих границах, которые нынче трудно и определить-то? И есть ли необходимость продолжать тиражировать в новых микрорайонах типовые многоэтажные дома, похожие друг на друга как две капли воды, из-за чего эти микрорайоны совершенно не несут в себе архитектурной выразительности?

Многое утратила Москва в своем древнем, но вечно молодом облике. Но положение не безнадежно. Пройдемся по старым кварталам Москвы: Столешникову переулку, Петровке, Сретенке... Не увидишь здесь не то что двух одинаковых фасадов, но и, пожалуй, двух зданий одной высоты. Пестрая, живописная смесь форм, времен, стилей. Маленький неприметный особнячок словно притулился к серой громадине доходного дома, строгие классические линии соседствуют с вычурной псевдоготикой, и все это рядом, на одном пятчке, словно случайное нагромождение декораций за кулисами театра, имя которому — город. И, охватывая взглядом это беспорядочное, но тем не менее удивительно гармоничное разнообразие, мы видим, чувствуем: это Москва, это ее корни. А раз корни живы, жить и всему дереву.

Мы любим Москву, дорожим ею, хотим беречь и приумножать то, что составляет каменную летопись московской истории, но для этого нам надо прежде всего остановиться и задуматься: а где же истоки и причины тех потерь, исчезновений и утрат в архитектурном облике столицы, о которых мы сегодня, пусть и с опозданием, заговорили? И на какой основе следует искать те решения, которые позволят нам исправить положение и очистительно повлиять на весь будущий архитектурно-строительный процесс? И какой вообще видят сегодня архитекторы Москву будущего?

Об этом размышляют заместитель директора НИИ Генплана Москвы доктор архитектуры Алексей ГУТНОВ,

архитектор Олег БАЕВСКИЙ, заведующий лабораторией МНИИТЭП Николай КОРДО.

КОРД. И так, прежде всего хотелось бы узнать, в чем заключаются современные градостроительные принципы, которыми вы руководствуетесь в своей работе над планами развития нашей столицы.

А. ГУТНОВ. Все наши усилия сегодня направлены прежде всего на научное обоснование возможных перспективных стратегий развития Москвы. Это значит, что не какая-то желательная схема спускается сверху и под нее мы делаем некую градостроительную основу. Нет, мы прорабатываем все варианты, все ветви развития города при действии существующих тенденций и при их изменении и после этого предоставляем на выбор возможные пути развития города.

КОРД. Вы говорите «мы», имея в виду только архитекторов?

А. ГУТНОВ. Нет, я имею в виду союз ученых. Вместе с нами, архитекторами, над этими проблемами должны в первую очередь работать социологи, ибо сегодня в развитии градостроительной основы практически нет серьезной социальной концепции. Как это ни странно звучит, по Москве практически не было глобальных социологических исследований. Во всяком случае, в Институте

генерального плана Москвы до сих пор нет отдела социологии.

Москва сегодня — это не просто город, это город городов. Вспомните пословицу: «Москва — всем городам голова...» Есть в ней исторический центр, которому сегодня уделяется пристальное внимание, есть промышленный пояс — срединная зона, которая, являясь рабочим сердцем столицы, на протяжении многих десятилетий остается без всякого вмешательства и требует к себе совершенно нового отношения. Почему мы занялись центром Москвы и совершенно не обращаем внимания на бывшие, так сказать, рабочие окраины, которые сегодня оказались в сердце нашего города? Это задача номер один будущего генерального плана столицы — приведение в порядок именно ее промышленной зоны.

Периферийные районы — это совсем другая зона, которая тоже требует к себе особого отношения. И, наконец, Москва вышла за МКАД — это ближний пригород, это уже четвертый город, и будет колоссальной ошибкой, если мы будем продолжать там строить так же, как в центре или в срединной зоне. Ведь там совершенно другие характеристики рельефа, зелени, есть и часть дачной застройки, к которой тоже надо как-то отнестись. Одним словом, нужна четкая дифференцированная политика для разных территорий города. Грубо говоря, в центре мы должны заниматься как бы художественной шпателькой, заботясь о том, чтобы поддерживать его в хорошем

состоянии, а всякое вмешательство должно быть актом широкого общественного обсуждения и гласности. А вот срединный пояс — это зона крупномасштабной реконструкции. Если мы думаем о лице новой Москвы — Москвы XXI века, то скорее всего это лицо должно сформироваться именно в этой части города, которая во многих отношениях задалась радикальных изменений.

КОРД. Может быть, тут нам уже может в какой-то мере пригодиться опыт реконструкции центра Москвы? Ведь похоже, что на примере старого Арбата мы все начинаем осознавать социально-культурное и воспитательное значение центра как средоточия старой архитектуры, как достоинства истории, напластования времен и эпох и т. д.

А. ГУТНОВ. Заметьте, проблема отношения к центру и проблема сноса дома в центре перестала быть проблемой сугубо технической. Она стала проблемой морально-этической. То есть снос старого дома в центре Москвы рассматривается сегодня как убийство чего-то такого, что нам всем очень дорого и важно. Так вот обсуждаемая нами проблема — проблема качества среды, в которой живут люди, распространяется не только на 2—3 процента городской тер-

ие этажи

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ритории (Москва в пределах Садового кольца — это именно 2—3 процента городской территории), а и на остальные 80—90 процентов территории, представляющей не меньшее, чем центр, значение именно с точки зрения воспитания человека, формирования его отношения и любви к своему городу или улице. Вот сегодня все приезжают на обновленный, помолодевший старый Арбат, и им просто хорошо оттого, что всего-навсего покрасили дома и получилось некое защищенное место, где можно пройтись. Но ведь люди должны иметь такие места и там, где они живут, пусть в другой стилистике, совсем другие, но именно там, где они живут.

КОРР. А то ведь получается, что они приезжают в центр посмотреть на красивую жизнь, которая им не принадлежит, хотя и имеют на нее полное право, потому что являются жителями Москвы.

А. ГУТНОВ. Совершенно верно. И вот тут мы подходим к самому важному моменту нашего разговора, а именно: мы сейчас пришли к выводу о том, что для того, чтобы обеспечить равно высокое качество проживания во всей Москве, надо в различных ее районах строить

разное жилье. Если бы такая программа начала осуществляться, она бы сняла этот невыносимый пресс с центра, то есть если бы условия жизни стали бы более комфортными во всем городе, и в первую очередь на его периферии, то изменилось бы отношение и к потреблению центра. Ему стало бы значительно легче, а то он сейчас буквально задыхается от нашей любви.

КОРР. Очевидно, та экономическая, народнохозяйственная, социально-культурная перестройка, которая сегодня осуществляется в разных сферах жизни, должна коснуться и процессов, о которых вы говорите...

А. ГУТНОВ. Безусловно, и прежде всего эта перестройка должна произойти в нашей домостроительной промышленности. Ее просто необходимо перевести на такие рельсы, которые бы позволяли собирать дома любой конфигурации и этажности. Это делается во многих странах, да и у нас эта идея присутствует в виде так называемого Единого московского каталога. На деле же существующая система планирования и организации строительства предписывает, что мы можем собирать лишь несколько типов домов: например, один

протяженный, башня и какой-то еще — суть их не меняется. О каком же разнообразии новых микрорайонов тут говорить! Очень трудно доказать, что в условиях такого города, как Москва, возможно применение домов средней и даже малой этажности. Бытует мнение, что чем выше строятся дома, тем эффективнее используется городская территория. Это неверно. Исследования показывают, что выше 12-этажной застройки мы реального эффекта от использования территории не получаем.

Н. КОРДО. Да, вы абсолютно правы. Один из наших серьезнейших недостатков в строительстве — то, что в среднем из шести представленных в Едином каталоге секций осваивается только одна. Причем тиражирование ее длится по 15—17 лет — какое уж тут разнообразие! И никакие наши уговоры, требования к строителям не помогают. Более того, они не только не хотят осваивать серию полностью, но они не хотят осваивать даже модификации одной и той же секции. К примеру, захотели архитекторы приодеть дом — сделать какое-то фигурное завершение фасада, нет, строители на это не уговорить.

Вы знаете, доходит до смешного: когда к

нам приезжают какие-то титулованные зарубежные архитекторы, мы их везем в Минск, потому что в Москве, кроме Северного Чертанова и в меньшей степени Тропарева, показывать сегодня нечего. Хотя весь Минск застроен — это мало кто знает — домами одной 464-й серии, все поражается; ах, какое разнообразие! В Минске действительно каждый район отличается своеобразием, минчане ввели в жилое пространство даже воду, и Минск сегодня называют чуть ли не Венецией. Что же они сделали и чем добились такого разнообразия? Элементарной вещью — они очень часто меняют на разных домах наружные панели, «рубашки», как говорят архитекторы. Они выделили производство этих наружных панелей в производство малотиражное и часто переназначиваемое, которое не мешает поточному изготовлению других изделий. Такая организация кажется нам прогрессивной, и мы в Москве тоже хотели бы перейти на этот способ работы, потому что он дает многое: панели можно делать разными по цвету, рельефу, по архитектурной детализации.

Теперь об этажности. В 1985 году средняя этажность по Москве составляла 16,4. То есть мы в основном строили 17-этажные и выше дома. В то время как градация этажности в Москве, по нашим исследованиям, должна быть — в разных, естественно, пропорциях — такая: 4-этажные безлифтовые дома, затем дома в 7—9 этажей, дома в 11—16 этажей и дальше — 18—22 этажа. Эти высотные дома — мы считаем их акцентными, и только, — предлагается строить в пределах десяти процентов от общего объема сдаваемой площади, повторяю, только как акцентные дома.

А. ГУТНОВ. Мы долго занимались всеми этими вопросами и пришли к абсолютно однозначному выводу, который полностью вписывается в логику сегодняшнего нашего общественного сознания и той перестройки, которая происходит в стране. Это интенсификация. То есть прежде всего надо добиться, чтобы Москва перестала выходить на новые пространства. Она должна навести порядок прежде всего внутри себя. До тех пор, пока мы будем захватывать все новые территории и выходить на них, как на полигоны для массового строительства, мы качественного развития столицы не получим. Нам надо разумно и эффективно распорядиться теми пространствами в городе, которые у нас есть, а не думать о все новых и новых.

Требует радикального изменения и отношение к городу вообще. Та энергия, которая как бы распирает этот город и заставляет его расти вширь, должна быть обращена вовнутрь. То, о чем я говорю, это отнюдь не вопрос экономии городской земли, хотя, конечно, экономия городской земли играет огромную роль, потому что выход на новые площадки оборачивается новыми линиями метрополитена, дорогостоящими инженерными коммуникациями и т. д. Но ведь настала пора подумать не только о целесообразности использования городской территории, но еще и об этической, общекультурной стороне, то есть пока мы не приведем наш город в порядок, он будет продолжать воспроизводить себя в этом безобразии, уходя все дальше и дальше. Так вот, проблема реконструкции Москвы — это прежде всего проблема тщательного, внимательного поиска территориальных резервов внутри города.

О. БАЕВСКИЙ. Мы сейчас закончили разработку концепции перспективного развития Москвы. Одно из важнейших положений этой работы, направленной на интенсификацию использования городских территорий, — это выявление значительных внутренних пространственных резервов развития города. Всякий, кто ездит по городу, видит эти бесконечные пустыри, эти площади-недоделки, дома, которые стоят на огромном расстоянии от улицы и улицу на самом деле не формируют. Мы подсчитали, что примерно 25 миллионов квадратных метров жилой площади можно было бы разместить в пределах сегодняшней Москвы без использования новых резервных территорий. Сейчас мы за пятилетку вводим в строй примерно 15—18 миллионов квадратных метров

жилья. Получается, что полторы пятилетки мы могли бы спокойно строить в самой Москве.

Недавно мы проанализировали различные типы пространственной организации жилой среды, к примеру, кварталы 50-х годов, среду Замоскворечья вплоть до современного периода, чтобы выяснить, в каком типе пространственной среды создаются самые благоприятные условия для жизни. В результате мы пришли к выводу, что наиболее благоприятный и необходимый элемент жилой среды города — это двор. Замкнутый или полужамкнутый, но сомасштабный человеку двор с четко определенными границами.

А. ГУТНОВ. Действительно, проблема «дом — двор» — проблема давно назревшая. Суть ее в том, что мы хотели бы видеть новую Москву и новые ее жилые районы, попросту говоря, более человечными. Мы хотели бы, чтобы вид из окна нашего дома не представлял бы некое анонимное, безадресное, всюду одинаковое пространство. Я убежден, что ощущение своей микрорайона даже в городе очень тесно связано с неким эффектом замкнутости пространства. Любопытно, что англичане, которые имеют очень давнюю и стойкую систему воспитания и у которых, может быть, больше, чем у других народов, проследивается связь архитектуры с этическими началами, придают колоссальное значение понятию колледжа, и высшее образование у них строится именно на жизни колледжа. А что такое колледж? Это прежде всего двор. Замкнутый двор. Причем, с одной стороны, это внутреннее общественное пространство, где профессор может гулять со своими учениками и беседовать с ними. С другой — это эффект защиты, то есть вы чувствуете себя, так сказать, в своем отдельном мире. Вспомним свое дворовое детство. Во дворе существовал свой кодекс, своя определенная этика. Были какие-то конфликты между ребятами внутри двора, но тем не менее двор всегда оставался формулой защиты, и когда ты с кем-то ссорился на улице, самое главное для тебя было — убежать в свой двор. И тот инородный недруг никогда не входил в твой двор, потому что вступал в силу закон двора — закон защиты. А ведь в современных пространствах могут сделать что угодно. Почему? Потому что случайный человек встречается не с жителем этого места, а со случайным человеком. Как в лесу. Потому что отсутствует эффект социальной защищенности.

КОРР. Но ведь есть масса людей, которые, наоборот, не любят, просто не выносят замкнутого пространства, им нужен простор, воздух, а не двор.

О. БАЕВСКИЙ. Да, совершенно верно, но когда мы говорим «замкнутое пространство», мы имеем в виду, что у этого пространства есть четкие количественные критерии в довольно широком диапазоне. Например, размеры такого двора колеблются от 25 до 90 метров, естественно, при соответствующих пропорциях застройки. Это данные, полученные в результате опроса жителей трех городов — Москвы, Ульяновска и Тольятти. Спрашивали людей, какой бы двор они хотели иметь и количество соседней в нем. Подавляющее большинство — 60 процентов — ратуют за двор размером от 30 до 60 метров с числом жителей, не превышающим 300 человек. При этом 80 процентов опрошенных высказались за замкнутые дворы и обязательно непродолжительные. Как создать такие дворы? Ключевая проблема тут — введение в жилую застройку домов малой и средней этажности.

КОРР. Мы ведем с вами этот разговор в начале двенадцатой пятилетки, и потому хочется спросить, а есть ли сегодня в новой застройке Москвы такой двор, который бы всех устраивал и мог бы стать прообразом будущего московского двора?

О. БАЕВСКИЙ. Нет, такого нового двора сегодня пока нет. В Прибалтике есть, а в Москве нет. Причины я уже называл: мы имеем очень мощную домо-

строительную базу, но, к сожалению, она выпускает один и тот же тип домов, и это работает против нас, архитекторов. Домостроительные комбинаты запущены с такой мощностью и с такой скоростью, что ничего ниже 17-этажных домов практически не выпускают.

КОРР. А если посмотреть знаменитые новые застройки — Северное Чертаново, Строгино, Крылатское?

О. БАЕВСКИЙ. Это все равно не дворы. Крылатское знаменито другим, а именно тем, что это едва ли не единственный наш район, в котором строительство велось комплексно, то есть объекты жилья сдавались вместе с объектами социальности. Формально дворы там есть — действительно, дома стоят по периметру квадрата, но они, во-первых, стоят на огромном расстоянии друг от друга, превышающем все психологически комфортные размеры, во-вторых, не замыкают пространство и создают массу избыточной территории. А в том случае, если во дворе, даже, казалось бы, замкнутом, есть избыточная территория, неосваиваемая жителями, она быстро приходит в упадок, становясь рассадником асоциальных форм поведения.

КОРР. Разве нельзя там устроить спортивные площадки?

О. БАЕВСКИЙ. Нет, их как раз выносят из дворов, потому что они источник шума, а в центр двора вставляют детский сад. Вроде он занимает территорию, но все равно остается много пустых мест, дырок, где сидят подростки с гитарами, и это всем неудобно.

КОРР. Короче говоря, утрата двора сопряжена с определенными издержками в организации нашей жизни, а это само по себе, как я понимаю, имеет далеко идущие социальные последствия. Так?

О. БАЕВСКИЙ. Да, безусловно. Ведь двор — это первый этап нашей социализации, ее начальное и потому очень важное звено: здесь закладываются нормы человеческого общежития, навыки общения, взаимовыручки, поддержки. Утрата чувства общности на этом уровне чревата серьезными последствиями. Прежде всего это порождает асоциальные формы поведения: вандализм, хулиганство.

Если в центре Москвы наличие огромной разветвленной сети объектов социальности предоставляет жителям широкий выбор возможных форм досуга, то в периферийных районах у них остается практически один двор. А если его нет? Хорошо, если рядом с домом есть зеленый массив, тогда вам есть куда выйти из своей квартиры. А если и его нет? Во многих новых районах не хочется выходить из дома, потому что ты не знаешь, куда ты выходишь — это и не двор, и не улица.

И второе. Есть огромное количество дневного населения, про которое нельзя забывать, — это дети, пенсионеры, люди, работающие во вторую смену, которые двором пользуются очень активно. Если мы основную часть жизни проводим на работе, то больше 40 процентов нетрудоспособного населения Москвы проводит время по месту жительства. Для них двор — это место жизни. Так разве можно лишать их этого места?

КОРР. Сегодня в адрес архитекторов все чаще раздаются упреки в том, что и многие наши дома потеряли свое лицо. Чем вы это объясняете и какими вы видите дома будущего, которые будут всех удовлетворять?

А. ГУТНОВ. Процесс утраты нашими домами своего лица — процесс закономерный. Утратив двор, мы одновременно утратили и улицу. А ведь улица — это значит «у лица», то есть это именно лицевые фасады домов. Как только исчезла улица, сразу исчезла и разница между двумя фасадами. И, конечно, огромный тираж одинаковых домов способствовал тому, что они автоматически стали «неузнаваемыми». Прежде всего это характерно для новых микрорайонов с их огромными единовременными застройками территориями. В новых районах, как нигде в другом месте, необходимо возродить традиционные городские формы пространств: улицы,

бульвары, скверы. Кроме того, в условиях типовой застройки необходимо хотя бы небольшое число зданий, стоящих в наиболее важных, акцентных местах, выполнять по индивидуальным проектам. И, конечно, индивидуально решать цвет, малые формы и благоустройство каждого из этих жилых районов.

КОРР. Уже сегодня новый микрорайон Северного Чертанова преподносится как пример творческого взлета московских архитекторов и плодотворных усилий стройиндустрии. Предполагается ли закладка таких микрорайонов где-то еще?

Н. КОРДО. Этот район Москвы интенсивно застраивался в течение нескольких лет. Рассчитанный на 20 тысяч жителей, он действительно является сегодня образцом для последующего массового жилищного строительства в Москве. Надо отметить, что такой крупный градостроительный эксперимент в архитектуре и строительстве предпринят впервые. В короткий срок создан прообраз города будущего, который отвечает социальным, психологическим, эстетическим и гигиеническим требованиям 80-х годов нашего столетия.

Проектировщики здесь исходили из того, что на каждого новосела Северного Чертанова должно приходиться 13,5 квадратного метра жилой площади. Вестибюли в домах изолированы один от другого. Здесь, в домах новой застройки, они соединены переходами, устроенными на первом этаже. Один из вестибюлей — центральный, что-то вроде приемного холла первоклассной гостиницы. Находящийся здесь вахтер с помощью телевизионной установки видит все происходящее возле лифтов, на лестничных площадках и маршах этажей, в коридорах и галереях.

Весь микрорайон Северного Чертанова состоит из нескольких зданий. Все они разные. Одни дома устремляются ввысь — от 12 до 25 этажей, другие протяженные — 12—16-этажные. Это составляет единый архитектурно-планировочный ансамбль. Все в этом микрорайоне подчинено главной цели — заботе о максимальных удобствах жителей. В общественном центре размещаются магазины, спортивные сооружения, школа, поликлиника. Не выходя из микрорайона, можно купить любые продукты, отдать белье в стирку, одежду в чистку, зайти в универсам. К услугам жителей — кафе и ресторан. Предусмотрен и зимний сад, куда можно прийти с детьми.

КОРР. Пока большую часть нашей беседы мы с вами ведем о внешнем благоустройстве Москвы, о дворах, улицах, домах, то есть о внешней жилой среде, которая каждого из нас касается как бы формально. А вот квартира — это уже что-то личное, свое, и у каждого интерес к ее благоустройству особый, индивидуальный. Так какие же перспективы открываются здесь перед москвичами?

Н. КОРДО. Сейчас намечаются как бы два направления в работе над перспективными типами квартир. Одно направление, принятое уже в Северном Чертанове, — это когда берется традиционная квартира и улучшается — увеличивается кухня, параметры расширяются, сама планировочная организация ее становится лучше, иногда квартира делается в двух уровнях. Но суть ее, что ли, не меняется. Нам нравится то, что сделано в Северном Чертанове, но мы считаем, что должно быть два направления и они должны как бы дополнять друг друга. Пора предлагать и новую, принципиально иную планировочную схему квартиры. Хотя должен заметить, что по объективным характеристикам и сегодняшняя московская квартира совсем неплохая, потому что наши нормативы гораздо выше, чем существующие нормативы, например, в Великобритании. Достаточно сказать, что у нас высота этажа от пола до пола 280 см, а там, насколько я знаю, 210.

КОРР. Неужели именно эта цифра? Ведь англичане — довольно высокая нация.

Н. КОРДО. Да-да, именно такая цифра. Когда у нас в Москве бывают выставки, где представлены макеты английских квартир, мы видим, что освещение в их квартирах всегда боковое — с помощью бра. Почему? Да потому, что просто невозможно повесить

люстру на такую высоту. Это, конечно, не значит, что они строят только дома с высотой потолка 210 см. Богатый заказчик может позволить себе построить и 360 см. Но муниципальное строительство ведется, в общем, именно по тем нормам, о которых я сказал.

А возьмите японскую квартиру. По нашим стандартам она просто миниатюрна. Конечно, в ней все прекрасно, с иголки сделано, но по своим объективным меркам она очень сжата, вся площадь ее — четыре татами — это небольшие коврики для сидения. То есть японская квартира — это буквально считанное количество квадратных метров. По сравнению с этими параметрами, принятыми в высокоразвитых странах, параметры наших квартир выглядят довольно неплохой. То, что мы имеем сейчас, это большой шаг вперед, но вместе с тем надо отдавать отчет, что у нас есть и масса недостатков.

КОРР. Тогда прошу вас сразу назвать главные из них.

Н. КОРДО. Главный наш недостаток лежит, пожалуй, в области социальной эффективности жилищного строительства. Я имею в виду прежде всего соответствие состава строящихся квартир требованиям расселения, короче говоря, демографическому составу очередников. Этого соответствия, к сожалению, мы пока не можем достигнуть. Мы строим хорошие дома, хорошие квартиры, в которых совершенно изменилось инженерное оборудование, взяли хотя бы электрику. Ведь она сейчас совершенно иная: в ванной комнате вы имеете розетку для электроприборов, в кухне — трехфазную розетку для посудомоечной машины, плиты всюду электрические, а не газовые, трехпрограммная трансляция и т. д.

КОРР. Вы рассказываете об этом как о каком-то нашем грандиозном достижении, а мне кажется, что это все элементарные вещи.

Н. КОРДО. Да, но ведь ничего этого мы не имели на предшествующем этапе. Сейчас же, я считаю, мы вышли на нормальный средневропейский уровень. Мне часто доводится возить разных иностранных гостей по нашим стройкам, и у них в основном претензии только к качеству наших домов и квартир, а не к параметрам. Они очень многому не верят, их трудно убедить, что все это наши граждане получают бесплатно, не верят, что эти дома для всех, они считают, что это для элиты.

Я же, как специалист, недоволен тем, что мы до сих пор не можем повысить социальную эффективность нашего жилищного строительства. Его нужно более целенаправленно связывать с расселением очередников. Суть состоит в том, что фактическое процентное соотношение квартир не соответствует тому, каким оно должно быть. Наша стройиндустрия неохотно строит квартиры малых типов — ей это невыгодно. Ведь планирование в строительстве происходит по «валу», а это значит, что выгодно строить большие квартиры — тогда можно меньше строить и легче выполнять план. Это совершенно элементарно. Мы много об этом говорим и пишем, но ничего пока не меняется. Стройиндустрия ведет себя так, будто все те новшества и свежие веяния, которые сегодня пронизали нашу экономику, ее не касаются. У нас пока ничего не изменилось. Например, сейчас строится большое количество домов с просторными двухкомнатными квартирами. А анализ показывает, что в будущем нам придется много тысяч таких квартир переделывать в квартиры другого типа. Значит, продолжение тиражирования большого количества домов с двухкомнатными квартирами невероятно затруднит нам будущее. Настала пора заставить строителей повернуться к нуждам города. И строить не то, что выгодно им для получения хороших отчетных данных, а значит, премий и знамен, а то, что нужно для Москвы, москвичей-очередников. Вот почему главный тезис наш таков: надо обновить состав действующих проектов. Это так

же важно в стройиндустрии, как сегодня архиважной задачей является обновление действующего оборудования на заводах в соответствии с требованиями научно-технического прогресса.

КОРР. Учитываются ли эти предложения в новом генеральном плане развития Москвы?

Н. КОРДО. Нет, ничего нового там нет. Все проекты остаются старыми, они уже продлены до 1990 года. Несмотря на то, что мы сделали хорошие серии с малыми квартирами, например, серия ПП 70 или проект группы домов панельно-блочной конструкции для очередников с однокомнатными, двухкомнатными квартирами. Они тоже не строятся. Раз малые квартиры — отклонить. А вот высотные дома с большими трех- и четырехкомнатными квартирами — это пожалуйста, с удовольствием. Так легче жить, беспхлопотнее.

Мы вот что недавно высчитали. Если строить жилье строго по заявкам, то мы могли бы ежегодно вселять в новые квартиры на 13 тысяч очередников больше, чем сейчас. Это огромная цифра. Вы знаете, что в 1985 году было сдано в эксплуатацию всего лишь 50 тысяч квартир. Это можно прочесть в справочнике «Москва в цифрах» на странице 88. В то время как в 1965 году было построено 118 тысяч квартир. Причем тогда эти квартиры были в основном в пятиэтажных домах — значит, было больше нулевых циклов, больше земляных работ, монтажа, коммуникаций, то есть строить было трудней. И все-таки дали 118 тысяч квартир. А сейчас, когда мы в основном строим 17-этажные дома — средняя этажность по Москве, я уже говорил, — 16,4 по данным 1985 года, — домов стало меньше. За 1985 год в Москве построен 291 дом, а раньше мы строили по 900 домов. Смотрите, какая огромная разница: в три раза меньше. А строить-то сейчас гораздо легче, чем тогда. И самое интересное, что при этом строители достигли рекордной производительности труда. Вы спросите: что произошло и каким образом удалось, снизив ввод квартир и снизив количество площади, достичь рекордной производительности? А просто строители добились увеличения расценок на стройматериалы, изделия и на монтажные операции. Следовательно, строительство дома удорожилось. И, значит, при данном количестве капиталовложений можно построить меньшее количество домов. Вот так постепенно те 118 тысяч квартир превратились в 50 тысяч. А производительность у них высокая, потому что выработка высокая. Вот в чем состоит фокус.

Эту систему давно пора ломать. Надо менять экономический показатель, надо ориентироваться не на стоимость одного квадратного метра, которая поощряет строительство больших квартир, а на стоимость вселения или хотя бы на стоимость квартиры, вот тогда все встанет на свое место.

Таковы наши главные предложения по реформе строительного дела, которая, нам думается, назрела. Она и дала бы новый импульс развитию жилищного строительства.

КОРР. А что конкретно предлагаете вы сегодня для перспективного типового жилищного строительства в Москве?

Н. КОРДО. Мы считаем, что перспективное планирование квартиры должно начинаться не с черчения, а с работы социологов, которые должны представить себе перспективный образ жизни семьи. А они уже подсказывают нам, что сегодня есть два типа семей: так называемая открытая семья, где есть межсемейные контакты, стремление проводить коллективно свободное время: в квартире устраивают детские елки, читки стихов, самодеятельный театр, просмотр фильмов, снятых летом. И есть противоположный тип семьи — закрытая. Социологи говорят про такую семью, что она живет по принципу: обаяхляться, но не контактировать. Этим все сказано. Они замыкаются в своей квартире, и все.

Так вот, по оценкам социологов, открытых семей сегодня у нас в Москве 40 процентов, а закрытых — 60. Со временем, говорят они, эти цифры должны перевернуться. Так вот мы в перспективном планировании квартиры будущего ориентируемся на открытую семью. Мы исходим из того, что постепенно сама организация квартиры будет спо-

собствовать формированию открытого образа жизни семьи. Средствами планировки сегодня можно сделать многое. Знаете, как мы в свое время избавились от коммунального заселения? Именно планировочными средствами. Мы ввели в квартиру проходные комнаты и таким образом отучили заселять эти квартиры коммунально. Средствами планировки можно сделать жизнь семьи более интересной, и исходя из этого, мы и формируем квартиру будущего, которая будет совершенно другой, чем сейчас.

КОРР. В чем же суть ваших предложений по перспективной квартире?

Н. КОРДО. Мы считаем, что должно быть углублено функциональное зонирование квартиры: то есть если сейчас две зоны, то мы предлагаем трех- и четырехчастное зонирование. Например, если в Северном Чертанове кухня 10 метров, то мы, наоборот, делаем кухню очень маленькой, зато непосредственно рядом с ней делаем столовую. Мы считаем, что надо как-то вернуть семейному укладу, образу жизни семьи стабильность. Это очень важно. К сожалению, последнее время приучило нас к тому, что семья не ощущается как тесная, сплоченная ячейка. Надо возродить какие-то семейные ритуалы, в частности, если говорить о процессе приема пищи, то надо просто сесть по-человечески за стол, а не хватать шипящую котлету со сковородки, стоя тут же, над плитой, ее есть и убежать куда-то. Надо вернуть в нормальное русло сам семейный быт.

Для этого, мы считаем, надо создать соответствующую квартиру, которая бы сделала невозможным прием пищи на кухне. Пусть будет так: приготовление пищи на кухне, а прием ее — в общей столовой. Любопытна такая статистика: во Франции 50 процентов семей обедают в кухне, а 50 — в общей столовой. В Польше на кухне обедают 80 процентов, а 20 — в общей комнате. У нас же эти цифры таковы: 95 процентов семей обедают в кухне и только 5 — в общей столовой. Нам хочется эту статистику изменить.

Кроме этого, мы раскрываем все помещения квартиры, то есть переходим на бескоридорный тип жилища, когда происходит естественное перетекание одного пространства в другое. Мы в новых квартирах снимаем даже двери, за исключением спальни и ванной. Прямо из передней происходит свободное перетекание в общую комнату, а отсутствие дверей и коридора дает возможность при тех же параметрах выделить столовую рядом с кухней. Получается, что такая квартира имеет три зоны: первая — спальная зона с санузлом, затем зона приема и приготовления пищи и зона коллективной деятельности семьи и приема гостей. В каждом помещении, даже в санузле, вводится обязательное присутствие естественного света.

Разработана у нас и планировочная схема квартиры для семьи с двумя или тремя детьми. Такой семье обязательно нужна игровая комната. Мы сделали квартиру так, чтобы игровая комната просматривалась из кухни, где находится мать.

Конечно, все, о чем я сейчас говорил, это перспектива, рассчитанная до 2010 года. Для того чтобы хоть что-то из этих наших проектов и планов начало осуществляться, нужна прежде всего перестройка домостроительной промышленности. Дело это очень громоздкое, и мы прекрасно понимаем, что есть поток, выпускаются панели, что у нас не снята задача количественная, — это все понятно, значит, на это нужно время. Но... если мы сегодня не будем ставить все эти вопросы как первоочередную задачу, как жесткое, абсолютно жесткое требование к строителям, то мы не получим результата и завтра, потому что инерция, о которой мы столько здесь говорили, будет работать и дальше, а сроки реализации нашей мечты будут все отодвигаться и отодвигаться. У нас есть огромные резервы в плане совершенствования строительных норм и правил, и приведение их в действие — это, пожалуй, сегодня ключевой вопрос для принятия действительно конструктивных решений по назревшим проблемам архитектурного и жилищного благоустройства Москвы.

Беседу вел
Борис ДАЮШЕВСКИЙ.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-КУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1422) АВГУСТ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
рукотворное чудо —
хлеб.

Фото
Анатолия
РЯБКО.

- 1** СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ.
«МОСКОВСКИЕ ЭТАЖИ».
- 4** АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА.
Ирина ЕРМОЛАЕВА. «ФАКТОР ВНИМАНИЯ».
- 6** АТЕИСТИЧЕСКИЕ УРОКИ.
Павел ЕМЕЛИН. «ЛИКИ КОМПРОМИССА».
- 8** ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ
«ОТСТУПИТЬ ИЛИ ОДОЛЕТЬ?».
- 9** СКОРОСТЬ.
Андрей БАТАШЕВ. «УХАБЫ НА ТРАССЕ».
- 11** ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «СМЕНИ».
- 12** НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
Сергей ВЕТРОВ. «И ЗВЕЗДА С ЗЕМЛЕЮ ГОВОРИТ».
- 14** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
Альберт ЛИХАНОВ. «ПОЧИТАНИЕ ВЕЛИКОГО».
- 16** ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
Елена БРУСКОВА. «ОБЫКНОВЕННЫЕ ТАЛАНТЫ».
- 20** МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Ольга ГАЛАХОВА. «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРЕКРАСНОМ».
- 21** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
Андрей ВАСИЛЬЕВ. «МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЧЕРТЕЖИ».
- 22** Рассказ Юрия НАГИБИНА «ЗА БОЛЬШОЙ ЛУЖЕЙ».
- 24** СИЛУЭТЫ. Михаил ДУДИН. «ХЛЕБНИКОВ».
- 26** ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
Повесть Юрия ВИЗБОРА «АРКТИКА, ДОМ ДВА».
- 28** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Агата КРИСТИ. «ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАРОМ ЗАМКЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

Начало трудовой биографии...
Важный и не всегда простой период в жизни молодого человека. Как встретят новичка в коллективе? С готовностью помочь, научить, поддержать — или равнодушно, безучастно? Опыт Уфимского производственного объединения имени С. М. Кирова привлекает тем, что ни один новичок не остается здесь без внимания. На предприятии создана стройная система работы с молодежью, в которой важную роль играет заводской комсомол.

ФАК В

Адрес
интересного
опыта

Ирина ЕРМОЛАЕВА

Требуются слесари и монтажники, токари и фрезеровщики, крановщики и такелажники... Перед проходными прямоугольниками стендов с названиями специальностей. «Предприятие имеет ясли, детский сад, пионерлагерь, обеспечивает бесплатным проездом...» Льготы, льготы... Но стенды все висят, и списки профессий на них не сокращаются...

Знакомая картина, не правда ли? А вот перед проходными Уфимского производственного объединения имени С. М. Кирова подобных стендов нет. Сняли за ненадобностью. Хотя никаких особых льгот типа «квартиры в течение года» или «бесплатного проезда» здесь не предоставляют. Кроме одной-единственной — стать членом коллектива...

Случается и так: завод приглашает, а придешь — в отделе кадров тебя не ждут. Тот вышел, этот занят, сегодня уже закончили, завтра еще не начали. Фотография не того размера, медицинская справка не той формы, печать не такая... Словно тест на долготерпение.

Социологи утверждают: только 30 процентов поступающих на работу по объявлению «выдерживают» процедуру приема.

Итак, один из трех дошел-таки до цеха.

Там, разумеется, все при деле, план выполняются, и та же картина: «не ждали»...

Рабочего места нет, инструмента и спецодежды — тоже. Не верите? Значит, вам повезло.

— Давай пока на подхвате побудь. Наука простая: круглое катать, плоское таскать. Понял?

Через две недели зарплата — кот на плакал...

— А не заработал больше...

— И-и-и, какой быстрый! Поработай сперва с наше, доживи до наших лет... Расстроился, обиделся, бросил в ответ:

— Да что, заводов, что ли, мало?!

Еще статистика: 70—80 процентов увольняющихся — рабочие со стажем до одного года, из них больше половины — молодежь.

Примерно так было несколько лет назад и в Уфимском объединении. Тщетно ломали головы, что делать: в цехах — сотни человек, каждым заниматься — работать некогда. Когда текучка заедает, тут не до текучести кадров. А если вдуматься — именно эта самая текучесть и порождает многие беды.

Бороться с текучестью в объединении имени Кирова начали с «начала» — с отдела кадров. Почему он должен где-то ютиться, отгораживаться барьерами или дверьми с прорезанными окошечками? Отдали под отдел кадров просторное помещение, украсили его современным интерьером.

Вместо недельного унизительного хождения «по инстанциям» — оформле-

ние в один день. Это реально, когда не ты, а тебя ждут: и сотрудники отдела, и психолог, и фотограф, и врач... Сотрудник проводит в цех, познакомит с начальником, затем будьте добры дать «интервью» психологу. Нет, в душу он лезть не будет, просто заполнит необходимую для дальнейшей работы карту «ОУК» (оперативного учета кадров), где зафиксирует данные о составе семьи, жилищных условиях, мотивы прихода в объединение.

Следующий день уже отмечен в трудовой книжке как первый рабочий. Утром быстро целком затвором аппарата заводской фотограф, потом медосмотр, заводской музей, просмотр фильма об объединении, бесплатный (!) обед. После обеда познакомят с коллективом, выдадут все необходимое для работы и торжественно вручат пропуск, а также специальное удостоверение адаптанта. Так называют здесь всех новичков в течение первого года, будь то хоть главный инженер.

Адаптант — категория особая, имеющая определенные льготы. Несколько лет государство платит студенту стипендию, не получая до поры до времени никакой отдачи. А разве менее оправданно было бы давать такой «аванс» молодому рабочему, который уже пришел на предприятие? Да, он еще не все умеет, но научат, нет нужной квалификации — будет. А пока предприятие гарантирует минимальный заработок в размере 100—120 рублей в зависимости от сложности работы.

Новичок, конечно, не может тягаться с опытными рабочими, чьи портреты висят на Доске почета. Но старается не меньше, работает не хуже, разве что на своем уровне, в «новичковой» лиге. Пусть и его успехи будут отмечены званием «Новичок — умелые руки», а самые достойные увидят себя на специальной Доске почета «Хорошее начало — залог успеха».

Никто не имеет права смотреть на адаптанта как на кандидата номер один для отправки на «картошку» или на сенокос. Если возникнет необходимость, он на равных правах со всеми может получить путевку для ребенка в пионерлагерь, для себя — в пансионат или профилакторий.

А еще к нему прямо в цех будет регулярно приходить психолог, интересоваться, как работает; и цеховой совет адаптантов не оставит новичка без внимания, и комитет комсомола. Если все же возникнет «критическая ситуация», всегда можно набрать четыре цифры — номер «телефона отзывчивости» — и дежурный психолог поможет разрешить проблему.

Невероятно? Непривычно? Да нет, нормально. Просто долго мы привыкали к другому — в заботах о плане подчас забывали, что «делают» его люди.

— Только не надо представлять нас благотворительным заведением, — сразу оговорился генеральный директор объединения Р. А. Гареев. — Мы предприятие, выпускающее современное телефонное оборудование, производство,

которое должно «давать план» и быть рентабельным. Да, у нас внедряется новейшая «безлюдная» технология, действуют автоматические линии, роботы, но главным и неисчерпаемым резервом повышения производительности труда был и будет прежде всего человек с его психологией и личными качествами. Мы это понимаем, из этого и стараемся исходить в решении, казалось бы, чисто производственных задач... В чем это проявляется? Ну, возьмем тот же вопрос текучести кадров. Проще всего увидеть вред в том, что оголяются рабочие места. Можно подсчитать и стоимость времени, уходящего на прием-увольнение, на обучение новых работников... Но все это лишь одна сторона медали, на другой же, образно говоря, начертан следующий бесспорный принцип: добиться действительно кардинального повышения эффективности производства сегодня может только стабильный коллектив!

Несколько лет назад в объединении разработали и внедрили социально-психологическую систему «Внимание». Задача — помогать влиться в коллектив новому работнику, вместе с ним решать проблемы, которые мешают ему нормально трудиться.

За первые два года текучесть кадров снизилась здесь с 18 до 8 процентов, а ежегодный экономический эффект от внедрения системы составляет сегодня более полутора миллионов рублей. В прямом смысле слова цена внимания!..

По каким критериям определять эффективность работы заводского психолога? По уровню текучести кадров? Но цех цеху рознь, для одного средний по заводу показатель — 8 процентов — почти ЧП, а для другого — мечта...

Молодой психолог Нелли Назмутдинова курирует сразу два цеха — инструментальный и литейный. С инструментальным проблем особых обычно не возникает. Работа престижная, по-настоящему творческая, да и заработки высокие. А вот «литейка»... Строится новый цех. Значит, все новое оборудование пойдет туда, а тут работай на старом... Словом, почва для конфликтов благодатная.

— Только вы не думайте, что чуть какое недоразумение — все сразу к психологу бегут, тем более молодые ребята, — говорит Нелли. — Самолюбие не позволяет жаловаться. Приходится порой становиться Шерлоком Холмсом, чтобы понять ситуацию.

Вот, например, в конце прошлого года, чувствую — назревает кризис. Что делать? Решила организовать досрочную встречу Нового года. Честно говоря, боялась, что многие не придут, а если и придут, то могут... все испортить. Пришлось и масовиком-затейником поработать, и хозяйкой, и «дипломатом». За круглым столом, за праздничным разговором решились многие производственные проблемы.

На днях подает адаптант заявление — увольняюсь. Беседую с ним. Не устраивает зарплата, получил от друга письмо, зовет шофером на Север, горы золотые обещает, и все, «заклинило» парня. Спрашиваю: водительские права есть? Оказывается, нет. Говорю, подожди до конца года, чтобы не пропала тринадцатая зарплата. Нет, упирается: не могу. Но вижу, парень постоянно глаза щурит, хотя и не против света сидит. Зрение плохое? Опять отвечает «нет». Хорошо, говорю, согласие я дам, только пройди медкомиссию в заводской поликлинике. Выяснилось, что зре-

ние у него для шофера плохое. В результате остался.

— Понятно, что вы должны отстаивать интересы производства, но — чисто по-человечески — стоило ли отговаривать молодого парня остаться в цехе, где изменений к лучшему в ближайшее время не предвидится?

— Исхожу из того, что не там хорошо, где нас нет. Не уходит же человек из родного дома навсегда только потому, что там, например, ремонт начался! Бывают временные осложнения.

— А если предотвратить увольнение не удается?

— Тогда советую, как лучше уволить. В одних случаях возможен перевод, чтобы не терять отпуск, в других случаях полагаются подъемные или проездные. И всегда благодарю за работу, приглашаю возвращаться.

— Возвращаются?

— Да, многие...

— А я хочу, чтобы, расставаясь с нами, человек плакал, — так сказал начальник цеха печатных плат Касым Мутагулович Мясягутов.

Первое, что бросается в глаза в этом цехе, склоненные головы над прямоугольниками текстолита, будущими печатными платами, первоосновой любой здешней продукции, будь то телефонный аппарат или целая АТС. Работа требует большого напряжения глаз, постоянного внимания, усидчивости, аккуратности, поэтому здесь и работают в основном женщины. Их чаще и сильнее беспокоят домашние проблемы; бывает, с плохим настроением приходят в цех.

— Касым Мутагулович, зато, говорят, у вас настроение всегда хорошее...

— Говорят — значит так и есть. Я привык верить психологам и повторяю: от плохого настроения производительность труда понижается на 20 и даже больше процентов. А ведь как легко это самое настроение человеку испортить! Захожу вчера на один участок — никого нет. А за дверью стоят девушки и жуют бутерброды, хотя рабочий день недавно начался и до обеденного перерыва еще далеко. Накричать на них? Замечание строгое сделать? Но знаю: девчонки молодые, все в общечитии живут, прости, наверное, и позавтракать не успели. «Что, перекуриваете?» — спрашиваю. Они смеются: «Хотите, «сигареткой» угостим?» — и протягивают бутерброд. Быстро доели свой завтрак и за работу. К вечеру план не то что выполнен — даже сверх нормы дали.

Иногда бывает, поступает к нам слесарем молодой парень — любитель выпить, прийти попозже, уйти пораньше, а то может и совсем прогулять. Конечно, легче всего, особенно сейчас, его просто уволить. А для меня это расписаться в собственном бессилии. Да и не только для меня: когда надо за человека бороться, тут все включаются — и совет адаптантов, и инспектора по контролю за адаптацией, и комсомол — вся система «Внимание»...

— Какая роль отводится комсомолу в системе «Внимание»? — спросила я секретаря комитета ВЛКСМ объединения Олега Юсупова.

— Со всеми молодыми ребятами знакомимся еще в отделе кадров. Там в часы приема на работу всегда дежурит представитель нашего комитета. Сразу стараемся найти для них интересное дело по комсомольской линии, чтобы легче было войти в коллектив, познакомиться с ним поближе. Что касается производственных вопросов, скажу так: психологи решают проблемы «сверху».

ТОР НИМАННЯ

через начальника цеха, а комсомол — «изнутри», через бригаду...

Известно: чем больше добиваешься, тем отчетливее видишь еще не достигнутое, не сделанное, упущенное — те самые пресловутые «неиспользованные резервы». Пришло время, и в объединении поставили задачу так: бороться не только против текучести, но и за возвращение на родное предприятие тех, кто заканчивает службу в армии.

Все внимание к ребятам, уходящим на срочную службу, ограничивалось до недавних пор торжественными проводами и несколькими поздравительными открытками. Неудивительно, что, отслужив, в объединение возвращались немногие. С какими проблемами в первую очередь сталкивается бывший солдат? С тем, что костюм не по окрепшей фигуре, куртка вышла из моды, а денег, чтобы приобрести новые вещи, еще не заработал.

Стали в Уфимском объединении заключать добровольные договора с уходящими в армию. Трудовая книжка остается на предприятии, а когда солдат возвратится, то сразу получит подъемные — сто рублей, обе тринадцатые зарплаты за период службы и к первому отпуску — дополнительно шестьдесят рублей. Конечно, если планы изменились, никто документы под замком держать не будет, так что в любом случае солдат ничего не теряет. Но не много ли теряет предприятие, выплачивая такие суммы? В объединении считают, что, напротив, выигрывает. Ведь если раньше после службы обратно на предприятие приходило около 20 процентов ребят, то теперь — более шестидесяти.

Когда в конце года планировался традиционный «армейский» выпуск многотиражной газеты «Кировец», редакция даже решила послать «специального корреспондента» в воинские части, где проходят службы молодые рабочие. Узнали, что многие попали в Подмоскovie, и направили туда психолога Назиру Валитову.

...Дежурный по части подошел к солдату Жарикову и со строгим видом сказал:

— Быстро на КПП, тебя там девушка спрашивает. Красивая...

Девушка, к огорчению Жарикова, оказалась ему незнакомой, но, предупреждая все его вопросы, скороговоркой выпалила:

— Я психолог из объединения.

Через минуту внезапно скрывшийся дежурный с испугом докладывал командиру, что к Жарикову зачем-то психиатр приехал, уж не случилось ли с ним чего.

Потом об этом недоразумении, смеясь, вспоминали в одном из учебных классов, где все наперебой угощали Назиру крепко заваренным чаем, а она ребят — башкирским медом с домашними пирожками. Удивляло Назиру, что незнакомых людей может так заинтересовать их объединение, что слушают не просто из вежливости, а задают вопросы, кое-кто даже спрашивает о возможности устроиться на работу. И она с удовольствием рассказывала последние заводские новости — о том, как объявили беспощадную войну пьяницам, даже специальной медалью «награждают» цех, где больше всего любителей зеленого змия. И о том, что заключили договор с кафедрой психологии Башкирского государственного университета, преподаватели которой помогут создать во Дворце культуры Клуб гармонично развитой личности. И с каким успехом выступала недавно агитбригада заводского театра миниатюр...

В последний вечер командировки я зашла во Дворец культуры объединения, где собралась молодежная труппа театра миниатюр. Читали пьесу «Эффект Редькина» — о том, как молодой рабочий безуспешно пытается внедрить свое изобретение. Смеялись над комедией-гротеском, особенно когда речь заходила о производственных неурядицах. Но смеялись так, как смеются над своими недостатками люди, знающие, что сообща способны их одолеть.

Атеистические уроки

Павел ЕМЕЛИН

Дорогая редакция!

Мне не везло в любви. Конечно, если в 17 лет это не повод для уныния, то когда тебе за 20 — тут не до шуток. И раньше встречались парни, которым я нравилась, двое даже делали мне предложение, но все это было не то... И вот, кажется, я дождалась настоящей, большой любви. С Сергеем мне легко и просто, словно мы знаем друг друга с детства, хотя познакомились недавно. Он работает на нашем заводе, а живет в пригороде, в родительском доме.

Мы решили пожениться. Все бы хорошо, но оказалось, что Сергеевы родители — религиозные люди. Они настаивают, чтобы мы обвенчались в церкви. Говорят, что так наш брак будет более крепким и счастливым. Я понимаю, что все это предрассудки — наше счастье зависит только от нас самих. Но как мне быть? Не начинать же совместную жизнь с конфликта?

Поделитесь с подружками. Одна говорит: «Венчайся! Ради любви все можно стерпеть». А другая: «Не поддавайся! Зачем это тебе?»

Как мне поступить — не знаю.

Наташа М.,
Курская область

то письмо напомнило одну историю...

Отца Иван не знал. Тот уехал на заработки еще до его рождения, да так и не вернулся. Мать с сыном остались в доме у тетки, старшей сестры отца. Вот уже двадцать четыре года мать внушает сыну, что живут они у чужих людей, которых надо уважать и благодарить за милость и приют.

У тетки, сухопарой, жилистой старухи с черными веселыми глазами, не было ни мужа, ни детей. Смолodu она часто ездила на богомолья в дальние и ближние города, а дома молилась большой потемневшей от времени иконе святой Варвары. Перед иконой висела лампадка, и в комнате всегда стоял приторный запах перегорелого масла. Приезжая с богомолья домой, тетка привозила с собой бидончик «святой воды» и просвирку. И когда Иван с неохотой, которую он старался не показывать, пил кислую воду и ел безвкусную, пресную лепешку, тетка умильно улыбалась, ее черные веселые глаза наполнялись слезами.

На радость матери и тетке Иван рос тихим, послушным. В школе он сторонился ребячьих шалостей, а дома в одиночестве часами просиживал над какой-нибудь задачкой или книжкой. Нет, он не был затворником, нелюдимом, но и задирой, заводилой никогда не был.

После службы в армии работал завклубом в своем поселке, был секретарем комсомольской организации. Но и тогда смелости и задора у него не прибавилось. На работу в клуб Иван ходил, как на каторгу. Хозяевами там чувствовали себя всегда подвыпившие парни. Да и от девчонок Иван добра не видел. Верховодила у них маленькая, юркая, с косичками, разлетавшимися в разные стороны, Галька Снегина. Бойкая, с рыжими чертиками в глазах, она не лезла в карман за словом и могла отобрить или поднять на смех любого.

Но вот однажды среди шумной клубной кутерьмы Иван встретил ее взгляд... Не насмешку и лукавство увидел он в Галькиных глазах, а сострадание и доверчивость. Лишь тогда он понял, что за буйным весельем этой девчонки скрывалось совсем иное — стремление хоть на время забыть скандальную жизнь в семье, где властвует пьяница отец, где, кроме нее, еще две сестренки и братишка.

Сразу же после свадьбы Ивана и Гали тетка стала укорять молодых: «Живете не по-божьи». Как большая черная птица, кружила она по дому и предрекала беду. «Грех, грех», — слышалось Ивану из каждого угла. Святая Варвара черными теткинскими глазами сурово смотрела с иконы.

Пужинали, но мать не торопилась убирать посуду. Присела к молодым, грустно посмотрела на них и сказала, обращаясь к сыну:

— Ваня, а вы смиритесь, потешьте ее душу. — Иван понял, что речь идет о тетке. — Съездите в церкву-то...

— Нельзя нам, мама, — с той же грустью в голосе ответил сын. — Ведь мы же комсомольцы.

— А что, комсомольцы разве не такие же люди, как все? По одной земле ходим, один хлеб едим...

Иван поморщился.

— Не в этом дело, мама.

— А в чем же? — встрепелулась мать. — Тебе, я вижу, комсомол дороже родной матери. Который год красную книжку носишь, секретарем был, а толку-то?.. Что тебе дали за это?..

— Мама! — укорил ее Иван.

— Что «мама»? — Голос матери дрогнул, еще немного, и она расплачется. — Все для тебя. Работаю, спины не разгибаю, у чужих людей живем, а ты... — Мать всхлинула. — Мне-то что, живите, как хотите, венчанные или невенчанные, только тетка тут хозяйка, как скажет, так и будет.

— А что она говорит? — насторожился Иван.

— Прямо не говорит, а намеки дает. — Мать успокоилась и продолжала ровным, уверенным тоном: — Дом-то ее, возьмет да и скажет: вот вам бог, а вот вам порог.

Иван задумался. Он знал, что по документам дом принадлежит тетке, но сколько здесь и их с матерью труда...

Иван посмотрел в окно — зыбкая полоска света выхватила из темноты два тонких деревца. Эти липы у дома посадил он, Иван. Все тут его, родное. Неужели когда-нибудь он покинет этот дом?..

Мать, видя, что сын смягчился, заговорила с новым чувством:

— А комсомольцы не венчаются, что ли? Ну, поругают немножко, а потом забудут.

— Я и в церкву-то ни разу не был, — попробовал возразить Иван.

Мать просияла в примиряющей улыбке.

— В церкву красиво, — нараспев говорила она, — певчие поют, свечи горят, лики расписные...

— Будет, будет, — улыбаясь, прервал ее Иван. — Поздно уже, спать пора.

Он думал, что этим все и кончится, но не тут-то было. К недобрим пророчествам тетки, слезным просьбам матери прибавились и вкрадчивые уговоры жены. Это была уже не та бойкая и острая на язык девчонка, а степенная, рассудительная женщина. Гладко зачесанные волосы с монашеским пучком на затылке придавали ей строгий, благочинный вид. «Надо обвенчаться, Ваня, — тихо говорила она мужу. — Иначе тетка нам житья не даст. А куда мы пойдем? У нас дома, сам знаешь, что делается, да и твою мать не на кого оставить».

Мысль Ивана, следуя за рассуждениями Галины, точно в какую-то мышеловку попала. Как ни крути, а венчания, выходило, не миновать.

Ранним мартовским утром Иван с Галиной и теткой, зябко поеживаясь от промозглого холодного ветра, пошли на автобусную остановку. Путь их лежал в город — в церковь.

...Обычный субботний день. В церкви идет молебен. Молодых тут почти не видно — одни старушки, старики. А вот на церковном дворе, у флигеля, в котором крестят детей, толпится народ. Здесь в основном молодежь.

— Издалека? — спрашиваю общительного, улыбающегося паренька.

— Из Толоконцева.

— Сын или дочь?

— Нет. — Парень понял с полуслова. — Я крестный. — Оказывается, бывал тут раньше, и не раз, так сказать, штатный «крестный отец». — Друг попросил. Разве откажешь?

Рядом стоит молодая мамаша, упорно не желающая смотреть в мою сторону. Подошел и отец ребенка. На вопрос: «Почему решили крестить?» — отвечает то ли в шутку, то ли всерьез:

— Кричит по ночам. Старики говорят: окрестите — перестанет.

В закуточке, отгороженном забором, стоит высокий, худощавый молодой человек. Курит. Тонкое, интеллигентное лицо, в руке модный «дипломат», золотое обручальное кольцо на пальце. Студент, учится в политехническом, комсомолец. Этот из «молчаливых». Крестит сынишку; теца настояла.

Верит ли он? Вместо ответа последовал красноречивый взгляд: ты что, мол, в своем уме? Бросил сигарету и ушел, резко хлопнув дверцей. Да, молодой человек с характером. Только где был его характер, когда он с тетей разговаривал?

В помещении среди «крестных», вставших вокруг купели, узнаю своего собеседника из Толоконцева. Он стоит рядом с благообразной старушкой и держит на руках ребенка.

Священник громко предупреждает:

— Кто не верует в господа бога нашего, должен

удалиться, ибо таинство крещения не будет иметь силы.

Никто не удалится. Священник начал обряд.

— Отрекохом,— звучит его трубный голос,— от сатаны, от скверны... Повторяйте, православные, отрекохом...

— Отрекохом,— вразнобой повторяют «крестные» отцы и матери непривычное для большинства церковно-славянское слово «отрекаемся».

— Отрекохом,— говорит и парень из Толоконцева, комсомолец, как успел я узнать.

Итак, что же (или кто же) заставляет молодых, не верящих в бога людей идти в церковь? Иван и Галина уступили требованиям богомольной тетки. Студент-политехник сдался на милость теще. Молодая чета из Толоконцева послушалась совета «знающих» людей. Иначе говоря, все они пришли сюда не по своей воле, вопреки своим убеждениям.

Впрочем, будем осторожны со словом «убеждения»: их-то, твердых мировоззренческих убеждений, в данном случае как раз и не хватает. Налицо лишь шаткость жизненной позиции у таких, с позволения сказать, комсомольцев. Не умеют они и не пытаются отстаивать свои взгляды, пасуют перед бытовыми трудностями. А бывает и так, что идут в церковь потому, что за участие в крещении или венчании получают от религиозных родителей или родственников солидное вознаграждение — машину, кооперативную квартиру и т. п.

Ну, а где же в это время бывает комсомол, товарищи по организации? Тут-то и нужно бы проявить комсомольскую солидарность, протянуть руку помощи. Увы, комсомольская помощь нередко приходит слишком поздно, а ведь силы и возможности помочь в подобных житейских ситуациях имеются.

Вспоминаю случай, происшедший в Лысьве, небольшом городке Пермской области. Молодую женщину не хотели брать из роддома родители мужа. До тех пор, пока не даст согласия крестить новорожденного. Казалось бы, положение безвыходное — молодожены жили в родительском доме. Но вышло по-другому: комитет комсомола завода, где работали молодые супруги, помог им устроиться в общежитие. Некоторых тогда удивило «упрямство» молодой матери: дескать, ради ребенка могла бы пойти на уступки. Она же так объяснила свое несогласие крестить сына: «Как бы я смотрела в глаза ребятам, которых сама призвала к принципиальности?»

Да, хорошую закалку получила эта девушка в комсомоле. В отличие от парня из Толоконцева она не пойдет в церковь, не будет повторять вслед за священником: «Отрекохом». Она не отрекается ни от себя, ни от своих убеждений — у нее-то они есть!

Приведу еще одно письмо, полученное редакцией. «Я комсомолка, но, выходя замуж, венчалась в церкви. Как это получилось? Как до такого могла додуматься современная девушка? — спросите вы. Чего мне не хватало? Чего я ждала от церкви?»

Эти вопросы и не стояли передо мной тогда с такой остротой, как сейчас. Я больше думала о платье и туфлях, о предстоящей свадьбе. Наш союз был узаконен в Доме бракосочетаний, но хотелось еще чего-то необычного, возвышенного, красивого. Ведь замуж выходят один раз в жизни — по крайней мере я так считаю, — и хочется, чтобы этот день был самым памятным.

Вот тогда-то я и вспомнила о церкви. Точнее, вспомнила разговор, который был у меня полгода назад. Один молодой человек, умный, интеллигентный, говорил мне о том, что сейчас модно венчаться в церкви, о том, какой это красивый старинный обряд. Мы еще поспорили. Я говорила, что ни в какое «поповское счастье» я не верю, а он говорил только о красоте...

В церкви раньше я никогда не была, но видела в кино всю красоту венчального обряда, всю пышность этой церемонии, и мне захотелось того же. Но как только я переступила церковный порог — все мгновенно рухнуло. Я опустилась с небес на землю и смотрела уже на все происходящее трезвыми глазами. Нет, я не увидела ни торжественности, ни блеска. Представьте мое чувство, когда я слушала торопливые речи священника, видела его спешку — и это «раба божья» по отношению ко мне. Это было уже не возвышенно, а, наоборот, унижительно».

На конверте стоял обратный адрес, и мы встретились с Татьяной С. — так она подписала свое письмо. Высокая, милостивая девушка, открытый, доверчивый взгляд. Окончила десятилетку, мечтает учиться в медицинском институте, а пока работает санитаркой в больнице.

Таня сама пришла в райком ВЛКСМ и рассказала о своем поступке. Ей объявили выговор, но в комсомоле оставили.

— Вы не представляете, как я рада, что меня правильно поняли,— горячо говорила она.— Не знаю, как бы я пережила недоверие товарищей. К счастью, мне поверили.

А знают ли у нее на работе о венчании? Как относятся к нему Танины подруги? Оказывается, знают, и самое тревожное то, что они не осуждают такой поступок, наоборот, кое-кто из незамужних девушек тоже собирается венчаться. «Я им говорю, что в церкви нет ничего заманчивого,— рассказывает Таня,— а они твердят свое: там должно быть красиво».

Татьяна поняла ошибочность своего шага, когда оценила его с позиций разума. Религия же чаще обращается к эмоциям, чувствам — за многие века своего существования она достигла в этом определенных результатов.

В словах девушек: «В церкви должно быть красиво» — есть доля истины. Кто не знает, что церковные храмы и в России, и за рубежом расписывали нередко величайшие мастера живописи. Церковь, учитывая естественное стремление к прекрасному, издавна пыталась использовать красоту для религиозного воздействия на прихожан. Поэтому в культовом здании любая вещь, в том числе и живопись, служит тому, чтобы создать особую атмосферу, которая вызывает у верующего подобающее случаю смиренное, молитвенное настроение. Иными словами, подготавливает человека к восприятию религиозных заповедей и догматов.

Некоторые молодые люди за внешней красотой церковного обряда не видят его социального, идейного смысла, слепо следуют церковным предписаниям. Совершая религиозный обряд, юноши и девушки, не верящие в бога, тем самым укрепляют авторитет церкви, расширяют ее влияние — хотя они того или не хотят, следуют ли чьим-то советам или весьма сомнительной моде.

Кое-кто из молодых ошибочно считает крещение и венчание «народными обычаями» — такое мнение опять на руку церкви. Сейчас, когда русское православие готовится отметить тысячелетие «крещения Руси», богословы стараются представить церковь как единственную хранительницу народных традиций, некоего «вечного национального духа».

Свадебные машины катят к церкви. И это, повторяю, не может не тревожить. «Мы научились критиковать религию,— говорил один комсомольский работник из Горького,— но часто не противопоставляем ей ничего своего, положительного. Не подкрепляем слова делом. Критикуем, например, религиозную обрядность, но мало еще заботимся о том, чтобы наши ритуалы не уступали церковным ни в красочности, ни в эмоциональности. Скажем, какое-то радостное событие у человека — посылаем открытку. Приятно, поздравить неудобно. Или же более важные дела найдутся. А если у кого-то горе — тут открыткой не поможешь. В общем, формальное получается у нас внимание к человеку — вот в чем беда».

Я вспомнил эти слова, когда в одном из райкомов комсомола меня буквально засыпали разными бумажными «наказами»: наказ совершеннолетнему, наказ призывнику, даже наказ новорожденному... Все они отпечатаны на отличной бумаге, только, думаю, мало кого взволнуют выведенные золочеными буквами «теплые слова» тиражом в 500 и более экземпляров. Подобный формализм и казенщина способны лишь погубить доброе дело.

Человеку нужен обряд. «Даже для печали человек должен иметь проложенные рельсы, по которым идти — вой, панихиды и т. д., — заметил в своем дневнике Лев Толстой.

Да, не пышностью, не внешней красотой важен обряд, а этой обращенностью к внутреннему миру личности, к сокровенным струнам человеческой души. Обряд дает выход как положительным, так и отрицательным эмоциям, приобщает твою радость или твою горе к общим переживаниям. И это чувство сопричастности приносит нам и удовлетворение, и облегчение. Говоря словами поэта, «я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз...».

Комсомольцы часто выступают инициаторами и пропагандистами новой обрядности. Дело это непростое, требующее знаний, фантазии, вкуса, чувства меры. Не все одинаково приемлемо в новых ритуалах, но сложность работы не пугает подлинных энтузиастов.

Ну, а все-таки как же быть Наташе М., написавшей письмо в редакцию? Пойти «ради любви» в церковь или же наотрез отказаться от участия в обряде, который сама она считает отжившим предрассудком?

Дать ей совет — значит еще раз повторить уже сказанное. Пусть решает сама. Одно только добавлю: семейный мир, купленный ценой компромисса со своей совестью, редко бывает прочным.

У нас умерла мать, и мы с братом остались одни в трехкомнатной квартире. Могут ли к нам подселить жильцов?

МАКСИМОВЫ, Оренбург

Нет, не могут. В отличие от ранее действовавшего закона Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик не содержит положения об изъятии излишков жилой площади по требованию наймодателя (жилищно-коммунального органа). Только сам наниматель (квартиросъемщик), имеющий излишнюю площадь сверх установленных норм, вправе решать этот вопрос. С согласия других членов семьи он может обратиться в исполком местного Совета народных депутатов, на предприятие, в учреждение, организацию (в зависимости от принадлежности жилого дома) с просьбой о предоставлении ему жилого помещения меньшего размера взамен занимаемого.

Однако следует иметь в виду, что оплата за излишки жилплощади взимается в повышенном размере.

В конце месяца на фабрике часто бывают авралы и из-за неукомплектованности штатов приходится оставлять работать несколько часов с другой сменой. Как должны оплачивать переработку и сколько времени можно работать сверхурочно?

Ю. С., Иваново

При нормальной организации труда авралов на производстве не бывает. Законодательство стоит на охране трудовых прав и здоровья рабочих и служащих, поэтому сверхурочные работы допускаются только в исключительных случаях, которые указаны в кодексах законов о труде союзных республик.

Привлечение к сверхурочным работам производится только с разрешения профсоюзного комитета. Некоторые категории работников не могут привлекаться к таким работам совсем, а инвалиды и женщины, воспитывающие детей в возрасте от года до восьми лет, на работу вызываются только с их согласия. Нельзя сверхурочно работать беременным женщинам, а также кормящим матерям и работницам, имеющим маленьких (до года) детей, подросткам (до 18 лет), учащимся вечерних школ и профтехучилищ в дни занятий и некоторым другим категориям работников.

Трудовым законодательством установлен охранный предел сверхурочных работ, который не может превышать для каждого рабочего и служащего четырех часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год.

Как оплачивается сверхурочная работа? При повременной оплате труда такая работа за первые два часа переработки оплачивается в полуторном размере, а за последующие часы — в двойном. При сдельной оплате труда, а также там, где действуют единые тарифные ставки, за сверхурочное время работы производится доплата в размере, установленном законодательством. Например, сдельщик, помимо заработка по сдельным расценкам, получает доплату по 50 процентов своей тарифной ставки за первые два часа и по 100 процентов — за последующее время.

«ОТСТУПИТЬ ИЛИ ОДОЛЕТЬ?»

НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО

Итак, какую позицию выбрать? Смотреть на работу как на творчество или как на средство существования? Для меня так вопрос не стоял. Родители мои — учителя, сама с детства мечтала стать учительницей. Долго только колебалась, какой предмет выбрать. Победила любовь к литературе и языку. В школу после распределения ехала исполненная самых радужных надежд.

Но все по порядку. Первый год, как молодой специалист, я имела право не брать классное руководство, но решила сразу же начать постигать азы педагогической работы. Дали мне 6-й класс — не из легких, но активный. Первая трудность, с которой сразу столкнулась, — резкий спад успеваемости. В пятом классе была «продленка», в 6-м ее не стало, у многих мальчиков не было отцов или же были, но неродные, а мамы работали поменами. Контроля или вовсе нет, или есть, но слабый. Решила я организовать группу продленного дня на общественных началах. После уроков дети шли домой, обедали и приходили в школу. Трудно им было сначала, но какой радостью светились их глаза, когда они, «отпетые», привыкшие списывать, впервые самостоятельно решили задачу по геометрии.

Счастье, однако, длилось недолго. Моя «наставница», преподавательница, которой я была как бельмо в глазу (не было бы меня — у нее вышло бы полторы ставки, сама как-то призналась), увидела, что один мальчик пришел в школу без сменной обуви. Она при всех детях накричала на меня. Что только я не услышала: и самовольничать-де я, и кто меня просил заниматься с ними. Нажаловалась директору, и группу закрыли.

Но на этом мои напасти не кончились. Большое распространение в то время получили дискотеки. Мы решили провести в классе диско-программу. С репертуаром, сценарием и ознакомила завуча, и что же? Прямого запрета не было, но вместо оценки, совета я услышала: «Лучше бы они у вас уроки учили!».

Трудно, очень трудно бывает иногда отстаивать свои убеждения. Не хочется впадать в патетику, но сейчас, когда назрела необходимость работать по-новому, так и хочется сказать: «Дорогие коллеги учителя! Методически правильные уроки — это хорошо. Но как порой мы ведем себя с учениками? Не дорос меня учить» (хотя учит правильно учительницу-грубиянку). «Делай, что сказано» (хотя в данном случае нужно просто посоветовать) — такое приходится слышать в школе еще ой как часто. Пора, пора нам перестраиваться!

А отношения в педколлективе! Молодые учителя за любой маломальский промах склоняют на всех заседаниях. Как-то я не выдержала, расплакалась на очередном педсовете. Пожилая математичка «посочувствовала»: «Деточка, ну что ты так расстраиваешься, твой класс такой же, как и другие, но ведь надо же кого-то называть в числе худших!».

Я в ярости против таких методов работы. Ведь самое страшное, что происходит при этом, — отпадает желание работать с душой. Такого допустить нельзя.

Наталья КУДРЯ,
г. Красногоровка Донецкой обл.

«ВЫХОД, ГДЕ ВХОД»

Думаю, все случившееся с Андреем Окаевым не повод для отчаяния.

Недавно в одном магазине я видела забавное объявление: «Выход, где вход». В данном случае это так и есть. Раз идея — учить детей прекрасному — пришла в голову молодого педагога, значит, она отражает насущную потребность времени, так сказать, носится в воздухе. А раз так, значит, не он один занимается этой проблемой. Есть уже в этом деле достижения и авторитеты.

Предлагаю и свою помощь. Я музыковед с семнадцатилетним стажем музыкально-пропагандистской работы (лектор Московской областной филармонии). Нередко бываю на совещаниях по эстетическому воспитанию школьников, где стоишь: нет кадров! Нет в школе людей, способных возглавить кружки и клубы.

Так что дело начато хорошее (имею в виду клуб «Прометей»), и надо его отстаивать. Между прочим, учитель Н. Капизникова, много лет назад организовавший в поселке Мундыбаши (Горная Шория) ученический оркестр народных инструментов, наталкивался сначала на такое же противодействие. Сегодня в это поверить трудно, ведь его оркестр давно прославился на всю страну. А сложил бы он тогда оружие — ничего бы не было.

Уходить из своей школы, уезжать подальше А. Окаеву вовсе не нужно. Это было бы признаком слабости — отступить перед первым же натиском тех, кто и открыто-то выступить трусит! А клуб «Прометей» просто временно закрыт. Временно! На переучет духовных ценностей... А когда он откроется снова, расскажите, дорогой автор письма, своим ребятам, предположим, о Генделе, который не позволил никому сбить себя с пути — ни аристократам, ни болезням, ни кредиторам, ни врагам и завистникам; который, подобно герою своей оратории Саломею, ослепленному врагам, последние годы жизни был погружен в полную тьму (ослеп), но продолжал говорить с людьми языком музыки (как и ослепший Бетховен) о самом главном.

Как видите, искусство само подсказывает линию поведения в вашей ситуации. Искусство всегда дает несравненный урок этики. В этом, а не только в общении с прекрасным, состоит глубокий смысл того, что вы затеяли в своей школе.

Н. МАЛЬТЕР,
музыковед,
Москва.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!

Меня просто потрясла рубрика «Отступить или одолеть?». Мне уже 37, трое детей, все уже большие. Живу в богатом, очень зажиточном селе. Вот уже 10 лет дышу «гилью болотной». До этого жила в той же области, но в другом районе.

До сих пор помню женщину, спасшую мне жизнь: она дала мне свою кровь, когда уже почти не оставалось шансов на спасение. Где живет сейчас мой ангел-спаситель — это была воспитательница детского сада, — не знаю, она, как и я, уехала из села. Да и не хочу, чтобы эта женщина увидела, кем я стала. Нет, я не алкозодичка. Я очень добродетельная мать. У меня прекрасный муж и т. д. и т. п. Но... в селе, где мы живем, людей ценят только по тому, что они имеют. Пусть ты там, тупой, ограниченный человек, пусть ты, кроме программы телевидения, ничего не читаешь... Но если ты имеешь машину, деньги, ковры, стенку, забитую хрусталем, — ты человек, ты «умеешь жить».

Как на кретинов здесь смотрят на тех, кто покупает книги, берет детям фотоаппараты и лыжи, на тех, кто бескорыстно помогает людям. В селе у нас так: прежде чем помочь другому, смотрят: а что я за это буду иметь? Мне страшно, что в такой среде растут мои дети. И что бы ни делала школа, как бы ни старались учителя, такие, как Андрей Окаев, домашнее воспитание берет верх. То и дело слышишь: «А у Лены кроссовки адидасовские. А мохеровые шарфы не в моде сейчас». Страшно, очень страшно становится: что же будет?

Сама я в этом не могу разобраться. Но давайте вместе подумаем, как быть. Что сделать, чтобы наши дети смотрели на человека, а не на его оболочку?

Галина ДМИТРИЕВА,
Новосибирская обл.

ВЕРЬТЕ ЛЮДЯМ

Андрей! Случайно прочла Ваше письмо в журнале «Загорелась душа, зазвела невидимая струна: «Ответить!» Возможно, за это время все или что-то изменилось в Вашей жизни, уже найдены ответы на мучившие вопросы, ушли сомнения, но все же пишу...

Во-первых, у меня есть мечта — организовать поэтический клуб, в котором сочетались бы несколько видов искусства: музыка, песня, слово, движение, краски. Вот уже 6 месяцев я в поиске, много прочла литературы, говорила с разными увлеченными людьми, наблюдала работу разных коллективов, многое уже наметилось, но еще не все сложилось в единое целое. Оказалось, что у меня мало знаний, надо еще упорно работать над собой. В этом плане я сейчас и действую.

Думаю, Вы не откажетесь мне помочь, поделиться опытом работы своего клуба. Ведь искать новые пути, преодолеть рутину старого всегда трудно. Докажите, что Вы правы! А люди, они в большинстве своем хорошие и добрые, но часто от благородных поступков их удерживает лень, безразличие...

Это даже к лучшему, что в самом начале пути Вам пришлось столкнуться со злом. Теперь и Вы причастны к вечной борьбе добра и зла. Найдите в себе силы, обратитесь к книгам, к великим умам — они помогут. Ищите близких по духу людей. Они есть. Они поймут и поддержат Вас!

Валентина ВЕЛИЧКО,
библиотекарь,
г. Дзержинск Донецкой обл.

ПОМОГИТЕ ТАЛАНТУ

Ну почему так получается: умным, увлеченным людям, таким, как Андрей Окаев, приходится уходить из школы?

Говорят, надо бороться. Да поймите же, что в таких ситуациях бороться очень трудно. Человек, который учит детей прекрасному, должен уметь бороться с теми, которые пишут на него анонимки, заниматься этой грязью, после этого и музыка в голову не ползет.

Как нужно то, что делает Андрей Окаев! Сама я работаю в музыкальной школе. Мы занимаемся практически тем же, чем и он.

Вот уже в течение пяти лет мы пытаемся приобщить к эстетическому воспитанию и общеобразовательные школы. Предлагаем нашим ребятам проводить беседы на классных часах, в «звездочках», звеньях. И только единицы классных руководителей идут навстречу.

Создается впечатление, что сейчас у нас в школах поколение (и не одно) учителей, которым совсем не нужно искусство. Поэтому сегодняшняя молодежь плохо знает классическую музыку, живопись и т. д. — это утущение школы. Андрей Окаев занимается именно таким делом, а ему ставят «палки в колеса»...

Галина КРЮЧКОВА,
г. Каменск-Уральский
Свердловской обл.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Здравствуй, Андрей!

Не буду долго объяснять, что и к чему: приезжайте к нам работать, в нашу школу. Мы всем коллективом прочитали Ваше письмо. Нам нужны такие учителя, как Вы.

И. ЧИЧ,
г. Советская Гавань,
школа № 35

Наша дискуссия продолжается.
Ждем писем!

Скорость

Технические виды спорта с каждым годом становятся все популярнее среди молодежи. Объединенные в клубы и секции ДОСААФ советские автогонщики не раз демонстрировали на международных соревнованиях замечательное мастерство, волю и мужество. Однако успешно финишировать нашим спортсменам удается не часто, и виной тому не отсутствие профессиональной подготовки, а организационные неувязки. Впрочем, не будем забегать вперед. Посмотрим пристальнее на проблемы и перспективы отечественного автоспорта.

Авторалли. Тысячи километров, тысячи поворотов, сотни неожиданностей, которые подстерегают экипаж на дорогах разных стран. Хроника авторалли скудна: никто не посадит в спортивный автомобиль на ответственных состязаниях ни журналиста, ни кинооператора... Кое-что, разумеется, можно увидеть во время стартов и финишей на отдельных участках, о чем-то удастся узнать от самих спортсменов. Правда, не много. Гонщики, как правило, предпочитают беседовать о сугубо специальных предметах — «о поршнях и жиклерах», — нежели развлекать непосвященных «случаями из практики». Как-то я долго пытался разговорить Стасиса Брундзу, одного из самых именитых наших раллистов, однако, кроме не слишком внятных слов: «Да, в самом деле, кое-что у нас все-таки иногда бывает», я поначалу ничего не мог из него извлечь. И только потом, после встреч с его штурманами, записал в блокнот несколько неординарных эпизодов, узнал кое-что о характере Брундзы, его приемах гонщика, о том, что Брундза раз пятнадцать переворачивался, горел, ломал позвоночник, и т. д., и т. п.

Состязания раллистов, которые проходят на любых трассах днем и ночью, в ясную погоду и в сплошной туман, — это опасный, трудный, порой изнурительный спорт. Нужно также учесть, что подготовка раллийного автомобиля к соревнованиям, помимо всего прочего, стоит довольно дорого.

Так зачем же нужен автоспорт, в чем смысл деятельности энтузиастов, посвятивших себя извечной погоне за скоростью? Попробуем ответить на этот вопрос, оставив в стороне романтику авторалли.

Первое. Ралли — это форсированные испытания автомобиля. Если в обычных условиях машина проходит всестороннюю проверку в течение долгих месяцев, а то и лет, то во время ралли — за несколько дней. Естественно, что после таких соревнований специалисты получают бесценный материал, позволяющий максимально усовершенствовать модель. Значит, в развитии автоспорта должны быть заинтересованы крупные автомобильные предприятия.

Раллийный автомобиль, как сказал кто-то из ведущих гонщиков, это волк в овечьей шкуре. Сохраняя в какой-то степени облик своего серийного собрата, он не сравним с ним ни по мощности, ни по надежности. Так, например, обычная «Ауди» («Фольксваген», ФРГ) обладает мощностью около 60 л. с., а один из лидеров современного автоспорта, «Ауди-кваттро», созданная на основе этой модели, — до 500... Этот скачок в мощности объясняется тем, что спортивный автомобиль представляет собой уникальную коллекцию технических новшеств и оригинальных конструктивных решений, которые, конечно же, используются

при создании машин нового поколения.

Второе. Успех в ралли — лучшая и, в принципе, единственная эффективная реклама автомобилю. Потому-то крупные фирмы всех стран не жалеют средств, чтобы создать автомобиль-чемпион. Суммы расходов не публикуются, и тем не менее любые затраты окупаются с лихвой.

— Мне не раз приходилось бывать за границей на различных автосалонах, — рассказал заместитель генерального директора внешнеэкономического объединения «Автоэкспорт» И. С. Кухарев. — И я мог убедиться, что сейчас в отличие от прежних времен, рекламируя свои машины, ведущие фирмы делают акцент именно на спорт. Неподвижный автомобиль на стенде сегодня никого особенно не привлекает. Поэтому на всех автомобильных выставках беспрерывно прокручиваются

видеопрограммы, представляющие собой наиболее интересные — трюковые — моменты автогонок. Именно это вызывает интерес посетителей. Поэтому автогонки собирают огромное количество зрителей. Успех в ралли мгновенно увеличивает спрос на машину соответствующей модели. Все хотят ездить на автомобиле той марки, которая выигрывает...

Спортивные машины обычно готовятся не на основных заводах, занятых серийным производством автомобилей, а на мини-фабриках, чаще всего связанных с автоконцернами договорными обязательствами. Достоинства малых фирм — это способность

Андрей
БАТАШЕВ

УУУУУУУУ
ТРАССЕ

или
о том,
что мешает
развитию автоспорта

НА

мгновенно перестраивать производство, быстро ассимилировать научно-технические достижения, используя кооперацию с другими предприятиями, специализирующимися на выпуске тех или иных узлов и деталей. Персонал таких фирм составляют специалисты высочайшей квалификации, наделенные талантом конструкторов и ювелиров. Именно на мини-фабрике «Абарт» (Италия) была, например, подготовлена «Лянчия» («ФИАТ»), чемпион мира 1983 года.

В нашей стране роль такой «малой фирмы» взял на себя Экспериментальный участок по подготовке спортивных автомобилей к международным соревнованиям (ЭУПСА) при Вильнюсском авторемонтном заводе (ВАРЗе). Участок был создан в 1976 году по инициативе выпускника Вильнюсского инженерно-строительного института заместителя главного конструктора ВАРЗа Стасиса Брундзы, десятикратного чемпиона СССР, чемпиона четырех Спартакиад народов СССР, победителя и призера едва ли не всех крупных европейских состязаний.

— Экспериментальный участок Вильнюсского авторемонтного завода — это единственное предприятие в стране, которое выпускает спортивные автомобили, способные конкурировать с зарубежными. (Заместитель генерального директора объединения «Автоэкспорт» И. С. Кухарев.)

— У Брундзы подобрался специалист редкого таланта и мастерства. Никто у нас лучше, чем мастер ЭУПСА, не производит форсировку двигателя. (Ответственный секретарь Федерации автомобильного спорта ЦК ДОСААФ СССР С. В. Ушаков.)

— Это поистине уникальный мини-завод. После того, как на машинах «ЛАДА-СПОРТ» наши гонщики одержали ряд побед в труднейших ралли, эти автомобили стали покупать на Западе, в странах, где раньше были убеждены, что мы не в состоянии сделать машину для ралли. По-моему, это лучше всего говорит о качестве продукции ЭУПСА. (Заместитель генерального директора объединения «ВАЗ» С. С. Борис.)

Участники сборной СССР, выступая на автомобилях «Лада-2105», переоборудованных на ЭУПСА, дважды — в 1981 и 1982 годах — побеждали в одной из самых представительных международных гонок, ралли РАК, проходившем по дорогам Англии, Шотландии и Уэльса, оставаясь за собой «Форды», «Тойоты», «Пежо» и «Рено». В 1980—1985 годах советские гонщики неоднократно завоевывали призовые места в таких популярных соревнованиях, как «Акрополис» (Греция), «Хессен» (ФРГ), «1000 озер» (Финляндия) и т. д. в классе автомобилей с рабочим объемом двигателя до 1600 см³.

Однако, упоминая об удачах советских гонщиков, хочу подчеркнуть: значимость их относительна. Ведь даже побежда в своем классе, советские автоспортсмены, как правило, оставались за пределами первой десятки самого престижного — абсолютноного — зачета, в котором соревнуются автомобили всех классов. Кстати сказать, на этапах чемпионата мира (он разыгрывается ежегодно) очки начисляются лишь тем, кому посчастливилось попасть в эту заветную десятку. Советским мастерам, выступающим в отдельных этапах чемпионата мира с 1958 года, лишь 4 раза удавалось добиться этого...

В последние годы перед нашими автоспортсменами возникли новые проблемы, вызванные тем, что Международная федерация автоспорта объединила два класса автомобилей — до 1600 см³ и до 2000 см³ — в один. Стандартный ВАЗ-2105 обладает мощностью 69 л. с. Трансформируя его, мастера ЭУПСА доводят мощность машины до 160 л. с. И все же

этот автомобиль не может сегодня составить конкуренции лучшим зарубежным машинам, чья мощность свыше 400 л. с.

Автомобиль с двигателем большой мощности выигрывает драгоценные секунды на стартах и на прямолинейных участках. Водитель же маломощной машины, чтобы как-то компенсировать проигранные секунды, должен чрезмерно рисковать на поворотах...

Как результат этого отставания в адрес «Автоэкспорта» стали приходить телеграммы от зарубежных представителей, в которых говорится о нецелесообразности участия советской команды в том или ином этапе чемпионата мира.

Итак, обстоятельства заставляют вильнюсских энтузиастов решать необычайно сложную задачу — создать новый высококлассный раллийный автомобиль. Сделать это только своими силами работники ЭУПСА не в состоянии.

В марте 1985 года руководители союзных министерств автомобильной промышленности, внешней торговли, автомобильного транспорта и шоссейных дорог Литовской ССР подписали «Протокол согласования совместных мероприятий по развитию производства в СССР спортивных автомобилей на базе автомобиля ВАЗ-2108».

Этот документ представляет собой перечень обязательств, которые берут на себя ВАРЗ, ВАРЗ и «Автоэкспорт», чтобы осуществить совместный проект по разработке конструкции, подготовке производства и выпуску на кооперационной основе спортивных автомобилей ВАЗ-2108 «Спорт».

В числе наиболее важных пунктов протокола — обязательство ВАРЗа в плановом порядке поставлять в Вильнюс необходимые узлы и детали. Работники же Экспериментального участка ВАРЗа должны проводить сборку, испытания и доводку раллийных автомобилей в спортивных соревнованиях в СССР и за рубежом.

Помню, сразу же после подписания протокола я попросил Брундзу прокомментировать этот документ.

— Очень своевременное решение, — сказал Стасис. — Оно стало возможным потому, что на ВАЗе заметно усилилось внимание к автоспорту. Раньше завод либо с большим опозданием начинал работу по созданию спортивных модификаций, либо вообще этим не занимался. В нынешнем году одновременно с первыми образцами серийного автомобиля ВАЗ-2108 появилась и его спортивная модификация, представляющая собой, по сути дела, новую машину, отличающуюся от стандартной даже внешне.

Крайне важны, на мой взгляд, и пункты протокола, касающиеся «Автоэкспорта». В них сказано, что это объединение будет решать вопросы, связанные с закупкой импортных комплектующих изделий для спортивных автомобилей. Спустя год я снова беседовал со Стасисом Брундзой на эту тему. Тон его высказываний был куда менее оптимистичен:

— К сожалению, у нас ничего не изменилось. Протокол остался всего лишь словами. Хотя мы и встречаем некоторую поддержку со стороны руководителей Волжского автозавода, все равно приходится по-прежнему прилагать огромные усилия, чтобы ВАРЗ поставлял нам серийные детали, не говоря уже о специальных.

Итак, то внимание к автоспорту со стороны ВАРЗа, о котором Стасис Брундза говорил во время нашей предыдущей встречи, оказалось, видимо, всего лишь эпизодом. Если в прошлом году в международных ралли «Союз-85» участвовали две специально подготовленные в Тольятти вазовские «восьмерки», то в ралли «Союз-86» выступила всего одна из тех машин. Двигаясь такими темпами, нечего рассчитывать, что мы догоним конкурентов.

В ралли «Союз-86» победил чехословацкий гонщик Иржи Урбан на «шкоде», хотя лучший результат показал Степан Васильев из Тольятти, выступавший на «восьмерке». Но она шла вне зачета. Ведь чтобы получить право официально выступать в главных международных соревнованиях на новом автомобиле, необходимо подготовить 200 таких машин. Только тогда эта спортивная модификация может, согласно правилам Международной федерации автоспорта, получить доступ на соревнования...

Сегодня вильнюсские автомобилисты прилагают максимум усилий, чтобы создать новую спортивную машину на базе вазовской «восьмерки», которая могла бы претендовать на призовые места в абсолютном зачете. Но без помощи ВАРЗа работникам экспериментального участка такой задачи не решить хотя бы потому, что у них нет ни литейного, ни штамповочного производства.

— Нам нужна помощь не только со стороны ВАРЗа, — говорит Брундза. — Чтобы создать конкурентоспособный спортивный автомобиль, необходимо закупить за рубежом некоторые узлы и агрегаты, которые у нас в стране не производятся, например, систему электронного впрыска топлива, турбонагнетатели и т. д. Организация собственного производства обошлась бы в миллионы. Поэтому, как утверждают экономисты, дешевле закупить эти комплектующие изделия за рубежом. Кстати сказать, именно так поступают известные автомобильные фирмы мира.

Я слушаю Брундзу и вспоминаю характерный эпизод, произошедший на ралли «Союз-86». В этих соревнованиях (они проходили в феврале) принял участие ученик Брундзы неоднократный чемпион страны Эугениос Тумалевичус. Как утверждают спортсмены, успех в ралли во многом определяет резина, то есть шины, в которые «обуты» колеса. Так вот для зимы, как считают специалисты, необходима резина «Барум» чехословацкого производства. У Тумалевичуса ее не было... После первого дня соревнований он занимал 23-е место.

В тот же день потерпел неудачу его товарищ Ромас Береснявичус — у его автомобиля отскочило колесо, и Ромас не смог продолжить гонку. Но на его автомобиле стояла чехословацкая резина. И тогда поздно вечером, во время перерыва в гонке Эугениос отправился к Береснявичусу и упросил его одолжить колеса. Ночью автомобиль Тумалевичуса «обули» в чехословацкую резину, и на следующий день Эугениос передвинулся на пять мест вперед...

— Нужно еще учесть, — продолжает Брундза, — что специально подготовленный спортивный автомобиль — это экспортный товар, пользующийся большим спросом. Прибыль, полученная от продажи таких машин, с лихвой покрывает затраты на закупку комплектующих деталей для них. Уверен, что раллийные автомобили могли бы стать постоянной статьей нашего экспорта. Кое-какой опыт в этом у нас есть. Автомобили для ралли с маркой VFTS (Вильнюсская фабрика транспортных средств) поставлялись в Канаду и Норвегию, Панаму и Камерун...

— Но предположим, завтра наши гонщики получат наконец современный автомобиль с двигателем в 250—300 лошадиных сил, — говорю я Стасису. — Можно ли в этом случае сказать, что уж тогда-то они добьются больших успехов?

— Я бы воздержался от таких заявлений, — говорит Брундза. — Уровень подготовки техники в значительной степени обуславливает и уровень мастерства гонщика. Ведь, получая в свое распоряжение новый по конструкции и значительно более мощный автомобиль, спортсмен должен

как бы заново учиться ездить. А на это опять-таки нужно время. Не годы, конечно, но уж месяцы — точно...

За последние годы Экспериментальный участок в Вильнюсе явно перерос рамки одного из подразделений авторемонтного завода. Как считают многие специалисты, ему, видимо, необходимо придать большую самостоятельность, наделив статусом межведомственного технического центра, где будет и собственное опытно-конструкторское бюро, и опытный производственный, и полигон для испытания новых конструкций.

Такой технический центр мог бы сотрудничать не только с ВАЗом, но и с АЗЛК, и с «Коммунарком», и с другими автозаводами. Тогда, во-первых, эффективнее использовались бы достижения и находки экспериментаторов всех наших автозаводов, а во-вторых, опыт, накопленный вильнюскими энтузиастами, нашел бы применение в создании спортивных модификаций не только «Лад», но и «Москвичей» и «Запорожцев». Это, кстати, позволило бы шире использовать возможности унификации. Ведь уникальные узлы и детали, изготавливаемые для спортивных машин, крайне дороги, поэтому ставить их на малолитражки одной марки — явное расточительство.

К сожалению, наши автогиганты игнорируют поиск создателей спортивных автомобилей под тем предлогом, что те, дескать, оторваны от реальной жизни, делают какие-то «ракеты», не имеющие ничего общего с обычными автомобилями... Однако практика мирового автомобилестроения доказывает, что между этими «ракетами» и стандартными автомобилями существует теснейшее родство и что мощный и стремительный спортивный автомобиль может заметно ускорить прогресс и своего серийного собрата...

Литву, где выросло много выдающихся мастеров автоспорта, не зря называют «автомобильной» республикой. В течение последнего времени здесь стараниями Стасиса Брундзы и его коллег многое сделано для того, чтобы обеспечить лучших автоспортсменов страны — участников сборной СССР современными раллийными автомобилями. Разумеется, ЭУПСА будет развиваться и совершенствоваться — недавно Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог Литвы приняло решение о расширении Экспериментального участка на ВАРЗе. Все это хорошо. Но сейчас крайне важно, чтобы и скорость этого совершенствования тоже была достаточно высокой...

Пока же Стасис Брундза проводит большую часть своих летних отпусков в поездках, обивая пороги автозаводов с просьбой выделить то-то и то-то. Нервные перегрузки, связанные с «выбиванием» деталей, естественно, сказываются на здоровье. И недавно молчаливый Стасис, столь скупой на слова, признался: «Во время гонки правые повороты выполняю нормально, а левые как-то не так: болит сердце...»

Отвечая на вопрос: «Зачем нужен автоспорт?» — мы коснулись некоторых конкретных проблем производства автомобилей и их реализации. Но есть и другие, ничуть не менее важные. На них в беседе со мной указал секретарь ЦК КП Литвы Альгис Бразаускас.

— Автомобиль, — сказал А. Бразаускас, — это в каком-то смысле символ страны, в которой он создан. Вот почему, когда советские и иностранные гонщики побеждают в крупных международных ралли на машинах советского производства, их успехи выходят за чисто спортивные рамки. Ведь каждая такая победа поднимает престиж нашего автомобилестроения, утверждая высокий авторитет советских ученых и рабочих, конструкторов и дизайнеров.

Предлагают и советуют секретари горкомов, обкомов комсомола

Мы попросили обкомы и горкомы комсомола высказать свои пожелания «Смене». Часть ответов была опубликована в № 11. По указанным в них адресам поехали корреспонденты журнала. А предложения и советы комсомольских работников продолжают поступать в редакцию.

Интерес к журналу читателей Магаданской области растет год от года. И связано это с тем, что «Смена» не стоит в стороне от решения самых злободневных вопросов, выдвигаемых временем. «Смена» ищет и находит свой подход к этим вопросам. Подход, который привлекает внимание молодежи, заставляет задуматься, как жить и работать, к чему стремиться, как лучше организовать свое свободное время.

В. ЗАДОРЖНЫЙ,
секретарь Магаданского обкома ВЛКСМ

Проблемы, поднимаемые журналом, находят широкий отклик у молодых тружеников.

Думается, журналу необходимо продолжить публикации под рубрикой «Творческая педагогика»: материалы, посвященные новому подходу к проблемам моды. Хотелось бы на страницах «Смены-87» видеть больше дискуссионных материалов, затрагивающих одну из главных молодежных проблем — проблему досуга, и в этом плане интересен передовой опыт различных регионов страны.

А. ПОПОВ,
секретарь Саратовского обкома ВЛКСМ

Особый интерес комсомольцев и молодежи республики вызывают статьи о совершенствовании стиля комсомольской работы, социально-экономическом развитии нашего общества, противоречивых процессах международной жизни.

Сегодня наиболее актуальны вопросы повышения ответственности юношей и девушек за свои дела и поступки, их роли в ускорении научно-технического прогресса, влияния старших товарищей на нравственное становление молодого человека. Хотелось бы чаще видеть на страницах журнала статьи, в которых рассказывается об отстаивании комитетами комсомола интересов молодежи, о большом доверии к ней. Было бы полезно узнать о кружках опыта, совершенствовании стиля комсомольской работы по всем направлениям, новых формах организации свободного времени молодежи в других регионах страны. Не менее актуальны сегодня материалы, посвященные критике «новомодных» буржуазных теорий, измышлений враждебной пропаганды, и прежде всего по молодежным вопросам.

Е. ВЕРКОВИЧ,
секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии

Предлагаем рассказать на страницах «Смены» о новых городах и поселках тюменского Севера, о проблемах их становления, предложениях специалистов, рабочих, руководителей по преодолению трудностей роста нашего региона, быстрорастущих городов и поселков, перспективах их развития. Хотелось бы прочитать в молодежном журнале о молодых передовиках производства — лауреатах премии Ленинского комсомола, Тюменского обкома ВЛКСМ.

По-прежнему острым остается вопрос изготовления хорошей спецодежды для работы в условиях Западной Сибири. Разрешим ли этот вопрос? Чем может помочь журнал?

Хотелось бы, чтобы журнал стал своеобразной трибуной по распространению передового опыта различных организаций страны по профориентации молодежи, организации досуга, созданию безалкогольных молодежных объединений на базе баров и ресторанов, работы с молодой семьей.

Ю. НЕЁЛОВ,
секретарь Тюменского обкома ВЛКСМ

На страницах журнала мы хотели бы видеть более предметную разработку проблемы совместной деятельности комитетов комсомола, организаций общепита, культуры по созданию молодежных безалкогольных клубов-кафе, освещению передового опыта по созданию молодежных жилищных комплексов.

А. ФЕДОСЕЕВ,
секретарь Днепропетровского обкома ЛКСМ Украины

Пожалуй, именно это слово наиболее точно отражает ощущения, вызванные у нас перепиской с Министерством угольной промышленности СССР.

В нынешнем году мы дважды публиковали критические материалы, связанные с работой угольной отрасли. В статье молодого шахтера из Кузбасса С. Бычкова «Что предстоит сделать» («Смена» № 3) речь шла о препятствиях, искусственно воздвигнутых на пути развития научно-технического творчества молодежи, о том, что сдерживает прогресс в данной отрасли народного хозяйства. В статье М. Печерского «Бумажный поток» (№ 9) рассказывалось о плачевном положении, в котором оказались горячие профтехучилища Кемеровской области.

На оба критических выступления журнала получены официальные ответы, подписанные заместителем министра В. И. Сороколетовым. Прямо скажем, классические отписки. Впрочем, не будем голословны, обратимся к министерским письмам.

«В статье правильно отмечены недостатки, которые, к сожалению, присущи работе с молодыми изобретателями и рационализаторами не только на шахте «Зырянская» — так начинается ответ на выступление С. Бычкова. Далее текст из другой оперы: «Вместе с тем министерством осуществляется большая работа с молодежью по широкому вовлечению ее в научно-техническое творчество». «Большая работа с молодежью», сообщает министерство, проводилась «в соответствии с постановлением бюро ЦК

также «считает правильной», но... Оказывается, основной причиной крайне медленного строительства объектов профтехобразования в Кузбассе «является недостаток строительных рабочих в этом бассейне».

Да... Годами и даже десятилетиями руководители отрасли и производственных объединений издавали грозные приказы об ускорении строительства учебных корпусов ПТУ, столовых, мастерских и целых комплексов, отпускали на это дело миллионы рублей (так и не освоивших), устанавливали сроки выполнения, обещали работникам профтехобразования создать нормальные условия для подготовки молодой шахтерской смены... Выходит, они не верили в собственные распоряжения? Или искренне не подозревали о сложившейся демографической ситуации, дефиците рабочих рук — и не только в Кузбассе? Между прочим, на возведение высотного административного здания производственного объединения «Южкузбассуголь» в Новокузнецке строительных рабочих нашли. Столовую в том же городе для СПТУ-50 это объединение обещало построить еще в 1976 году, открыли ее... десять лет спустя — и такую, что учащимся приходится обедать в восемь потоков!

В ответе приводятся, справедливости ради скажем, и конкретные данные: когда должны быть сданы в эксплуатацию новые объекты профтехобразования. Памятуя о многолетней практике «долгостроя», многочисленных срывах установленных самими же

НЕДОУМЕНИЕ

ВЛКСМ, Государственного комитета СССР по науке и технике, Президиумов ВС НТО и ЦС ВОИР от 09.06.81 № 46/8 «О Всесоюзном смотре научно-технического творчества молодежи в XI пятилетке» и Положением об этом смотре».

Товарищи дорогие, захотелось воскликнуть нам, на дворе-то уже давно пятилетка двенадцатая! Мы о перспективах, идущей перестройке в работе узнать рассчитывали. И если работа проводилась «в соответствии», как понимать согласие министерства с критикой? Наконец, кто, как и когда собирается устранять «отмеченные недостатки»?

Вместо этого нам сообщают, сколько в прошлой пятилетке было организовано школ молодых рационализаторов, кружков, клубов, комплексных творческих молодежных коллективов, сколько проведено семинаров, слетов. Приводятся радужные цифры поданных молодежью предложений, полученного экономического эффекта. Все это, наверное, неплохо, но какое отношение имеет к предмету нашего разговора? Против благодушия, необязательности, нетребовательности выступили С. Бычков и «Смена», а получили в ответ... прошлогодние цифры. Что же касается непосредственно статьи молодого шахтера, то «руководством министерства дано указание обсудить ее в коллективах отрасли с целью выявления и устранения негативных фактов, усиления помощи молодым рационализаторам и изобретателям, активизации их участия в научно-техническом прогрессе». На этом замминистра поставил точку. Следует понимать: вы там, на шахтах и заводах, занимаетесь ускорением прогресса, а наше, министерское, дело сторона.

Критику в статье «Бумажный поток» министерство

угольщиками сроков, невыполненных обещаниях, мы имели моральное право скептически отнестись к срокам и цифрам, названным в письме из министерства. И, оказалось, не зря.

Когда готовился этот материал, пришел ответ из Кемерово, от заместителя начальника Всесоюзного промышленного объединения «Кузбассуголь» Г. А. Кассихина. «Отмеченным недостаткам дана принципиальная оценка», — пишет он, не вдаваясь в подробности по поводу происхождения этих недостатков. И снова видим мажорный текст: «Разработаны дополнительные... по дальнейшему развитию... повышению... улучшению...»

Мы положили рядом две бумаги — от замминистра и замначальника объединения и... окончательно пришли в недоумение. Пытаясь разобраться, мы даже представили себе диалог двух уважаемых руководителей.

— В нынешнем году предусмотрен ввод в эксплуатацию четырех училищ на 1320 мест, — утверждает министерство.

— На 920 мест, — поправляет объединение.

— СПТУ-50 в Новокузнецке построят в 1987—1988 годах.

— По нашим данным, в 1989-м.

— Планом капитального строительства предусматривается построить за пятилетку профтехучилищ на 5640 мест!

— У нас другая цифра — 4520 мест...

Кому верить? Интересно, что эти две бумаги, в каждой меньше странички текста, вышли из кабинетов в Москве и Кемерове в один и тот же день, а может, и час...

**Отдел рабочей молодежи
и научно-технического прогресса**

РАЗОБРАЛИСЬ

Министерство просвещения РСФСР сообщает, что факты о неудовлетворительных условиях жизни детей — воспитанников специальной школы-интерната № 4 Ленинграда для детей с тяжелыми нарушениями речи, изложенные в письме секретаря комсомольской организации швейной фабрики объединения «Труд» тов. Захаровой Л. Ф. («Смена» № 6, 1986 год), проверены с выездом на место инспектора Главного управления народного образования Ленгорисполкома.

Подтвердились факты сбора вещей для детей-сирот с населения, хотя все воспитанники интерната обеспечены одеждой в соответствии с установленными нормами; кружок мягкой игрушки действительно не имел материала для работы.

С июля 1985 года в школе-интернате работает новый директор. Приняты действенные меры по укреплению материальной базы школы-интерната: проведен косметический ремонт всех жилых и учебных помещений, полностью отремонтированы кровля, теплоцентр, газовое оборудование, канализация. К новому 1985/86 учебному году школа сдана с оценкой «отлично». В укреплении материальной базы школы, улучшении условий содержания и воспитания детей принимает действенное участие Ленинградский опытный завод строительных машин, являющийся шефским предприятием речевой школы-интерната с 1973 года.

В настоящее время все воспитанники интерната обеспечены одеждой и обувью, школьными принадлежностями. Улучшена воспитательная работа, в пятнадцати кружках и спортивных секциях занимаются все воспитанники. Работой трех кружков руководят работники районного Дома пионеров. Все кружки, в том числе кружок мягкой игрушки, обеспечены подделочным материалом за счет шефского предприятия.

Что касается вопроса о укреплении базовым предприятием швейной фабрики объединения «Труд», то исполнительный комитет Красногвардейского района, учитывая просьбу комсомольской организации фабрики, закрепил указанное предприятие в качестве базового за специальной школой-интернатом для детей с тяжелыми нарушениями речи.

Заместитель министра Л. К. БАЛЯСНАЯ

Наука — техника — прогресс

И ЗВЕЗДА С ЗЕМЛЕЮ ГОВОРИТ

Сергей ВЕТРОВ.

Фото автора

ВЫСОКОТОЧНАЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА.
С ЕЕ ПОМОЩЬЮ ВЕЛИСЬ ИССЛЕДОВАНИЯ
КОМЕТЫ ГАЛЛЕЯ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА АСТРОФИЗИКИ ФИРУЗ САХИБОВ.

Не так давно в Дели проходила Генеральная ассамблея Международного астрономического союза. Самым молодым участником на ней был Фируз Сахибов. Кандидат наук, председатель совета молодых ученых Института астрофизики Академии наук Таджикиской ССР. Круг его интересов лежит в области внегалактической астрономии.

— Почему? — Фируз улыбается. — Наверное, потому, что это самая молодая область астрономии. Аристотель писал о неизменяемости Вселенной. Теперь мы знаем: она меняется, и меняется стремительно. В космических представлениях человечества за какие-то несколько десятков последних лет произошла настоящая революция. И внегалактическая астрономия сыграла в этом решающую роль. Скажем, вычисление скорости «разлета» галактик позволило установить возраст нашей Вселенной: двадцать миллиардов лет. Взгляд на другую галактику — это всегда взгляд в прошлое. Ведь даже одну из ближайших, туманность Андромеды, мы видим такой, какой она была миллион восемьсот тысяч лет тому назад... Так обыкновенный телескоп превращается в фантастическую «машину времени». Вселенная интересна тем, что в ней все время что-то происходит. Взрываются ядра галактик, вспыхивают сверхновые звезды... Конечно, все это очень далеко от нас, но мы связаны с космосом значительно теснее, чем это казалось. Один из моих учителей, И. С. Шкловский, высказал гипотезу: динозавры вымерли потому, что в конце мелового периода где-то в нашей Галактике вспыхнула сверхновая звезда. Эта версия пока не опровергнута.

Ну, а использование космоса вообще стало для нас привычным. Гол, забитый Марадоной в Мексике, поражает нас больше, чем то, что эта «картинка» примчалась через космические дали. Человечество умудрилось использовать для своих житейских надобностей даже космическое излучение. Когда московским метростроителям нужно было узнать вес крупнейших зданий в центре столицы, это было сделано с помощью так называемых «мюонных телескопов». Объяснять физический смысл эксперимента долго. Главное — задача была выполнена. Гостиница «Москва» весит сорок пять тысяч тонн. Вместе с табличкой «Свободных мест нет».

Мы разговаривали в Гиссарской обсерватории. Это недалеко от Душанбе. Стояла теплая южная ночь. Давно погасли огни кишлаков. В обсерватории шла обыкновенная, будничная работа. Метеоры, кометы, планеты, звезды оставляли следы своего бытия на стеклянных фотопластинках.

В одной из древнейших иероглифических надписей, найденных в Египте, сказано: «Когда люди узнают, что движет звездами, сфинкс засмеется, и жизнь на Земле иссякнет». Вселенная бесконечно многообразна, и бесконечны пути познания. Сфинкс не засмеется никогда...

**АСТРОНОМ ОЛЕГ ЕВГРАФОВ
ГОТОВИТ К РАБОТЕ
САМУЮ КРУПНУЮ В МИРЕ УСТАНОВКУ
«МЕТЕОРНОГО ПАТРУЛЯ».**

Молодежь и культура

Эстетическое чувство — «есть условие человеческого достоинства: только при нем возможен ум, только с ним ученый возвышается до мировых идей... только с ним гражданин может нести в жертву отечеству и свои личные надежды и свои частные выгоды; только с ним человек может сделать из жизни подвиг и не сгибаться под его тяжестью. Без него, без этого чувства, нет гения, нет таланта, нет ума — остается один пошлый «здравый смысл», необходимый для домашнего обихода жизни, для мелких расчетов эгоизма... Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности».

Этим высказыванием великого русского критика Виссариона Белинского, чье 175-летие со дня рождения отмечается в нынешнем году, мы предваряем очередной выпуск рубрики «Молодежь и культура». Именно воспитание эстетического чувства и есть задача литературы и искусства, причем задача эта не ограничена стремлением привить вкус к хорошему, умение отличать высокохудожественные произведения от поделок. Развивая в себе эстетическое чувство, молодежь учится отличать хорошее от дурного и в жизни, и в человеческих — дружеских, семейных, трудовых — отношениях, и в практической деятельности, и в теоретических, научных изысканиях, и в познании природы.

Эстетическое чувство — это чувство прекрасного, это понимание, осознание идеала, это в конечном итоге побуждение к достижению совершенства — нравственного, физического, гражданского.

«Где нет владычества искусства, там люди не добродетельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; они не борются со злом, а избегают его, избегают его не по ненависти ко злу, а из расчета. Цивилизация тогда только имеет цену, когда помогает просвещению», — утверждал Белинский еще в середине прошлого столетия. Вправе ли мы не прислушиваться к этим словам сегодня?

В очередном выпуске «Молодежь и культура» читатели смогут:

оценить книгу «Сидуэты», составленную из литературных портретов русских и советских классиков, публиковавшихся в разные годы на страницах нашего журнала;

прочитать в этой же рубрике «Сидуэты» эссе Михаила Дудина о замечательном поэте первой половины XX века Велимире Хлебникове;

познакомиться с новым рассказом Юрия Нагибина и продолжением повести Юрия Визбора;

узнать о начале творческого пути молодой балерины Светланы Смирновой и музыкальных исканиях группы «Зодчие»;

поразмьшлять над поэтическими подборками;

встретиться с юными участниками художественной студии «Синяя птица» из украинского села Прелестное.

ПОЧТА ВЕЛИКИХ

Альберт ЛИХАНОВ

Вседневно имея дело с новой и новой человеческой порослью, те, кто задумывает и выпускает наш молодежный журнал, не раз и не два спохватывались: как же непрочно, а главное, неглубоки представления наших молодых читателей, если речь заходит о духовном наследии Отечества, о нашей великой и славной классике.

В чем тут загвоздка?

Конечно же, надо оговориться: это не поголовное явление. Были, есть и будут в новых поколениях сотни, тысячи, десятки тысяч таких, для кого культура прошлых поколений, наша классика — духовное омовение, очищающее человека в его неукротимом беге вперед, великая власть, дарующая человеку свободу развития, наконец, таинство, наполняющее душу волшебной силой, которая помогает взлететь над временем и обозреть бескрайнее пространство, именуемое жизнью, страданием и возвышением народов.

Однако даже десятки тысяч — еще не все поколение. Что же остальные? Отчего они, может, и приобщившись к высокому наследию, все же не постигли его глубин? Причина тут не одна, и нет смысла лишь на одно какое-то явление перекладывать всю полноту ответственности.

Плоховато, пожалуй, работает библиотекарь, всего-то-навсего предлагающий том классики, вместо увлеченного, даже интригующего обращения, на-

мека, цепляния? — к интересу, к духовным потребностям растущего человека. И невосполненного вакуума в библиотечном деле — нельзя не признать — хоть отбавляй.

Должное следует воздать и семье: к печали нашей, утрачена почти совсем за ископаемыми, редкостными исключениями привычка вечерами читать стихи великих наших предтеч в семейном кругу, когда голос имеют не только молодые, кому в школе «задали», но и матери, отцы, деды и бабки, у каждого из которых своя история приобщения к великому, возносящему слову, а оттого и отношение к услышанному, к цитированному всегда иное, очеловеченное уже не одной — хоть и величайшей — человечностью бессмертного автора, но и моментами приобщения ближайших пращуров молодого человека.

Увы, куда чаще и всепривычной становится нам постоянная, неменяющаяся сцена, когда семья — от мала до велика — молча, совсем изолированно, будто каждый сам по себе живет, уставилась в окно всезнающего ящика, который не знает передыху, и, много видя, многое наблюдая, остается все на том же пугающе широком крыльце познаний, никуда не двигаясь с него, как бы даже пригревшись под холодным, но удобным светом незаходящего телевизионного солнца.

С одной стороны, телевозможности способны приобщить человека к высокой литературе, создать импульс интереса, но лишь приобщить и лишь вы-

В 1970 году в «Смене» родилась новая рубрика «Силуэты», ставшая одной из самых популярных у наших читателей. Около сорока литературных портретов великих деятелей русской литературы, культуры, общественной мысли опубликовано на журнальных страницах за шестнадцать лет.

Среди авторов, создавших эти портреты, — известные советские писатели, поэты, критики и литературоведы. Смысл рубрики «Силуэты», ценность всей коллекции портретов в том, что рассказы о жизни и творчестве классиков, выдающихся художников слова XIX — начала XX века, составляющих гордость русской литературы и культуры, мы попытались вывести за рамки хрестоматийных представлений о них. Из писем читателей журнала мы узнали, что в общеобразовательных школах, ПТУ, техникумах и даже в высших учебных заведениях статьи рубрики используются в качестве дополнительных материалов, способствующих лучшему усвоению истории русской литературы, истории нашего государства, расширению кругозора юношества. Мы подготовили собрание литературных портретов русских и советских классиков для издания отдельной книгой. Недавно книга «Силуэты» вышла в издательстве ЦК КПСС «Правда». Надеемся, что она станет одновременно и уникальным образовательным пособием для учащейся молодежи, что особенно ценно в связи с решениями о школьных преобразованиях, и интересным изданием для широкого круга читателей.

НИКТО

звать, ибо то, что видимо на экране, как ни старайся, все же не литература, а лишь только кинематографическая или телевизионная ее интерпретация, лишь версия, лишь копия или же зеркальное отображение, как правило, зеркалами достаточно вольно преломленное или переломанное, — зависимо от обстоятельности. Но главное недостатком телевизионной трактовки литературы в том, что она гарантирует одинаковую в отличие от книги глубину, равную для людей различных духовных запросов, разной подготовки. Усреднение это, этот общий знаменатель печальны, особенно если принять во внимание, что иная юная личность навсегда и удовольствуется тем познанием, какое даровало ей телевидение, в то время как иди она от книги, что-то бы и увлекло, а что-то и отвлекло, но мы же отлично знаем, что именно эти увлечения да отвлечения и составляют суть знания, проникновение в глубину, увлеченность, нестандартность постижения истины.

Но самая большая печаль, широко, впрочем, известная, — это печаль усталых женщин, именуемых «литераторшами», хотя есть в их рядах и редкие мужчины, то ли не жаждущих, то ли не могущих протопить тропку к сердцу каждого из тридцати, шестидесяти, ста своих учеников одновременно — пробить дорожку и одарить малых сих чудом вдохновения, перворадости, духовной высоты. Литературу «проходят», ее «задают» с единственной целью — полу-

чить ответ из стандартных, заезженных фраз учебника не очень высокой пробы, цифири дат и лишь внешнего костяка знаний, при котором великие персонажи становятся похожими на бесприютных бродяг, одетых в лохмотья околелитературоведческих формулировок, некие псевдосимволы то ли определений, то ли общественных ситуаций.

Творчество великих обужено программой и учебником, и это понятно, но такая «понятность», поддержанная учителем, обращается бедой, достаточно массовой притом — бедой малознания, поверхностных представлений, приобщением к великому лишь на отметку в классном журнале, в аттестате зрелости. Возникает возможность уничтожения литературы уроками литературы, поправки ее теми, кто, казалось бы, жизнь ей посвящает, целую жизнь, ни мало ни много!

Учитель должен открывать отрокам волшебную потаенную дверь в сияющий мир литературы — и счастлив ученик, которому встретился такой учитель, — но у нас возник даже специальный термин — «хрестоматизация» и еще одно выражение — «захрестоматизированный классик». Не правда ли, звучит почти как замороженный окунь или замороженный хек — каких только словесных оборотов не дарует нам жизнь...

Словом, «захрестоматизированная» классика — это та великая литература наших предтеч, которая, будучи «обужена» и «зарезана» до объемов кратких школьных хрестоматий, познается це-

лыми поколениями именно в таком объеме. Даже Пушкин! Даже Лермонтов! Даже Гоголь! Даже Толстой! И честный долг, всенепременная обязанность библиотек и учителей, родителей и журналов, писателей и ученых **расхрестоматизировать** классику, приблизить чаяния и страдания великих сих к нашим дням и нравственной сути дней этих, осветляя их высокими идеалами, которые не мы первые назвали и обозначили.

Расхрестоматизация, иными словами, приближение классики, — это замысел и суть целой серии разнообразных по жанру публикаций в журнале «Смена», помеченных рубрикой «Силуэты». Ясное дело, речь в журнале, да еще и тонком, может идти не более как о силуэте великого человека, лишь о наброске его портрета — портрета его души или творчества, но всякий раз, обращаясь к известному прозаику, замечательному поэту, строгому публицисту или взыскательному критику, мы, работники журнала, просили его стремиться к «расхрестоматизации», иными словами, просили найти новые слова, изложить собственное, очень личное, субъективное, а потому сразу вдвойне интересное представление о прозе или поэзии, о жизни личной и спорах общественных — словом, о том, что представляет нынешнему литератору особо важным в судьбе великого человека. Наши «Силуэты» — не всеобъемлющие исследования, мы избирали вольный, но прежде всего очеловеченный ход, дабы

пробудить новый интерес к старым книгам и мыслям и подарить молодым, лишь начинающим жить людям желание обрести свой собственный духовный багаж.

Томик соединенных таким образом силуэтов не претендует на завершенность — журнал продолжает и будет продолжать эту работу, бескрайнюю по возможностям, но какой-то контур, важный по исторической и литературной сущности, создан. Мы стремились рассказать не только о самых великих — о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Достоевском, Толстом, Чехове, — но и о тех, кто шел рядом с титанами, вознося ввысь прекрасную горную цепь нашей культуры. Вообще подразделять литературу на первых, вторых и третьих негоже. Суетное и неплюдовитое дело это ничего не обещает, кроме разве заниженного знания литературы в целом, потому что, зная, скажем, Пушкина, (ежели это настоящее, не мнимое, не верхоглядское знание), невозможно не знать и тех, кто работал рядом, потому как в культуре, точно на медоносном лугу, все цветы равны и ни один не горек для трудолюбивой пчелы. Кстати, и классики наши, щедрые в отношениях друг с другом, считали простой, а не сверхъестественной нормой одарить приятеля пришедшим в голову гениальным сюжетом, как Пушкин Гоголю сюжетом «Ревизора», подарить талантливую строку и искренно — с восторгом! — позавидовать хорошо сложенному сочинению. Они были живыми людьми и мало помышляли о литературных рангах, так почему же мы, их наследники и потомки, должны превращаться в провизоров, раскладывающих по мере их действия лекарственные средства?

Еще одно, последнее замечание. Да, можно и следует огорчаться, указывая на них, точками опрошения нашей духовной жизни. Но справедливо заметить, что ни учитель, ни родитель, ни библиотека — никто в одиночку не разрубит гордые узел, и лишь сообща способно нам восполнить пробелы в стенах познания отечественной литературы.

Если этот томик будет скромным кирпичиком, подручным учителю, матери, библиотекарю да и самому юному человеку в важном деле самообразования и почтительнейшего познания классики — польза есть, а значит, и дело сделано.

Творческая педагогика

ОБЫДКНОВЕНШЬЕ

Елена БРУСКОВА

«А ВЫ ВИДЕЛИ
РАДОСТЬ?»

Молодежь
и культура

ПРЕЛЕСТНОЕ.
НЕ ОТ ЭТИХ ЛИ
КРАСОТ И НАЗВАНИЕ СЕЛА?

ШАДАНШЫ

Вот,— сказал Александр Иванович,— это рисунки наших детей. Заведующий роно, привезший гостей в село Прелестное, посмотрел на него укоризненно. Ну, что он, право, словно рассказать нечего. И тут же махнул рукой, понимая, что толку от этих взглядов все равно не будет. Ему-то хотелось, чтобы гости еще раз прочувствовали: село, глубинка, можно сказать, а студия, музей, здание в два этажа. Где еще такое сыщешь? Но рассказывать о студии — значит про самого себя рассказывать, разве Шевченко на это пойдет?

— Это не отобранные дети? Не избранные? — спросила строгая женщина.

А Шевченко только грустно улыбнулся в ответ, потому что мы с ним до приезда гостей как раз говорили о том, как талантливы все дети. И как сберечь искру творчества во взрослой жизни.

Женщина посмотрела через дорогу на школу, где старших классов по одному, и сама поняла, что избранных в сельской школе не наберешь.

Обычные сельские дети — и все одарены, сме-лы, раскованы. Разбуди у них только веру в свои силы, научи смотреть на мир вокруг неравнодушными глазами — и любой рисунок на выставку.

Но это написать легко: «разбудить, научить». А как это сделать? Почему в одной школе все талантливы, а в другой — только единицы?

«Предложил ребятам нарисовать радость. Полная свобода изображения, кто как хочет. Кто рисовал солнце, кто прогулку, кто просто улыбающегося человека. Вова нарисовал легковую машину и человека с вскинутыми вверх руками.

— А что здесь радостного? — спрашиваю Вову.

— А это человек купил машину и радуется, что у него будет много денег.

Удивляюсь: откуда же деньги?

— А к нему будут ходить знакомые, он их будет катать и брать за это деньги.

Смотрю на класс, который реагирует бурно:

— А к нему в гости никто не будет ходить!»

Из дневника А. И. ШЕВЧЕНКО.

Помню, как Александр Иванович обсуждал с четвероклассниками картину Чюрлениса «Истина». Говорили не только о манере письма. Говорили об отношении художника к жизни. И маленькие мыслители так объясняли портрет со свечой: «Свеча как и жизнь. Сгорела — и нет. И надо прожить так, чтобы принести народу пользу. Тогда останется память».

Помню уроки Шевченко в младших классах. Ребята рисовали, а Александр Иванович ходил по классу и шепотом, чтобы не мешать другим, ободрял малышей. В конце урока, спросив: «Ты разрешишь показать твою работу?», говорил: «Интересное решение, смелый рисунок, сочный цвет, любопытная деталь». Он хвалил фиолетовое небо, синюю землю, деревья, похожие на кактусы, желтого волка («он добрый и поэтому такой веселенький», — объяснил мальчик). Он радовался их фантазии, их непохожести, их умению видеть мир иным. Но что те уроки? О «методике детской радости», которую Шевченко много лет разрабатывал с помощью известного ученого Ю. П. Азарова, уже не в одной книжке написано. И когда в селе строили детскую художественную студию, многие считали, что теперь-то начнется у Александра Ивановича спокойная жизнь. Но его в ту пору одолевали совсем другие мысли.

Для Шевченко лучшее место на земле — село Прелестное, с которым в его жизни многое связано. Здесь его отец — председатель колхоза был расстрелян фашистами, здесь его, мальчишку, гитлеровские солдаты овчарками травили. Отсюда он уходил на фронт, сюда вернулся с орденом Славы. Уговаривали Шевченко в город переехать — не согласился. Без терпкого степного воздуха ему не дышится, не работает. И одна мысль не оставляла: как сделать Прелестное местом, из которого уезжать не захочется?

Выкопал бульдозер случайно из земли позеленевшую медную пластинку, на которой стояло: «Памяти Михаила Осиповича Штыхова, первого учителя Прелестнянской школы, учительствовавшего с 1780 г. до потери зрения в 1817 году». И загорелся Шевченко идеей создания памятника первому учителю. Трезвые головы его остужали: есть уже у школы памятник учителю Завадовскому, получившему еще до войны орден Ленина. Шевченко ли этого не знать? Скульптурный портрет Завадовского — его работа. Но и медная пластинка покоя не давала: сбереженная память, считал он, одна из ниточек, привязывающих человека к земле предков.

Все потом слышал Шевченко: и про учительский пантеон, и про то, что нельзя из каждой найденной дощечки «мемориалы городить». И все-таки стоят теперь у школы два памятника: и Завадовскому, и

РИСОВАТЬ — ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО СМОТРЕТЬ НА МИР ГЛАЗАМИ НЕРАВНОДУШНОГО ЧЕЛОВЕКА, СЧИТАЕТ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ШЕВЧЕНКО.

ХУДОЖНИК ЖИВЕТ В КАЖДОМ РЕБЕНКЕ.

Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

Штыхову. А много ли у нас сел с памятниками учителям? Мне, например, других встретить не довелось.

В то лето, когда шло строительство студии и в письмах Александра Ивановича мелькали непривычные слова: ригели, процентовки, арматуры, спецификации, он загорелся новой идеей.

В одну из экскурсий Александра Ивановича со студийцами в Киев попали они на выступление украинского ансамбля. Костюмы блистали немислимыми сочетаниями красок, сверкали золотыми и серебряными нитями. После этого Александр Иванович ко всем костюмам хоров и танцевальных коллективов стал присматриваться. Неужто эта крикливая яркость, эта мишура заслонят спокойный безупречный вкус, которым всегда отличалось народное творчество? Он зашел в один из домов на соседней улице, где когда-то стены украшали рушники.

— Что ты, Сашок, — ответила бабушка, — мы их на тряпки перевели. Мои сказали: это уже не модно...

«Сегодня ко мне домой три девочки принесли кувшины и кружево от домотканого полотенца. Сами ездили за ними на велосипедах в Петровку. Радостные, взволнованные, перебивая друг друга, рассказывают, как уговаривали старушек отдать эту старину. Пожалуй, сейчас у них это больше страсть к собирательству. Но я уверен, что девочки уже не разорвут старый рушник, не пройдут равнодушно мимо вещи, сделанной руками мастера».

Из дневника А. И. ШЕВЧЕНКО.

Два года Александр Иванович с ребятами ходил по хатам и собирал рукоделия бабушек и чудом не выброшенные предметы старого быта. Дарили охотно, но в рассказы о будущем музее не очень-то верили. Не представлялось: как это из старья — музей?

Но когда наступил торжественный день открытия, на новом двухэтажном доме были укреплены две солидные вывески: «Музей народного творчества» и «Детская народная художественная студия «Синяя птица». Сверху — «Министерство культуры УССР», снизу — «село Прелестное».

На глазах односельчан произошло чудо. Жизнь села Прелестного переходила в иное качество. Да, была детская художественная студия, удостоенная наград многих международных конкурсов. И руководил ею Александр Иванович Шевченко почти двадцать лет. Но занимались ребята сначала в старом поповском доме, а потом в комнатке при школе. А теперь у студии — большие светлые комнаты и два выставочных зала: детского рисунка и самостоятельных художников (в котором, кстати, и работы Шевченко висят). И еще главный, третий зал с табличкой «Этот музей создан при бескорыстной помощи жителей села Прелестного и других окрестных сел». То, что когда-то украшало быт дедов и отцов: разноцветные полотенец, скатертей, подзоров, — превратилось в любовно собираемые музейные экспонаты. История семьи становилась историей народного творчества.

И «Синяя птица» — детская художественная студия у Шевченко была непохожей на многие другие. Студийцы вместе со своим учителем занимались делами, вроде бы к занятиям живописью непосредственного отношения не имеющими: создавали музей народного творчества, помогали одиноким бабушкам, с которыми свела судьба в походах за экспонатами.

«Дети рисуют конкретные вещи, определенную ситуацию, кусочек жизни, их окружающей. Проявить свое отношение к этому через рисунок — задача творческая. Ведь мы не просто любимеся миром, а живем в нем, видим и труд, и любовь, и горе, и радость. Главное — научить детей радоваться окружающему миру, свету, солнцу, жизни, научиться и жалеть. Равнодушные — болезнь одинаково опасная и для художника, и для человека».

Пожалуй, самое важное в работе с детьми — это не как они должны рисовать, а что. Для меня самое главное — научить детей видеть окружающий их мир глазами неравнодушного человека».

Из дневника А. И. ШЕВЧЕНКО.

Уроки Шевченко, как это всегда бывает с подлинными Учителями, куда шире уроков рисования. Но, наверное, именно потому так интересен, так добр, так самобытен мир на рисунках его учеников. Жаль только, что в самой школе, стоящей рядом со студией, учитель рисования Шевченко уже не работает.

Тогда, в дни открытия нового здания, был у меня тягостный разговор с директором школы (теперь уже бывшим), из-за которого Шевченко из школы ушел. Директор объяснял: ему, Шевченко, легко с его идеями и проектами. У него мысли об эстетическом воспитании, а с директора программу требуют, у него указания. Александру Ивановичу дай волю, он всю школу перевернет. Директор воли не давал, а Александр Иванович обиделся...

— А вообще-то, — со злой тоской сказал директор, глядя на огромную березу, стоящую между двумя зданиями, которую Шевченко не дал спилить (хотя

тоже указание было), — я иногда думаю: как ему это все удастся?

Я и сама так и этак верчу его жизнь, чтобы понять, почему Шевченко не живет заслуженной славой, а вроде бы и не замечает ее, придумывая себе новые жизненные рубежи?

Шесть лет назад Александр Иванович водил меня в какие-то болотные топи, чтобы показать, во что превратился заброшенный помещичий парк, разбитый когда-то по всем правилам садового искусства. Грустное вправду зрелище. Изничтожали парк все: и неуправляемая стихия, и людское равнодушие, а идея посадить взамен исчезнувшего новый парк появилась лишь у Шевченко.

И сейчас в селе Прелестном на бывшем пустыре поднялась тысяча деревьев: рябина, каштан, береза, клен, липа.

Как Шевченко своего добивался — рассказ особый. «И мытьем, и катаньем», сказал председатель сельсовета. Ему предлагали саженцы и попроще, и подешевле, а Александр Иванович твердил свое:

— «Лишь бы да как бы» — таким образом мы уже один парк перевели. А теперь сажать надо, чтобы внуки нас добром помянули».

Может быть, секрет его «удачливости» состоит в том, что Александр Иванович на полумеры, на временные решения не идет? Однажды при мне Шевченко об этом его «секрете» спросили, а он ответил: — Все надо делать по совести.

Как это просто. Но как это трудно.

Как ему это удается? Всяко: с сердечными приступами, с походами по официальным кабинетам, с тяжелым преодолением застенчивости и нелюбви к конфликтам. Но когда жизненной программе Шевченко что-то грозит всерьез, природная застенчивость и мягкость исчезают.

Не хочу сказать, что у Шевченко нет помощников. У каждого доброго дела есть помощники. Разве может один человек осилить то, что Шевченко осилил? И, наверное, можно было бы написать про сотрудников Донецкого музея, которые взяли шефство над музеем села Прелестного. Про председателя колхоза Константина Харитоновича Лысака, который от каждой новой идеи Шевченко шутиливо стонет, а все равно помогает и словом, и делом. А иначе как без колхоза свезти на поляну перед зданием студии и музея скифских каменных баб, которых Александр Иванович с ребятами по всей степи отыскивает? Как хату XVIII века перевезти, в которой будет восстановлен быт крестьянина того времени?

И помощники есть у Шевченко, и противники. Вначале-то все его идеи кажутся для села Прелестного слишком дерзкими, невыполнимыми.

Но вот стоит в селе, до которого из районного центра Славянска еще ехать и ехать, памятник учителю, работает детская студия, есть два выставочных зала. Из Славянска, из Донецка едут люди в Музей народного творчества. Нынешним летом откроется «филиал» музея — крестьянская хата.

Одна жизнь. Всего одна-единственная жизнь сельского учителя. Методики повторяемы. Но как повторить жизнь человеческую?

«В прошлом году мы с ребятами собрали более 200 подписей с просьбой к исполкому сельского Совета запретить охоту с ружьями на нашей территории. Сельсовет вынес такое решение, а общество охотников признало это решение неправомочным. Мы обратились в «Комсомолку», и к нам приехал главный инспектор из Донецка. Нам выдали удостоверение инспекторов охраны природы. В эту группу вошли учителя, колхозники, дети».

...Я давно думаю, почему те самые дети, что когда-то ходили со мной в лес слушать ветер, теперь, сев на трактор, перемальвают улицы села, потому что в объезд — на пару километров дальше. А потом осенью грязь застывает, и улица выглядит... Куда уходит умение любить то, что тебя окружает?»

Из письма А. И. ШЕВЧЕНКО.

В последний мой вечер в Прелестном пахло отцветающими липами, и заходящее солнце золотило зелень, увивающую чистый дворик.

— Ой как в поле, ой как в поле веет буйный ветер... Зоя запевае первым, Зина и Надя — вторым голосом, за ними вступают Тоня и Нина.

Это Александр Иванович своих бывших учениц так зовет, без отчества, а у половины из них уже внуки. Когда, вскинув головы, ведут они мелодию красивыми голосами, так и видишь, как «хлопцы сохли, хлопцы чахли». Они поют про крутоголовых волков, черноглазых дивчин, чернобровых хлопцев, о встречах у тына, у дуба, поют старинные песни, в которых наивные слова почему-то трогают.

А Александр Иванович, который уверял, что не могу я уехать в Москву, не услышав, как поют в Прелестном, шепчет:

— Вот чем еще надо заниматься — фольклорным хором. А то не успеет. Они уйдут, кто будет помнить, что наши бабушки пели?

Владимир САВЕЛЬЕВ

Солнышко садится

Война, похоже, близится к концу.
Перед войной я подошел к отцу
и поднял ясный взгляд к его лицу,
к шинельным «разговорам» да петлицам.
Погоны в Красной Армии теперь.
Но не гремят сраженья без потерь.
И не стучит почтарка в нашу дверь.
И за рекою солнышко садится.

За край земли садится. За луга.
За наши светло-русые стога.
За те пределы, где, громя врага,
шагают волгари по заграницам.
И мне об этом память — по судьбе.
И я с такой судьбою — по тебе.
И тени наши слитны на тропе.
И за рекою солнышко садится.

Прошли мы вместе через двадцать лет.
Прошли мы рядом через тень и свет.
Моя любовь — вопрос, твоя — ответ,
накапливающийся по круплицам.
И дальше нам с тобой идти вдвоем.
За оком. За мысли о своем.
И мы от них пока не устаем.
И за рекою солнышко садится.

И нежный свет скользит по чебрецу.
Перед войной я подошел к отцу
и вскинул синий взгляд к его лицу
по праву тех событий очевидца,
что были велики и непросты.
От черт моих отцовские черты
теперь не отличаешь даже ты.
И за рекою солнышко садится.

Садится, чтобы снова поутру
восстать, разгуливаясь на миру.
Ты не умрешь — я тоже не умру.
Ты станешь птицей — сам я стану птицей.
Ты дышишь мною — и живет во мне
отец мой, павший на былой войне.
И наша дочь томится в тишине.
И за рекою солнышко садится.

Люблю я мед с польнью пополам.
Люблю бродить бездумно по полям
и под дождями вымокать до нитки.
Люблю я возвращаться в полумгле
туда, где стол. И лист на том столе.
И твой счастливый голос у калитки.

Не признавая для себя тоски,
люблю в руках нести я по-мужски
постромки, хомуты или уздечки.
Люблю картошку запекать в золе.
Люблю свой стол. И лист на том столе.
И твой счастливый голос на крыльчке.

Твой голос глубоко в меня проник.
Люблю я наполнять им каждый миг.
Люблю я на него тянуться взглядом.
На трех «люблю» держусь я на земле.
Люблю свой стол. И лист на том столе
И твой счастливый голос где-то рядом.

После дня трудов какое средство
благотворней действует на сердце —
отдых или новые труды?

Или те из капель, что погорю?
Пляшут звезды у меня в пригоршне,
полной до краев речной воды.
Пляшет космос на воде холодной.
Смутной. Колдунячьей. Первородной.
Той, что пальцы удержат смогли.
Той, что между стариной и новью
вечно бьется голубою кровью
в темных веках матери-земли.
Той, что вьет начало в окончанье.
Что нас разделяет в мирозданье —
время или чье-то колдовство?
Годы световые или версты?
У меня в пригоршне пляшут звезды —
в двух вершках от сердца моего.

Александр
КАРПОВЕЦКИЙ

Мне дорог Кольский

Прекрасен Кольский.
Говорю не в новость.
Здесь даже в дни невероятных стуж
С материка уносится суровость
Под действием
гольфстрима наших душ.

Я возвращаюсь за Полярный снова,
Придуманый географами круг,
Где сопки одинокие, как вдовы,
Ждут ласки наших работающих рук.

Где я декабрьской ночью
темно-синей
Открыл своей почетной службы срок
И, полюбив гранитный край России,
Его с североморцами берег.

Здесь, как нигде,
ценить умеют песни,
Насущный хлеб,
последний грамм воды,
И потерпевших
от стихийных бедствий
Матросы выручают из беды.

Далекий гарнизон

Далекий гарнизон
мне близок, дорог.
Лежит, в снега закутанный пургой.
Бетонный плац, как палуба линкора,
Готов принять
дежурной смены строй.

И будто рядом,
за спиной, граница,
Я на разводе вижу каждый раз
Товарищей решительные лица,
Когда им отдают,
как в бой, приказ.

Нам до конца стоять неумоимо
У пультов стратегических ракет.
Нас назовут дежурными по миру
В истории послевоенных лет...

Нам — дежурство

К рассвету катится степенно
Над спящим городом луна.
А нам — дежурство,
нам — на смену,
Чтоб не взорвалась
тишина.

Отцами нашими
спасенный,
На нас с надеждой
смотрит мир.
И мы уходим в свод
бетонный

Надежных полевых
квартир.

Не ради славы и почета
«Во глубине сибирских
руд»

Дежурство бдительно
и четко
Потомки Пушкина несут.

Над нами — трав густых
цветенье,
И в синих васильках
земля,

А мы — как в минном отделенье
Сторожевого корабля.

О нашем трудном ратном
деле
Одной строкою не сказать.

Детей не видим
по неделям,
И жены устают нас
ждать.
Нам достается слишком
мало,
Как говорят, от благ
земных.
Пусть сцены всех
Больших и Малых
Несут искусство для
других.

Пусть лишь экраны
голубые
Несут нам радости пока.
Пусть аплодируют другие
За нас атакам ЦСКА...

Не в этом дело.
Мы в ответе
За счастье Родины своей.
И будет солнце.

Будут дети.
И мамы будут у детей.

И будет чистой неба
чаша,
А нам дороже всех удач —
Чтоб никогда «Орбита»
наша
Не прекращала передач.

Иван ЛЫЦОВ

Люблю я подмосковную природу,
Когда краса откроется очам:
Калина зацветает в непогоду,
Малина поспевает по ночам.

Горят рябин рубиновые гроздья,
И дикой розы лик румяно-ал.
Калина поспекает от мороза,
Малина медовеет от похвал.

Но вот минуют лунные метели —
И чудо наведет солнцеворот:
Проклюнут лед горячие капели,
И в мае вновь калина зацветет.

Люблю я подмосковную природу,
Когда бредешь, и рядом — никого.
И чувствуешь не разумом свободу,
А каждой клеткой тела своего.

И, словно Лель, аukaешься: «Где я?»
И Лада откликается тебе.
И мудрый царь наивных берендеев
Тебя зовет на пиршество к себе!

Смотри,
как май поет и расцветает,
Влюбленный в синеглазую весну!
Он в ней души
не то чтобы не чаёт,
Но ценит как прекрасную жену.

Рожденный в октябре
моем счастливым
Под отсветом созвездия Весов,
Я всей душою
с маем хлопотливым
Свое родство найти всегда готов.

Смотри,
как он поет и расцветает,
Влюбленный в синеглазую весну —
И лепестковый снег его не тает,
Летя на родниковую волну!

Придет пора
для сбора урожая,
И, время Принесения Даров
Из всех времен ценя и уважая,
Нарядный май я приглашу под кров.

Нет чувства благодарнее, когда
Опять знакомую
увидишь местность.
Промчалась лет глухая череда,
Разверзлись вновь и глубь,
и неизвестность.

И все, чем жил допрежде, до того,
Как эту местность бедную оставить,
Всплывет опять.

И больно оттого,
Что это память,
это только память.

Но власть ее сильнее потому,
Чем самое прекрасное былое,
Что вновь уже
не сбьется ничему,
И оттого ты горестно спокоен.

Но счастлив ты,
прошествовав тропой,
Которую в обнимочку ходили
С той самой первой,
самой дорогой,
И травы луговые вас таили...

Проросла на вещем сердце
Притчи влажная лоза —
Что на правду, как на солнце,
Не взглянуть во все глаза.

Нешумна святая правда,
Многословна злая ложь.
Что душе и оку явно —
Звуком речи не тревожь.

Светит правда, как Ярило,
В наших сумрачных очах.
Если б солнце не светило,
Без него бы мир зачах.

Если с вами женщина прощается,
Это понарошке: ведь затем
Женщина, как солнце,
возвращается,
Как бы высоко ни залетев!

Если с вами женщина прощается,
Это ненадолго: ведь затем
Женщина, как звезды,
возвращается,
Как бы далеко ни улетев.

Женщине мира увидеть хочется.
Но у нас Галактика одна.
И она отечество и отчество
Навсегда земные нам дала.

Если с вами женщина прощается,
Это несерьезно: ведь затем
Женщина, как вёсны,
возвращается,
Чтоб уже остаться насовсем.

Пусть она поцарствует,
повластвует.
Если ты мужчина, то не трусь:
Как бы долго за морем
ни странствовать —
Птицы возвращаются на Русь!

Женщины, как солнце,
возвращаются.
Женщины, как звезды,
возвращаются.
Женщины, как вёсны,
возвращаются.
Женщины, как птицы,
возвращаются...

Россиянка

Россиянка, россиянка!
Как скромна твоя краса
Здесь, на юге, где сиянье,
В ярких звездах небеса.

Вот сошла ты со стремянки,
Держишь в пальчиках пальто.
И у знойной африканки —
Рой догадок золотой:

«Это что же за создание?
Что за диво? Где росла?»
Легким шагом, ладной ланью
Рядом с мужем ты прошла.

Как березу над Окою
Издали — не узнать,
Так тебя с твоей красотою
Вне России
не понять...

В старых липах
прозрачно и голо.
Затворилась вверху синева.
И шуршит под ногой
безглагольно,
Покоробясь, былая листва.

Вся земля —
в капитальном ремонте,
Но побелка хрупка, как всегда.
...По апрелю
в душе и в природе
Все опять разломает вода!

Рисунки Елены УЛЬЯНОВОЙ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Ольга ГАЛАХОВА

Молодые
мастера
искусств

БАЛЕРИНА СВЕТЛАНА СМИРНОВА:
«...И УЖЕ НЕ МОЖЕШЬ ЖИТЬ
БЕЗ ИСКУССТВА».

Светлана Смирнова начинала свой путь в балете достаточно скромно. Да, сегодня она — одна из ведущих балерин музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Да, ее отметили на IV международном конкурсе. Но все же не раз говорили о том, что Смирнова больше пленяла красотой, чем танцем. Действительно, природа одарила ее запоминающимися внешними данными, однако балерина не склонна заискивать, поражать, вызывать восхищение. Успех она видит даже не в реакции зала, а в том, удалось ли воплотить на сцене свой замысел. Этим постоянным стремлением испытать внутреннее удовлетворение Светлана сама себе доставляет немало беспокойств, даже мучений. Из-за жесткого самоанализа балерина часто переживает сдержанность страсти, не раскрывает, а скрывает свой темперамент.

Но Светлана никогда не стремится создать образ идеальной красавицы, ей важнее воплотить на сцене представление нашей современницы о прекрасном. Она присматривается, вглядывается в своих героинь, и в образах, которые она создает, лирический монолог берет верх над драмой.

— В «Лебедином» совсем не обязательно глазами видеть. У меня ужасно портится настроение, когда я переигрываю. Такое впечатление, что публично наврала и все заметили мое вранье. Ведь и в жизни мы переживаем не самые приятные минуты, когда понимаем, что нас обманывают... — говорит Светлана.

Три года назад она приехала в московский театр из Перми, где, прежде чем стать солисткой театра оперы и балета, окончила хореографическое училище по классу известного педагога Л. П. Сахаровой. В 1981 году она стала лауреатом конкурса имени П. И. Чайковского (серебряная награда), в 1983 году — лауреатом конкурса в Японии.

— Я не могу сказать, что с детства мечтала о балете. Отец заметил мою тягу к классической музыке, не к народной, не к современной. Мне было тогда пять лет, мы жили в Костроме. В соседнем доме находилась балетная студия при Доме пионеров. Из одного дома переходила в другой — и ты в студии. Там я училась несколько лет. Как-то папа решил в командировку в Пермь и взял меня, чтобы поехать в училище. Меня приняли куда-то очень легко. Пять лет я училась в Пермском хореографическом и в течение первых трех лет особой радости не испытывала: кричала, плакала у станка. Потом меня взяла в свой класс Людмила Павловна Сахарова, у нее я училась два года...

В свой класс Сахарова набирала сразу после «звездного выпуска» 1972 года, после Надежды Павловой, Ольги Шенниковой, Регины Кузьминичевой. Именно тогда классник, что Сахарова

будет учить новеньких «под Павлову». Журналисты спрашивали: «Кто будет второй Надеждой?» Помнится, как негодовала Сахарова: «В искусстве не может быть второй Павловой. Она одна!» Но инерция прежнего успеха начала мешать новому выпуску. Все ждали «вторую Павлову»...

Светлане Л. П. Сахарова сразу же предложила танцевать Коппелию. Не увидев «второй Павловой», многие отказывались признать Смирнову. Попытка в 1977 году пройти отбор на конкурс П. И. Чайковского не увенчалась успехом. Поговаривали даже, что педагог «поставил не на ту». А Светлана старалась этого не замечать.

— Людмила Павловна научила меня многому в профессии. Она работала страстно, торопилась сделать из меня настоящую балерину. Я еще не знала, хочу ли этого, а она уже решила за меня, подчинила своим требованиям. И я поддалась. Подумала, что если чего-то и стою, то Сахарова этого не упустит, а если упустит, то так мне и надо. Каждый день мы работали с пяти до десяти часов вечера (помимо утренних занятий в классе). Для Сахаровой важно привить своим ученицам еще и способность трудиться.

— Видимо, тогда и пришло осознание профессии?

— Нет, позднее. Хотя трудно вот так сразу и точно ответить на этот вопрос. Быть может, я скорее обозначаю этапы в постижении профессии. Как ни странно, но мой провал на отборочном конкурсе в 1977 году убедил в том, что я могу стать балериной. Важно было оценить уровень своих сверстников. Другой эпизод связан с ленинградским репетитором Шамышевой. Она готовила со мной отрывок из «Легенды о любви», но не заучивала хореографию, не говорила «не так, а вот так». Она объясняла сущность роли, и тогда каждый жест приобретал смысл. Репетиции стали счастьем...

Столь же детально со мной работала Виноградова над образом Сильфиды. Помогала понять театр замечательная балерина, актриса Бовт, сейчас с огромной самоотдачей со мной занимается Легат.

За три года работы в московском театре Светлана успела многое, в ее репертуаре партии Одетты, Одиллии, Китри, Золушки, Сильфиды, работы в балетах Д. Брянцева «Алые паруса», «Конек-горбунок», «Девять танго и Бах». Она снялась в фильме «Маскарад», который получил первую премию на конкурсе музыкальных телефильмов в Праге.

— Вообще осознание профессии — сложная жизненная проблема. Осознание — это прежде всего преданность делу. Но вот у меня впереди еще десять лет, а потом... на пенсию? И понимаешь, что ты — песчинка, что искусство без тебя не пропадет, но ты уже не можешь без искусства.

О ПРЕКРАСНОМ

Фото Сергея ВЕТРОВА

Зрители аплодировали, смеялись, скандировали — в общем, вели себя так, как и обычно на рок-концерте. Но вот солист группы Валерий Сюткин объявил: «...Этот эксперимент пройдет в один из вечеров 1986 года, объявленного ООН Годом мира, — все люди доброй воли выйдут на улицы со свечами в руках. Их мирные сигналы зарегистрируют спутники, чтобы сторонники войны поняли, как их ничтожно мало». А потом была песня, и семь огоньков зажглись на темной сцене. И тут же десятки вспыхнули в ответ в затихшем зале.

...Их называли пародийной группой, и это было неправильно. Шоу-группа — тоже неточно. И даже стандартное «рок-группа» им не подходит. Потому что, кроме рок-н-роллов, пародий и музыкальных микроспектаклей, «Зодчие» могут исполнить менуэт, бразильскую самбу, балладу или старую добрую «Не кочевары мы, не плотники...». Стили, ритмы, сюжеты будут меняться в бешеном темпе, без пауз на аплодисменты и объявления следующего номера программы. А потом, когда закончится очередной концерт и зрители разойдутся по домам, руководитель группы Юрий Давыдов с самым искренним любопытством спросит:

— Ну, как?

— Здорово, — отвечу я, — но непонятно: какой музыкальный стиль вы предпочитаете?

— Лично я предпочитаю настоящую, красивую, сильно мелодию. Непременное условие концерта — он должен быть разнообразным. Но чтобы избежать примитивного музыкального разнобоя, нужно это разнообразие оправдывать. Это же естественно: одна тема понятнее звучит на «языке» кантри, другая требует рок-н-ролла, третья нуждается

Хотя в репертуаре музыкального коллектива «Зодчие» нет громких шлягеров, а в составе — громких имен, гнорчество группы вызывает искренний интерес у поклонников самых разных музыкальных стилей.

ся в стилизации. Хотя просто хорошая песня ничего не требует, кроме... хорошего исполнения. Когда наш солист Юрий Лоза исполняет балладу «На плоту», все электромузыкальные инструменты тактично отступают на второй план. Остается лишь его хриловатый голос и маленький «плот» — пятно света на сцене. А вообще-то тем для разговора с залом — по-настоящему интересных — хоть отбавляй. Их сама жизнь подсказывает.

— Безусловно, тема диктует стиль исполнения, так же как ситуация — стиль поведения. Но не приведет ли такой стилевой марафон к потере своего собственного стиля? Как удастся «Зодчим» сохранять индивидуальность?

— А вы считаете, что творческое лицо можно сохранить, цепляясь за какое-то раз и навсегда выбранное музыкальное направление? Сейчас не то время, когда само слово «рок» обеспечивало безоговорочный успех. Любители эстрадной музыки требуют открытий. Или по крайней мере изобретений. Именно они могут создать творческое лицо.

Я вспомнил, как еще несколько лет назад мы восхищались группой «Интеграл». Качеством их инструментов, их костюмами, их профессионализмом. Профессионализм остался. А «Интеграл» в глазах его бывших поклонников превратился в дорожку игрушку. Может быть, даже излишне дорожку. А как поражал нас ансамбль «Диалог» сложнейшим арт-роком, серьезнейшим отношением к своим композициям и их литературной первооснове, устойчивостью на изменчивой волне сиюминутной моды. «Диалог» по-прежнему проповедует арт-рок, исполняя его гораздо лучше

прежнего. Но число поклонников группы резко пошло на убыль. Так размышляя, я хотел уже согласиться с Юрием; но пришли на память и выступления многочисленных коллективов, стремящихся во что бы то ни стало развлечь слушателей. Давыдов выслушал меня и сказал:

— Конечно, если программа сводится лишь к методу резкого музыкального «переключения», не поможет и самое виртуозное владение инструментами. Другое дело, когда разнообразие вызвано смысловой необходимостью, идеей номера. Тогда получается самая настоящая игра. В которой участвует весь зал.

— И все же грань хорошего вкуса, на которой вы балансируете, очень тонка. Что помогает вам избежать ошибок?

— Нам здорово помогает... несовпадение вкусов членов коллектива. Мы очень разные люди. Юра Лоза — полномочный представитель подростков, которых принято называть трудными. Валера Сюткин начинал в студенческом клубе МИФИ и стремится из каждого концерта сделать настоящей капутник. Я — типичный представитель ВИА семидесятых годов...

— То есть?

— В нашем классе было два ансамбля. И еще шесть — в школе. И все довольно популярны. А сколько их было в районе, в Москве, в стране?! Большинство самодеятельных ВИА подражали всем новomodным течениям и все-таки играли так одинаково, так плохо и на таких плохих инструментах, что их музыка просто сливалась в однообразный звуковой фон. Исчезали они, надо сказать, так же быстро, как и появлялись. Из того времени я и вынес свое довольно спе-

цифическое отношение к популярности, к подражательству и к новomodным течениям. Но отказаться от всего этого было не так-то просто. Мне всегда удивительно везло. Однажды случайно познакомился с директором ДК электроставского имени Куйбышева. В ДК случайно оказался комплект «Биз», который по тогдашним меркам технической оснащенности ВИА казался чем-то вроде космической аппаратуры. К нему — фантастическая случайность! — нас и допустили. Уровень обязывал; пришлось работать с полной отдачей. Потом вошли во вкус: то, что принимали раньше за черновую работу, стало удивительно интересным делом. Может, потому и распались самодеятельные ВИА, что вкуса к работе не имели? Он ведь иной раз и отсутствие признания способен восполнить. Впрочем, признание у нас в ту пору было. А для самодеятельности даже широкое: четыре раза за границу выезжали. Но наша музыка по-прежнему что-то мучительно напоминала: может, «Песняров», или «Битлз», или «Пинк Флойд», или... Скорее всего, всех вместе. Впрочем, подтрунивать над собою юным не собираюсь. Как могли, мы изучали музыкальную культуру. Всерьез нами никто не занимался, никто не помогал. Мы вынуждены были воспитывать себя сами. По-моему, если группа пользуется у молодежи популярностью (а значит, и доверием), она не просто имеет право, а обязана ставить перед аудиторией острые вопросы, которые так или иначе задают себе каждый. Ставить неожиданно и конкретно — по законам жанра. Поэтому от отдельных номеров мы переходим к целенаправленной эстрадно-музыкальной программе.

Андрей ВАСИЛЬЕВ

НА ЭСТРАДЕ — ГРУППА «ЗОДЧИЕ».

Фото Евгения СТЕЦКО

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЧЕРТЕЖИ

КЛУБ
«МУЗЫКА
С ТОБОЙ»

В ту пору я впервые пересек Большую лужу, как американцы душевно называют Атлантический океан. И, конечно, сразу подумал об Уилкинсе; это не просто мой знакомый, но и переводчик, и критик, и популяризатор в Соединенных Штатах. Он первый рискнул познакомиться с американцами с «новой» русской прозой, переведа, снабдив обширным предисловием, комментарием и толковым словарем пятых в ту пору еще молодых прозаиков, объединить в одном толстом томе и издать на свой страх и риск. Уилкинс, когда-то корреспондент средней руки, давно уже стал богатым человеком, чуть ли не миллионером, он получил наследство. У него поместье под Нью-Йорком, верховые лошади, молочная ферма, луговые и лесные угодья, его парк украшен гигантскими скульптурами американских монументалистов, работающих в клепаном и сваренном железе.

Но, конечно, не за верховых лошадей, стада, отары, пастбища и даже не за символические громозды под сенью старых дубов ценил я Уилкинса. Когда-то он любил русскую женщину и был счастлив с нею; смерть унесла ее совсем молодой, и через годы он приехал в Москву совершить паломничество по местам былой любви. Он был уже мужем другой женщины, отцом рожденного в любви ребенка, но откликнулся на зов своей юности. И как же трогателен и прекрасен в пожиллом, богатом, всемерно устроенном человеке был этот чистый и свежий порыв, отклик голосу минувшего, голосу первой любви! Я оказался его спутником в этом нежном и грустном путешествии...

Потом мы переписывались. У него было обыкновение, возможно, принятое в Америке, но у нас вовсе не известное: присылать под новогодний праздник несколько чопорный отчет о прожитом годе. Я с удовольствием узнавал, какие новые переводы он сделал, какие поездки и путешествия совершил, сколько у него прибавилось лошадей в конюшнях, коров и овец на ферме, кошек и собак в доме, какие художественные произведения он приобрел и как успешно постигает окружающий мир маленький его сын. Мне нравилось, как серьезно, уважительно и дружелюбно писал он о животных, даже о тех, что в хлеву и стойле, — словно о меньших братьях. Однажды я тоже отчитался перед Уилкинсом. Зимой стояли лютые морозы, и помойка в нашем дачном саду стала пристанищем и кормилицей разнообразного зверья, отложившего свои распри перед лицом общей беды. Там обитали ворон с перебитым крылом, несколько сорок, синичек, стайка воробьев, белочка, вскормленная нашей кошкой, но затем бежавшая от опасных ласк приемной мамы, поселковый пес Дружок в лохматых галифе и старый, полуслепой заяц, будто траченный молью. Боюсь, что описание моего зверинца прозвучало пародийно. Уилкинс как-то сумрачно промолчал, и больше я не слал ему отчетов.

В письмах Уилкинс ужасно тосковал по Москве, по своим друзьям, по мне в частности. Он так помнил все наши прогулки, все слова и все шутки, дружеские прозвища и собачьи клички, что нельзя было сомневаться в его искренности. Да и зачем ему врать, он нисколько не нуждался ни во мне, ни в ком другом, был сам себе голова и мог не утруждать себя ни в чем, даже в вежливости.

Врожденная скованность и боязнь оказаться в тягость помешали мне сообщить Уилкинсу о своем приезде в Нью-Йорк. Он узнал об этом из газет, поместивших информацию о пребывании группы советских писателей в стране.

Его голос, разбудивший меня спозаранку, так помнил я в мембрану, что, казалось, она разлетится на куски. Он кричал, хохотал, рыдал, ругался, забрасывал меня вопросами, на которые я не успевал отвечать, да он и не нуждался в ответе, ему радостно и нежно было спрашивать, называть дорогие далекие имена. У него все о'кей: мальчишка произносит восемь слов по-английски и пять по-русски, ожеребилась любимая кобыла Бетси, он попробовал свои силы в стихотворном переводе и, кажется, небезуспешно, вышло новое массовое издание молодых (по правде, изрядно постаревших) советских прозаиков, он приобрел дивного, божественного Шагала и, наконец, он хочет видеть меня немедленно!

Но «немедленно» не получилось, у нас был день уже расписан, и он примчался к вечеру, неправдоподобно явственно и материально возникнув из фиолетовых, призрачных сумерек кануна весны. Он изменил прическу, отпустив волосы и баки; прежняя короткая стрижка молодила его, а седые волосы по контрасту с гладким бронзовым лицом подчеркивали его юный облик. Сейчас седина прочно вошла в комплекс стареющего мужчины, незнакомого мужчины, чьи бурные объятия меня даже смутили, словно он ошибся адресом. У американцев своеобразная манера здороваться. Человек, которого вы мельком видели где-нибудь на приеме и даже не запомнили по имени, равно как и он вас, при встрече кидается к вам в объятия, издавая громкие крики радости. Кажется, что поцелуй неизбежен, но не поддавайтесь обману и не вздумайте чмокать полужнакомца, весь шумный ритуал сводится к холодноватому касанию щекой о щеку.

Как ни грустно, мой друг Уилкинс обрел эту скверную привычку, какой у него прежде не было, во всяком случае, в Москве. И здесь несоответствие между страстностью порыва и скупым толчком скулы подействовало на меня особенно неприятно.

Я представил Уилкинсу моего соседа по номеру, старого приятеля и соавтора по нескольким работам.

— Пошли обедать! — вскричал Уилкинс. — Обед — моя любимейшая трапеза!
— Куда мы пойдем? — спросил я.
— Увидишь, — с хитрым и значительным видом отозвался Уилкинс.

Он привел нас в знаменитую и дорогую «Русскую чайную». Там звучала ломаная русская речь, в оформлении наличествовали петухи, шевелюра официанта разломана прямыми проборами посреди темени, пахло блинами и флотским борщом. Несомненно, старина Уилкинс хотел сделать нам сюрприз, но он преувеличил нашу ностальгию.

Вся остальная программа вечера была предreshена нестерпимым желанием нашего общего друга Кэннингхэма видеть меня у себя в доме. Имя Кэннингхэма, принадлежащего к журналистской элите Америки, было мне знакомо еще со времен войны. Но познакомился я с ним много позже через Уилкинса. С тех пор мы не раз виделись с Кэннингхэмом, частенько наезжавшим в Москву. В последний раз я принимал его на даче. Он приехал со всей семьей: женой, подростком-сыном, очаровательной дочерью, а также великовозрастной племянницей Уилкинса. Чтобы молодые люди не скучали, я пригласил соседского малого, гитариста, певца, трепача и остролова. Поздно ночью моя старая мать сказала со смехом: «Еще немного и я выйду с плакатом: «Янки, го хоум!»

Я спросил Уилкинса, не могут ли Кэннингхэмы присоединиться к нам — уж больно хочется ночного Нью-Йорка.

— Нью-Йорк будет завтра: дневной, вечерний и ночной, — решительно сказал Уилкинс. — Пойдем в музей! угтенхейма смотреть Кандинского, потом пообедаем в клубе «Плей бой», дальше — квартал хиппи, бурлеск и театр на Бродвее, в завершение — чудный барчик, куда ходили Джекки и Роберт Кеннеди после гибели президента. Кстати, Джекки сейчас в Нью-Йорке со своим Онассисом и по-прежнему захаживает туда. А сегодняшний вечер принесем на алтарь дружбы. Старина Кэннингхэм осуществил мечту всей жизни — купил дом. Он смертельно обидится, если не сможет похвастаться своими хоромами. Дом, конечно, скромный, но очень уютный и удобный.

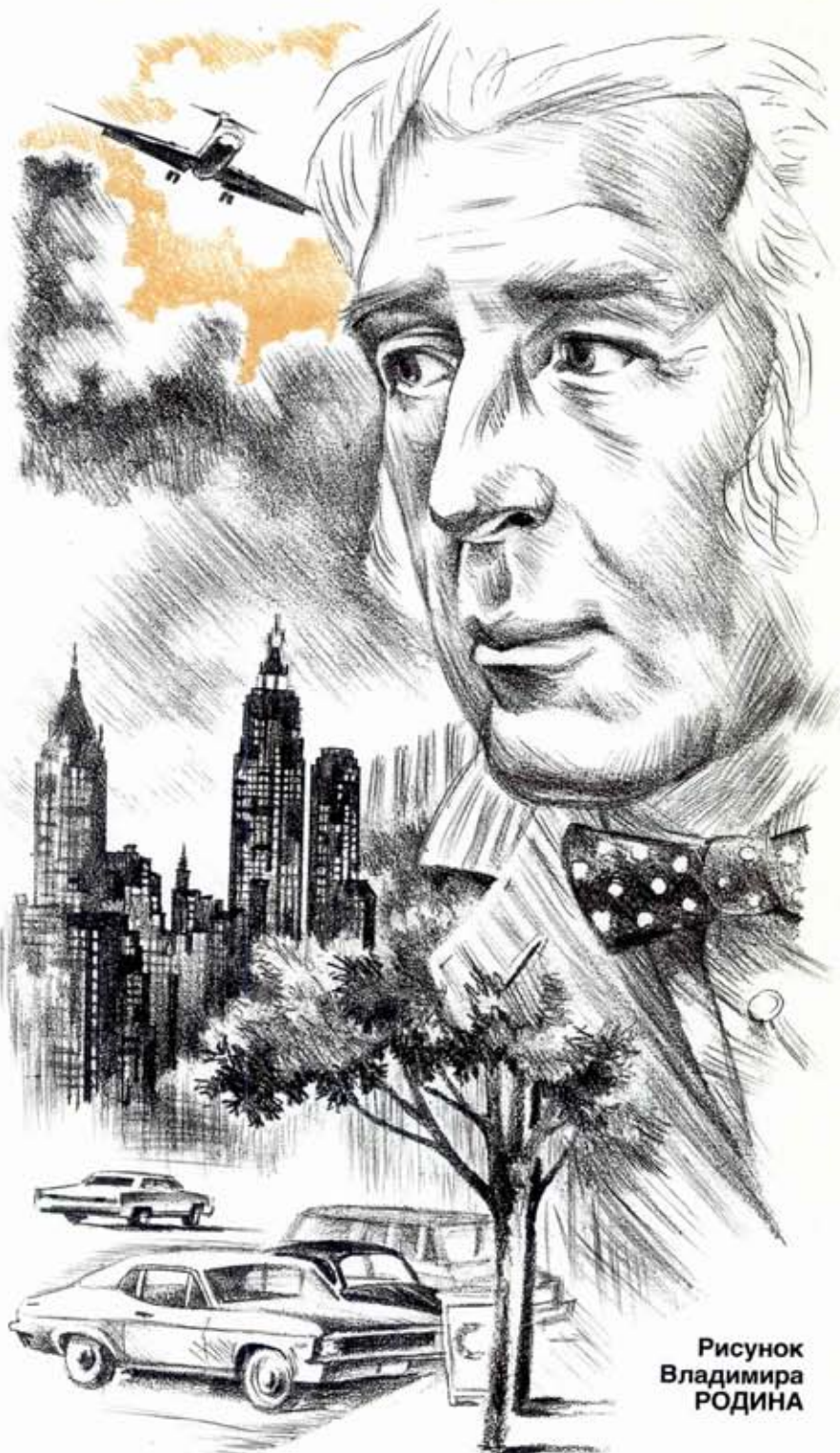

Рисунок
Владимира
РОДИНА

Юрий НАГИБИН

РАССКАЗ

ЗАБЛУЖЕИ

Спорить не приходилось, мы отправились к Кэннингхэму — где-то неподалеку от Карнеги-холла.

Час был неподный, но миссис Кэннингхэм уже удалилась на покой, правда, нам обещали, что она спустится вниз. Все члены семьи занимали по этажу в узком доме, словно вдавленном между двумя гигантами. В нижнем этаже над скромными гостиной и столовой царил огромный кабинет хозяина, во втором — находилась спальня хозяйки, еще выше — обиталище дочери, последний этаж, символизирующий мансарду, служил приютом юному Эдди Кэннингхэму — поэту-хиппи. Да, за два года застенчивый, нескладный, угрюмый подросток с ломающимся голосом и голодным взглядом исподлобья превратился в элегантного, самоуверенного хиппи, бряцающего на лире.

Я не шучу, говоря «элегантный» хиппи. Стиль любви и цветов породил могучее подражание среди состоятельной американской молодежи. Но если иные, приобрета-
ют в специальных и очень дорогих магазинах рваные джинсы (куда дороже цельных),

куртку с протертыми локтями и ярчайший грязный шейный платок, всерьез присоединяются к старожилам квартала Гринич-Вилледж, то другие, оставаясь вполне ручными, домашними, присваивают лишь форму хиппи: волосы до плеч, борода, джинсы с раструбами, нечищенная обувь, цветастый галстук. Эдди был нарядным, чистеньким, надушенным хиппи. Его шелковистые волосы ниспадали до плеч вельветового пиджака, не оставляя на нем ни следа перхоти и сала, неотъемлемых признаков настоящего хиппи, мягкая молодая борода обрамляла чистое розовое лицо; аккуратно разлохмаченные края штанов ниспадали красивой бахромой на замшевые ботинки, длинные, нестриженные ногти сверкали перламутром. Словом, он отнюдь не казался пугалом рядом со своим худощавым спортивным отцом и сестрой — узкое, сильное тело, нежная беспомощная голова, клонящаяся то к левому, то к правому плечу, то падающая на грудь в беспричинной печали юности, то откидывающаяся назад в радостном легком смехе.

Если бы я начинал знакомство с Америкой в этот вечер, то, не ожидая расспросов, засыпал бы радужную семью рассказами о наших общих московских знакомых, о молодом трепаче-гитаристе, так полюбившемся младшему поколению Кэннингхэмов, и, конечно, о своих близких, о переменах, случившихся в моей жизни, но опыт минувших дней призывал к сдержанности. И потому, умеренно покрывав при виде хозяина и похлопав его по твидовой спине, размашисто пожав добрую лапу Эдди и осторожно — пальчики его сестры, выразив надежду приветствовать миссис Кэннингхэм и восхитившись домом, я спокойно опустился в кресло и замолчал.

Довольно долго никто меня не тревожил. Кэннингхэм смеялся нам что-то выпить, и мы выпили; пришла сладко позевывающая миссис Кэннингхэм в чем-то розовом, воздушно, и мы опять покрывали, но сдержанно. Потом юный Эдди спросил, появились ли в Советском Союзе хиппи.

— Нет! — сказал я сожалеюще. — В этом плане никакого прогресса... О чем вы пишете?

— Ему еще не о чем писать, — сказала сестра, и все засмеялись.
— А как поживают... э... э... — любезно начала миссис Кэннингхэм, но зевота так выслезилась ей глаза, что она вынуждена была закрыть лицо руками.

— Все о'кэй! — заверил я, уместив в этой краткой формуле трудную и сложную жизнь последних лет.

— Нравится наш дом? — спросила миссис Кэннингхэм.
Экономя силы, я закатил глаза и развел руками: мол, нет слов!
— Но у вас тоже... — И опять посланница Морфея — зевота — помешала ей закончить фразу.

— У меня тоже о'кэй! — пришел я ей на помощь.
— Вы не были под Корсунь-Шевченковским в пору войны? — спросил Кэннингхэм.
— Нет.
— А вы не знаете, кто из литераторов был?

— Нет.
— Симонов тоже не был?
— Понятия не имею.

— Ему это нужно для второй части книги, — пояснил Уилкинс.
Кэннингхэм вышел в кабинет и вернулся с громадным томом в красивой суперобложке. Достал шеферовское перо и что-то размашисто написал на титульном листе. Я с благодарностью принял книгу, поникнув под блаженной тяжестью, и понял, что придется оставить ее в Америке, ибо в самолете не пускают с лишним весом, а у меня нет багажных денег.

— Бестселлер, — заметил Уилкинс.
— Седьмое место в списке, — уточнил Кэннингхэм.
— Вы, конечно, видели... — начала миссис Кэннингхэм, но зевота буквально задушила ее; с извиняющейся улыбкой она встала и, пошатываясь, направилась к лестнице.

— Жена хотела сказать, что в воскресных номерах «Нью-Йорк таймс» публикуют списки бестселлеров, — пояснил Кэннингхэм.

Молодые люди задвигали стульями и стали прощаться.
— Если нам удастся приехать на будущий год в Москву, — сказала прелестная мисс Кэннингхэм, — можно позвонить вам?

— Конечно! Буду очень рад!
— Телефон прежний?

— Да, только вначале надо набрать двойку.
Юные Кэннингхэмсы рассмеялись и убежали к себе наверх.

— Вы не знаете, где сейчас профессор Пушкарёв? — с ударением на первом слоге спросил Кэннингхэм.

— Пушкарёв, — поправил я.

Кэннингхэм внимательно поглядел на меня поверх очков, словно прикидывая, нет

ОЛЫШЮИ

ли тут дезинформации, и что-то отметил в крошечной записной книжке.

— А кто это? — спросил я.
— Историк.
— В первый раз слышу.

Кэннингхэм вздохнул.
— Вы знали Гиппиуса?
— Никодима Васильевича, сценариста?

— Нет, видимо, его отца — Василия Гиппиуса, профессора литературы.
— Я учился по его книгам, но лично не знал. Он ленинградец, умер в блокаду.

— Да, да! — кивнул Кэннингхэм. — Меня интересует, был ли он другом Блока.
— По-моему, его брат Владимир дружил с Блоком. Но и он, конечно, хорошо знал Блока. Может, и дружил.

— О'кэй! — сказал Кэннингхэм и широким жестом протянул мне руку. — Развлекайтесь, виски хватит.

— А вы?
— Мне рано вставать.
— Фу, какая досада! Столько не виделось!

— У него завтра лекция в Балтиморе, — вмешался Уилкинс. — Джек — фанатик труда!
Мы остались одни.

Уилкинс наполнил стаканы.
— Хорошая семья, — сказал он.
— Замечательная!

— А девчонка как похорошела!
— Будь здоров!
— А Эдди — заправский поэт!
— Конец света! — сказал я. — Ты небось тоже хочешь спать?
— По правде говоря, да, — засмеялся Уилкинс. — Завтра у нас обширнейшая програм-ма!

— Как нам добраться до гостиницы?
— Ты с ума сошел!.. Я отвезу вас.

И мы поехали к нашему отелю напротив знаменитого Мэдиссон-гарден по ночному Нью-Йорку, по странному Нью-Йорку, какого не помнят старожилы: в грязном снеге, в черных сугробах, и самые рослые сугробы были занесенными машинами — их и не пробовали откапывать; по Нью-Йорку, заваленному картонками, ящиками и жестяными урнами, через край набитыми всякой дрянью, — мусоровозы не справлялись из-за снежных заносов; по ущельям улиц, в полыхании огней центра, как в лесной пожар, к золотому котлу Мэдиссон-гарден...

Утром нас разбудил звонок, мой напарник снял трубку.
— Алло!.. Нет, это его сосед, А-а!.. С добрым утром. Гуд морнинг! Отлично выспались. А вы?.. Какой молодец! Нет, мы только-только проснулись. Даю, даю!.. Это Уилкинс, — сказал он, прикрывая рукой трубку. — Мировой парень!

— Номер один! — горячо поддержал я.
— А какая точность: сказал в десять — и ровно в десять ноль-ноль!
— Дивный парень!

— Таких поискать! — В голосе его прозвучала смутная укоризна.
Может, никакая укоризна и не было, но мне чего-то почудилось, и я запротестовал: подумай, подвиг! За язык его никто не тянул, а раз обещал, так выполняй, если ты мужчина. Когда Уилкинс гостил в Москве...

— Не лезьте в бутылку, — прервал мой напарник. — Уточните лучше сегодняшнюю программу.

Я взял трубку, голос Уилкинса звучал из такой дали, что поначалу я не мог разобрать ни слова.

— Откуда ты? — кричу. — Почему так далеко?
— А я из дома!
— Как, разве ты не остался у Кэннингхэмов?

— Да нет, из дома!
— Ничего не понимаю!.. Когда приедешь?
— Жена заболела.

— Что с ней?
— Простудилась. Ничего страшного. У нас тут снежные заносы и гололедица.
— Ну?! А у нас не было снега.

— А у нас завалы.
— Когда же тебя ждать?
— У жены день рождения! — закричал он восторженно.

Неужели, думаю, к нему придется ехать? А как же ночной Нью-Йорк?..
— Поздравь жену! — кричу. — От нас обоим!

— Спасибо! — кричит. — Мы бы вас пригласили, да не на чем добраться!
— Да и больную зачем тревожить? А тут еще завалы!..
— И гололедица! — подхватил он. — Знаешь что, мы увидимся в Москве!

И хотя это прозвучало прямо-таки самозабвенным дружелюбием, я не нашел в себе ответного чувства.
— Сомневаюсь, — сказал я и бросил трубку...

И все же был у нас и музей Гуггенхайма, верх архитектурного изящества и осмысленности, с великолепной экспозицией Кандинского, которую осматриваешь, спускаясь по спирали широченной, пологой лестницы, и только что осмотренные картины вновь возникают у тебя за спиной, когда ты переходишь в следующий виток лестницы, и был настоящий домашний обед с традиционными американскими блюдами, и театрик на Бродвее с вакхическим представлением, и квартал хиппи, и неперменный сэндвич с горячей сосиской, густо смазанной сладковатой горчицей, с жареным картофелем и маринованными овощами, вкуснейший сэндвич в окружении волосатых и бородатых, грязных и веселых, подлинных, а не плюшевых хиппи, бледных цветов эпохи, и знаменитое кафе, где в уголку сживали Жаклин и Роберт Кеннеди. — Онассис недавно хотел купить это кафе за миллион долларов, но владелец отказался продать, мотивируя тем, что ему будет скучно по вечерам, — словом, было все, что душе угодно, и всем этим мы обязаны временному нью-йоркскому жителю Герману Лисичкину, собору одной из наших газет.

В маленьком переполненном кафе, где столики со всем находящимся на них то и дело вздрагивали, задеваемые пронесшимися мимо официантами с задранными к потолку подносами, подвыпившими, нетвердо ступающими мужчинами и вихлястыми молодыми женщинами, я рассказал земляку о своих злоключениях. Он возразил:

— Тебе не на что жаловаться. Он повел вас в русскую чайную... А что же тут такого? Вы разбудили в нем тоску по России, он и не подумал, что вас интересует кулёр-локаль...

— Ты-то вот подумал.
— Но я не американец, — резонно возразил он. — И не обо мне речь. Уилкинс с удовольствием провел с вами вечер, но то ли перебрал по части виски, то ли просто устал, то ли по жене соскучился, откуда мы знаем, и так же внутренне честно подорвал домой.

— А зачем он врал по телефону, зачем накручивал столько причин?
— Ну, может, от смущения. А может, хотел, чтобы ты сам выбрал наиболее убедительную... Ты вел себя иначе, когда он был в Москве, но это твое личное дело. С его точки зрения, он тоже был очень мил с тобой.

— И Кэннингхэм мил?
— Нет, нет! Кэннингхэм — совсем другой колленкор! Это прагматик до мозга костей. Он всеветный бродяга, и ему необходимо иметь всюду какие-то зацепки. Для чего?.. Ну, хотя бы ради удобства, чтоб было к кому пойти, провести вечер, пообедать, поужинать, особенно когда он путешествует с семьей. И потом, ты же знаешь, — помимо статей и обзоров, он пишет художественную прозу, ему хочется знать интимный быт чужой семьи, то, что обычно остается скрытым и от туристов, и от газетчиков. Наконец, он любит многозначительно намекнуть, что свои сведения черпает из особого источника, недоступного остальной пишущей братии. Он пускает пыль в глаза и своим хозяевам, и своим читателям, будто повсеместно располагает важными связями, всюду вхож, пользуется всеветным доверием и потому информирован лучше других. Кэннингхэму ты был нужен, чтобы не порвалась ниточка, но, видимо, в ближайшее время он не собирается в Советский Союз, иначе принял бы тебя много лучше.

— Бог, вернее, черт с ним, с Кэннингхэмом, про него я и сам все понял. Но Уилкинс!.. По-твоему, он о'кэй, а по-моему, чудовищный эгоцентрист, совершенно неспособный поставить себя на место другого человека.

— Ишь, чего захотел!.. Если б американец мог поставить себя на место другого человека, многое в мире стало бы значительно проще.

Рисунок
Юрия ИВАНОВА

Михаил ДУДИН

Среди редких явлений российской словесности есть особенное, вызывающее искреннее удивление, имя ему — Велимир Хлебников. Исполнилось сто лет со дня рождения Велимира Хлебникова, и мы не смогли обойти вниманием эту примечательную дату, поскольку имеем дело с высоко одаренной личностью, оказавшей и продолжающей оказывать своим творчеством заметное влияние на советскую поэзию.

Владимир Маяковский считал Велимира Хлебникова своим другом и учителем. Стоит и сегодня прислушаться к словам Маяковского: «Поэтическая слава Хлебникова неизмеримо меньше его значения... Биография Хлебникова равна его блестящим словесным построениям. Его биография — пример поэтам и укор поэтическим дельцам». Сам же Хлебников, размышляя о своей судьбе, сказал: «Одна из тайн Творчества — видеть перед собой тот народ, для которого пишешь».

Он и писал о победе Революции, которую предсказывал и ждал, писал одним из первых:

*Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам.
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы сплуют у оконца
Меж песен о древнем походе
О верноподданном солнца
Самодержавном народе.*

Эти строки были написаны 19 апреля 1917 года. В последующем варианте стихотворения поэт заменил слово «самодержавный» на «самосвободный».

В. Хлебников гордился тем, что «Россия тысячам тысяч свободу дала». Он понимал, что «мировая революция требует мировой совести». Он знал, что говорил, верил в это всем существом своего сознания и осознания собственной судьбы в судьбе времени.

Он так знал родной русский язык, так умел плавать в его океане, что все ошеломляющие нас исключительности языка были для него нормой:

*Черти не мелом, а любовью
Того, что будет, чертежи.*

Его сердце билось в унисон — удар в удар — с беспоконным сердцем народа, билось так не по приказу, а по чувству кровного родства высшей степени.

В. Хлебников родился в семье русских интеллигентов-подвижников 28 октября (9 ноября) 1885 года в ханской ставке Малодербентского улуса калмыцкой степи, или, как он сам писал, — «в стане монгольских, исповедывающих Будду, кочевников». Его отец, Владимир Алексеевич Хлебников, был ученым-орнитологом, посвятившим жизнь изучению птиц, искавшим в мире бескрайней степи, прожженной солнцем и освященной метелями, родства человеческой души с живой душой народа, населяющего эту землю, и со всем многообразием живой жизни природы на земле. У него были пристальные глаза и неиссякаемое любопытство ученого. Оставленные им записи о тогдашних нравах и обычаях калмыков стали

теперь, спустя столетие, уникальными свидетельствами истории, прежде всего для самих калмыков. Потом он один из организаторов первого, утвержденного В. И. Лениным Астраханского заповедника. Он хотел, чтобы его дети продолжали начатое им дело, стали, как и он, естествоиспытателями. Он учил их этому, и сын Велимир с великой радостью уезжал или уходил с отцом в бескрайнюю калмыцкую степь и знал ее и ее обитателей — от кузнечика до лебедя — с детства.

Он учился у отца понимать птичий язык и язык травы и ветра, но не стал орнитологом. Он стал поэтом, его младшая сестра Вера — художницей. Поэзия околдовала душу Велимира Хлебникова, и тот мир, который очаровал его с детства, вошел в его стихи, полные волшебства и музыки.

Эти стихи, свежие, как утренний ветер в ковильной степи, как запах диких лотосов в дельте Волги, можно назвать вольными птицами Хлебникова. Они доверчивы и диковаты одновременно.

*У колодца расколется
Так хотела бы вода,
Чтоб в болотце с позолотцей
Отразились повода.
Мчась,*

*как узкая змея,
Так хотела бы струя,
Так хотела бы водица
Убегать и расходиться.*

Показательно и прекрасно, что первая книга Велимира Хлебникова, выпущенная к столетию со дня его рождения, вышла на родине поэта, в Элисте, в дикой когда-то калмыцкой степи. Книга сделана, как любое хорошее дело, с большой любовью и вкусом. Она являет пример того, как надо издавать поэзию. В книге реально воплотилось чувство братства наших поэтов, их живая взаимосвязь. Мы благодарны калмыкам за исключительное бережное отношение к поэтическому наследию Хлебникова как и наследию своего земляка, расширяющего творческие горизонты их национальной культуры. Книга «Ладомир», вышедшая в Элисте, подтверждает ту святую истину, что все великое в духовной деятельности человека вырастает на перекрестках добра и света, любви и дружбы. Я радуюсь самой возможности калмыков издавать у себя такие книги.

Велимир Хлебников был поэтом поиска. Он пытался говорить с птицами на птичьем языке, с травами — на языке трав, с облаками — на языке облаков, с водой — на языке воды, с прошлым — на языке прошлого и с будущим — на языке грядущего свободного человечества. Он пытался предсказать это будущее и создать язык для него.

Хлебников был из той категории русских людей, которых при жизни считают чужаками, а после их ухода, спохватившись, называют пророками. Когда я смотрю на фотографию Велимира Хлебникова, на это прекрасное лицо с высоким лбом, на лицо, чуть удлиненное и суживающееся к подбородку, на лицо с пухлыми, почти детскими губами, налитыми, как вишни, соком жизни, когда и смотрю в его глаза, широко раскрытые, полные наивного удивления и доверия, когда смотрю на это лицо, чем-то напоминающее лицо молодого Рахманинова, мне приходит на память судьба Циолковского, которого, как и Хлебникова, при жизни считали забавным чуда-

ком, а этот «чудак» в начале века предупреждал сегодняшнее наше человечество. Вслушаемся в это откровение: «Близкое знакомство с некоторыми вещами может быть пагубно для людей. Ну, представьте себе, что мы вдруг научились вещество полностью превращать в энергию, то есть воплотили бы преждевременно формулу Эйнштейна в действительность. Ну, тогда при человеческой морали — пищи пропало, не сносить людям головы. Земля превратилась бы в ад крошечный: уж люди показали бы свою голубиную умонастроенность — камня на камне бы не осталось, не то что людей. Человечество было бы уничтожено! Помните, мы как-то говорили с вами о конце света. Он близок, если не возторжествует ум! Вот тут-то и необходимо запрещение — строгий запрет в разработке проблем о структуре материи. А с другой стороны, если наложить запрет на эту область физики, то надо затормозить и ракету, ибо ей-то необходимо атомное горючее. Одно цепляется за другое. По-видимому, прогресс невозможен без риска! Но тут-то человечество воистину рискует всем».

Сравните это высказывание со стихами Велимира Хлебникова, написанными почти одновременно с предупреждением Циолковского:

*Если я превращу
человечество в часы
И покажу,
как стрелка
столетия движется,
Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война,
как ненужная ижица.*

Мы убеждаемся, что слова ученого и поэта продиктованы одной и той же благородной тревогой за нашу жизнь, за жизнь человечества, только у Хлебникова больше поэтического оптимизма и веры в благоприятный исход событий. У Циолковского же доминирует логическая беспощадность научного мышления.

При всей своей детской стеснительности, переходившей в робость, Велимир Хлебников имел достаточно мужества и внутренней храбрости говорить то, что думал, во что верил. Он много знал. Он мог бы быть великим математиком. И был им. Но он соединил математику с поэзией, и, как ни странно, из этого сплава получилось нечто удивительное, дающее человеку возможность заглядывать в свой завтрашний день.

Хлебников ставил перед своей поэзией невероятные задачи создания общечеловеческого языка. Он занимался этими проблемами как ученый и поэт одновременно.

У него хватало смелости говорить палачам первой русской революции: «О, рассмейтесь, смехачи!» В этом был не только эпатаж, но и великая вера во что-то очень заманчивое.

Поэт верил в победу справедливости. Он прежде всего сам себе говорил:

*Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг,
на рынок,
И войско песен поведу
С прибором рынка в поединок.*

Его стихи ошеломляли, как мог ошеломить его взгляд даже с портрета в книге. Взгляд по-детски чистый и наивный, пронзительный взгляд неподкупной правды.

Я с мальчишества помню его стихи:

*Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.*

Позже я убедился в том, что это сущая правда, а не только красивые поэтические слова. И сейчас в глубоком раздумье я повторю рассуждение Хлебникова:

*Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.*

Он умел «пить голубые ручьи чистоты». Он был бескорыстен в дружбе и в любви. У него не было ничего, потому что он умел раздавать то, что имел, тут же, всем, кто в этом нуждался. У него были Вселенная и Вечность. И этим он был счастлив.

Друзья — шутя, а враги — с неприкрытым ехидством называли его председателем земного шара. Сам же он это звание принимал всерьез, старался быть достойным его и в слове, и в деле. Между словом и делом у него не было различия, потому что слово было делом его судьбы и жизни.

Велимир Хлебников оставил богатое и разнообразное наследие, в котором необходимо разобраться. Эту благородную работу начали когда-то Юрий Тынянов, Николай Степанов, Николай Харджиев, Наум Берковский. Сейчас ее продолжают Виктор Григорьев, Рудольф Дуганов, Владимир Альфонсов.

Время нас убеждает в том, что Маяковский поторопился, сказав: «Хлебников — не поэт для потребителя... Хлебников — поэт для производителя». Время заставляет нас согласиться с иным толкованием: «Хлебников — поэт, тропа к которому загромажена», — писал Н. Я. Берковский. — Много тут виноваты друзья и комментаторы, уверявшие, что Хлебников — «поэт для поэтов»... Поэзия Хлебникова сильна прежде всего своим содержанием, не речетворством и трудными опытами по части слова и стиха, а своим смыслом и объемом этого смысла».

Творчество Хлебникова живет и становится духовной необходимостью для людей. А тем, кто при его жизни издевался над ним и над его творчеством, он ответил сам:

*Еще раз, еще раз,
Я для вас вечерняя
Звезда,
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей лады
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
И камни будут насмехаться
Над вами,
Как вы насмехались
Над мной.*

Хорошо зная прошлое, Велимир Хлебников умело и мужественно смотрел в будущее и потому был великим путешественником в пространстве и во времени.

Его стихи — вольные птицы из вчерашнего дня. Они летят к нам в наше завтра. Поэт Велимир Хлебников всегда будет современником тому, кто в поиске. Современником завтрашнего дня.

ХЛЕБНИКОВ

В эфире наступила тишина, тягостная пауза. Только Бомбовоз, вылезший из машины, все постукивал по кузову вертолета, сбивая резиновым жгутиком лед с бортов и стекол.

— Михаил Петрович, — сказал Виктор Ильич, — в общем, действуй по обстановке. Ты сейчас ближайший борт к этому острову. Так что постарайся. Я сейчас дам команду в радиобюро, чтобы они каждый час тебя вызывали. Сам энергию не трать... У тебя бензин-то есть?

— Да, — сказал Калач, — взяли мы здесь, из старого склада ГСМ.

— Ах, да... ну ладно, у меня тут Аркадий Жемчужный, привет тебе передает... Переключаю тебя на Галю, она тебе чего-то интересное расскажет. Успехов желаю, Михаил Петрович.

— До связи, — недовольно сказал Калач. Щелкнули в эфире переключатели селектора.

— Михаил Петрович, это я, Галя. Значит, новости такие... Сейчас я посмотрю в блокнот, у меня все для вас специально выписано. Первое, наши комсомольцы два раза были у вас, помыли полы во всей квартире, все везде убрали, пропылесосили, угол в ванной разобрали. «Волгу» вашу отогнали в мастерские и сделали ей профилактику. И, конечно, поставили обратно в гараж. Второе, дочка ваша Света сдала историческую грамматику на «хорошо». Записалась она в отряд, едут на практику восемнадцатого числа. Вася, как вы велели, уехал на дачу к Евгению Львовичу, очень довольный, звонил мне, купается в Москве-реке. Собирает там целыми днями — это по моим агентурным сведениям — какой-то немислимый приемник. Здоровье хорошее, не болеет. Сережа тоже здоров. Теперь новости по управлению. Отдел ваш переводят в новое здание, все хорошо. Теперь, профессор Ермаков оставил вам целое письмо и просил при первой связи прочитать. Читать?

— Обязательно, — сказал Калач.

— «Дорогой Михаил Петрович, — стала читать Галя, — извините меня, что я обращаюсь к вам таким сложным способом, но никакой другой возможности связаться с вами нет. Мне очень нужна бумага, которая находится где-то у вас. Вы знаете, о чем идет речь. Меня все время удручает мысль о том, что существует документ, сыгравший в свое время гуманитарную роль, но с профессиональной точки зрения совершенно безответственный. Убедительно прошу вас каким-либо образом переправить его мне, потому что вы будете отсутствовать, как мне сообщали, очень долго. Дела у меня идут по-старому. Больших успехов вам в вашей работе. Ваш Ермаков».

— Галя, — сказал Калач, — это обязательно сделать нужно. Никому это не доверяй, поезжай после работы ко мне домой, Света тебе покажет, там в письменном столе в нижнем ящике, запиши — в нижнем ящике правой тумбы лежит синенькая папка, называется «История болезни». Ты эту папку возьми, позвони Ермакову, и пусть он за ней приезжает. И большой ему поклон от меня.

— Все сделаю, Михаил Петрович, — сказала Галя. — Больше у меня для вас ничего нет.

— Ну, если Ермаков захочет чего передать мне, дай ему мой адрес, ты же знаешь — Арктика, дом два.

— Хорошо, — засмеялась Галя, — обязательно передам.

Калач выключил приемник. И наступила тишина, глухая тишина. Бочка, набитая ватой. Постучал трубочкой по краю столика Николай Федорович.

— Спасибо, — сказал Калач, обращаясь сразу ко всему экипажу.

— Меня мысль одна терзает, командир, — сказал Бомбовоз, переступая на месте от смущения. — Дали вы «кольт» Саньку — не для самоубийства ли?

Николай Федорович и Лева разом засмеялись.

— Юзик, — сказал Николай Федорович, — тебе лучше было бы идти в отдел НОТ, там психиатры требуются.

— А что, а что?! — закричал Юзик, уже сообразивший, что случай этот, вернее, это его предположение, будут вспоминать ему не раз.

— А то, — сказал штурман, — что Санек скорее все живое в Арктике сгубит, чем допустит себе хоть царапину на мизинце. Не та кость, Юзик!

— Ха-ха! — деланно засмеялся Бомбовоз, которому казалось, что еще можно выкрутиться. — Я пошутил! В шутку! А они — ха-ха!

Но вдруг Лева Яновер перестал смеяться, и мелькнула у него в глазах под золотистым шлемом какая-то странная мысль. Он встал прямо перед Юзиком, неожиданно схватил его за воротник «канадки», схватил сильно, без шуток и сказал, играя желваками:

— Командир оставил оружие радисту для самозащиты. Если ты видишь в этом провокацию, немедленно свяжись с Москвой. Это очень легко, частоты стоят еще на передатчике. Зарезервируй свое вотум сепаратум!

Продолжение. Начало в №№ 14, 15.

Рисунок Валерия БАЙДЫ

Юрий
ВИЗБОР

ПОВЕСТЬ

АРК

профессия. Нужно, дескать, быть хорошим специалистом. Вот мы здесь стоим — все очень хорошие специалисты. Один из них — лучший, безусловно, бортмеханик в Арктике по «четверкам» — думает в сложной ситуации только о том, чтобы самому выглядеть поприличней других. Другой — несомненно, лучший радист на Севере — едва не убил своих дружок-летчиков. Еще один — несомненно, не последний в Арктике левый пилот — высадил его под горячую руку на необитаемом острове, как в доисторические времена. Тоже красиво. И все прекрасные специалисты!

Калач, расстроенный вконец таким произведенным анализом, тяжело поднялся с кресла радиста, подошел к открытой дверце, смачно плюнул в снег.

— Однако нечего амортизаторы эксплуатировать, — сказал он, — пойдете в дом какой, печку может, растопим.

— Дело, — сказал штурман. — Растопим печь, покликаем, ребята, нордовый ветер.

Они вышли из вертолета и, приминая унтами снег, почерневший двумя кругами от ударов выхлопа при посадке, не спеша пошли к ближайшему, едва видневшемуся в тумане дому. Дверь была, как ни странно, открыта, за дверью в сумерках коридора сабельным голубым лезвием стоял ледовый заструг четырехлетней крепчайшей выдержки. Пройти никак было нельзя. Калач лег спиной на ледовый склон заструга и, ногами упираясь в бревенчатую стену коридора, прополз внутрь.

— Миша, — сказал Николай Федорович, — смотри, как бы там медведи в доме не гуляли.

— Не слышать, — сказал командир.

Они попали в коридор, покрытый слоем льда. Ко льду намертво были приморожены какие-то бумаги, провода, журналы, куски сапог, сковородка и еще бог знает что. В комнатах царил необычайный хаос, все было перевернуто, валялось, перемешанное с непостижимым фанатизмом и упорством, на полу. Нетронутыми оставались только плафоны и люстры. Дом этот оказался клубом и кают-компанией. В самой большой комнате, с прорезанными в торцевой стене двумя квадратными окошками для кинопередвижки, висела особенно роскошная люстра.

— Ведь везти надо было! — удивился про люстру Лева.

Николай Федорович показал всем на стене, на белой штукатурке, словно четырьмя топорами провели, след от мишкиной лапы. Медведи разгромили эту в свое время знаменитую зимовку, где работал большой и дружный коллектив, где рожали детей и фиксировали звездные движения, отчитывались за погоду и смотрели кино, справляли дни рождения и в

Юзик, который мог бы легко, как ребенка, просто поднять в воздух тщедушного Леву, стоял, неподвижно и преданно глядя в глаза второму пилоту.

— Вы, ребята, — вздохнул Калач, — не начинайте здесь номеров из экспедиции Циглера — проломанных черепов, ночных перестрелок, этого не надо. Это мое личное решение и моя личная ответственность. Поступил как самодур, как купец...

Калач мягко взял за плечи будто заостеневшего Леву, отстранил его от Юзика.

— Не пойму я только одного, — сказал он Юзику. — Летаю с тобой не первый год, и в Индии с тобой работал, и в Антарктиде, и в Швейцарии. Помнишь, кран подъемный в горах «десятой» ставили?.. Вроде ты смелый парень, но вот людей боишься. Почему?

— А кого же бояться? — тихо сказал Юзик. — Медведей, что ли?

Калач усмехнулся.

— Тогда любить кого ж? Медведей, что ли? Калач изучающе и колоче смотрел прямо в глаза Бомбовозу. Тот шумно вздохнул, отвернулся, как школьник.

— Командир! — сказал он. — Вы же знаете... я ж за вас... лично за вас глотку...

— Мы не урки, — жестко ответил Калач. — Лично за меня не надо. Да и не нуждаюсь. Надо лично за дело. Лично за человека, как категорию. Лично за страну, как за Родину. Это надо.

— Не прогоняйте меня, командир, — попросил Юзик.

— С ума ты сошел, что ли? Я и не думаю.

— Нет, правда, — говорил Юзик, — такого специалиста, как я, еще поискать нужно. Не найдете.

— Мы все очень хорошие специалисты! — оживился Калач. — Да-да. Как-то я слышал в радиопередаче — один другому говорит: хороший человек — это не

праздники вывешивали на шесть домов красные знамена, где сочиняли стихи и по четверо суток через форточки отстреливались в полярную ночь от медведей. Летчики пробрались в самую дальнюю комнату — здесь стояли никелированные тазы и на стенке был прибит ящичек. Калач приоткрыл его — там оказались лекарства, ударил острый запах аптеки. И снова вспомнилось все, все, до самого последнего листка перед окнами больницы, до луж на асфальте, в которых отражались голубые пижамы прогуливавшихся больных.

Шесть плиток шоколада...

Профессор Ермаков дозвонился в то утро Калачу. Как это он умудрился дозвониться на испытательный аэродром, было непонятно. Однако за Калачом приехали на дежурной машине, через все гигантское бетонное поле аэродрома привезли к телефону. Ермаков попросил, чтобы Калач срочно подъехал в больницу. Калач сбросил с себя унты, наспех переоделся. «Ерунда какая-нибудь», — думал он, жал на газ, и «Волга» неслась по подмосковному шоссе, жалобно визжа на поворотах. «Просто какие-нибудь пустяки. Наверно, Клава чего-нибудь попросила такого... Или вспомнила, может быть, чего-нибудь срочное. Да и мало ли что?..» Он, испытатель, привыкший думать об обстоятельствах гораздо хуже, чем они есть, прятался за жалкие мыслешки, хотя и тон профессора, и его слова: «Михаил Петрович, вы очень нужны здесь» — не оставляли никаких сомнений в том, что что-то случилось...

Жена родила Михаилу Петровичу трех детей, но Калач чаще бывал на кладбище, хороня и вспоминая друзей, чем в яслях. «Миша, — часто говорила ему

ка, стоящего в траве возле открытой дверцы вертолета «Ирокез». Поперек фотографии было написано по-английски: «Мистер Калач, я вами восхищен! Шеплиот испытателей США Мэшман». На другой стене висел огромный портрет Гагарина. Снимал его сам Михаил Петрович, в летний день на лесной поляне недалеко от дачи. На Гагарине была тенниска. В руках он держал ракетку для бадминтона... Трое детей... Квартира была пуста. Жизнь была пуста... Он не знал, что сказать детям. Потом придумал. «Я сейчас», — сказал он и пошел в киоск, купил там шесть плиток шоколада и вернулся в дом. Но Серега уже спал, Васька гонял шайбу во дворе, а Света заперлась в комнате, сказала через дверь, что зубрит старославянский язык. Калач усталое сел за стол, выложил шесть плиток шоколада «Аленка». «Аквариум купить, что ли?» — подумал он, решил, что аквариум заведет, а главное, надо поговорить с ребятами просто, по душам, не какую-нибудь мораль прочесть, как раньше, а просто рассказать им о чем-нибудь о житейском. О чем с ними говорила мать? Да бог его знает. Историй она особых не рассказывала. Нрав только у нее веселый был... Михаил Петрович позвал Светлану, она пришла в шелковом халате, села за стол, заплаканная. Вся она была папкина дочка — глаза бесстрашные, сильные губы, высокий лоб. «Уж не гуляет ли?» — подумал Калач, а вслух сказал:

— Доченька, я с тобой хочу поговорить кое о чем.

Светлана молчала, вопросительно глядя на отца. Калач откашлялся, ожидал какого-нибудь вопроса, но она ни о чем не спросила.

— Ты знаешь, у нас скоро будет все по-другому.

— Как это? — спросила Светлана так ледяно, что Калач понял, что она подумала.

Мы с вами остановились на язве

Клаву лечил профессор Ермаков. При первой встрече он не понравился Калачу, во всяком случае, в нем ничего не было ни профессорского, ни медицинского. И говорил он очень просто, без всяких там «батенька мой» или «голубчик». При первой встрече Ермаков сказал Калачу:

— Прошу вас в совершенно категорическом порядке скрыть от вашей супруги, что у нее рак. Иной человек может просто умереть в два дня от одного сознания, что он болен раком, а опухолька может быть пустяковая и вполне поддающаяся лечению. Скажите ей, что и я вам сообщил, что у нее язва желудка. От язвы тоже, кстати, умирают, и хорошего в ней, уверяю вас, нет ничего.

В кабинете у Ермакова был какой-то переполох, поэтому говорили они обо всех делах, стоя у коридорного окна. Профессор беспрерывно курил грубые сигареты «Дымок», покашливал, беспокойно оглядывался по сторонам.

— Понимаете, — говорил профессор, — если вы читали самую-разсамую популярную литературу по интересующему вас вопросу, хотя бы реферативные журналы по онкологии, вы сами в этом случае четко представили бы себе трудность диагностирования и весьма малую степень достоверности при прогнозировании заболевания. Это, конечно, я говорю, когда мы не вмешиваемся хирургически. Вот кто вы по профессии? — неожиданно спросил он.

— Я летчик-испытатель, — сказал Калач.

— Летчик-испытатель? — недоверчиво переспросил Ермаков. — Все сейчас либо атомные физики, либо летчики-испытатели.

ТИКА, ДОМ ДВА

жена, — ну, посмотри, какой ты хороший человек! Как тебя любят ребята твои по работе, какой ты веселый! Ну, почему ты такой хмурый с детьми? Ты не любишь детей? Зачем же мы тогда их троих нарожали?»

— Да нет, — отвечал Калач. — Клаша, ты пойми, в голове у меня разная техника, я только закрою глаза и вижу, как захожу на посадку на автотрассу или еще какую-нибудь такую чужь. Ты понимаешь?

— Я все понимаю, — говорила Клава, — и все ж дети...

И все это была сущая правда, потому что, хотя Михаил Петрович любил своих детей, как и каждый отец, относился он к ним сухо. Подойдет, погладит по голове, наденет реглан — и на аэродром. Вот и все отношение. Дети его не знали поэтому, немного побаивались, жались к матери. Именно этого, в сущности, и добивался Калач.

Он думал, что он погибнет, а Клаве жить дальше с детьми, и чем меньше они будут привязаны к отцу, тем легче переживут его смерть, тем меньше будут травмированы их маленькие души. Но шли годы, Калач с удивлением поднимал бокалы на годовых вечерах, и все больше удивляла его мысль: «Почему же я не разбиваюсь?» И каждый раз, когда отказывал двигатель на «недоведенной» машине, или маслом рвало емкости, или — сказать-то страшно — пожар на борту, — везло Мише Калачу, так же как везло ему на фронте, на «Азробре», а потом на «Ла-5», на котором он и заработал Героя. Бывало, что и экипаж страдал, а левому пилоту ничего, ни царалины. Воздушное счастье. Воздушное счастье и опыт. Жизнь летчика-испытателя Михаила Петровича Калача была застрахована, у нотариуса лежало завещание. Без страха в сердце поднимал он в воздух новые машины, ежесекундно готовый к разным подлестям со стороны металла, горячего, масел, тросов, гидросистем, приборов, ежесекундно готовый к короткой, зверской борьбе с бездушным и совершенно никому не известным чудовищем, к которому он входил в клетку с одним парашютом. Он был готов к смерти, но судьба распорядилась по-другому: уже три недели в Сокольниках, в больнице, умирала от рака его жена Клава, единственная женщина его жизни, двадцать лет с которой прожито было, однако все как будто шел первый день. Она нигде никогда не работала, только сидела с детьми, никуда не выходила из дому, когда Миша где-нибудь летал далеко, ни разу в жизни не была на курорте, только с Мишей все да с детьми. Трое детей. Хлопот много. Когда ее увезли в больницу, Михаил Петрович как будто в первый раз увидел свою квартиру, всю увешанную моделями вертолетов. В гостиной висела небольшая фотография пожилого, подстриженного под бобрчик сухощавого челове-

— А вот так, — сказал он. — У нас в Союзе винт фиксированный решили. Понимаешь, какая это революция?

Светлана молча глядела на отца.

— Ну, ты ж пойми, что скорость вертолетов увеличится до восьмисот — девятисот километров в час! Ты представь себе. Это без маршевых двигателей, только на нормальных винтах. К чему это приведет? Это приведет к тому, что все областные перевозки в скором времени полностью перейдут в руки вертолетного парка. За счет возросшей скорости увеличивается дальность. Мы вытесняем не только поршневыми, но и реактивными, и турбореактивными машинами с пассажирских перевозок. Ты понимаешь?

Светлана с крепко сжатыми губами молча смотрела на отца.

— Чего ты молчишь? — спросил Калач.

— Это все, что ты хотел сообщить мне?

— А что?

— Маму в больницу увезли, а ты мне про вертолеты рассказываешь.

— Так вот поэтому я и хотел с тобой поговорить.

— Про вертолеты?

Действительно, нехорошо как-то вышло. Калач встал, дошел до двери, обернулся.

— Ну, ладно, иди к себе. Не вышло у нас разговора. Отцы и дети, как говорится. У меня свои проблемы, у тебя свои. Чуваки! — со злостью добавил он, ушел из дома, совсем разозлился, потому что несправедливо обидел дочку, а несправедливости он терпеть не мог. Облетел пол-Москвы на своей «Волге», отвел душу на двух постовых, примчался домой откуда-то из-под Сходни извиняться, вернее, отношения налаживать — спит дочка, заперлась, на стук сказала: я сплю. Калач сказал «спокойной ночи», — до трех часов ворочался и пропрыгал на пустой тахте, в час ночи поднял с постели телефонным звонком Бомбовоза насчет завтрашнего полета, раза три звонил в больницу, Клава спала, сообщали сестры. В четыре Калач заснул, но в полпятого позвонил товарищ из Тушина, шла там большая встреча: один человек вернулся из Перу, второй — с полюса Южного, отмечать было чего. Калач кричал в трубку, но тут же пожалел, что не поехал, потому что не спать уже было ему, ночь продолжалась страшная, пустая, без жены. В полседьмого он разбудил всех, Светке сказал: хоть отцы и дети, однако Серегу покормишь и в сад сведешь! Светка сказала: извини, па! «Ладно», — махнул рукой Калач, сгреб в охалку Ваську и повез его на аэродром, на полеты. Он оставался один с детьми. Временно, конечно, пока жена не поправится. Он не имел права разбиваться.

И Ермаков, густо закашлявшись, засмеялся.

— Ну, а предположим, я был бы ассенизатор, — сказал грубо Калач. — Что из этого?

— Ровным счетом ничего, — сказал откашлявшийся Ермаков. — У нас все профессии почетны. Просто в нашем отделении не только важна личность самого больного, но и личность тех, кто будет к больному приезжать.

— Понятно, — сказал Калач.

— Не сердитесь. Кто вы действительно по профессии?

— Летчик-испытатель.

— Ну, вы, наверно, сами не летаете? Ну, что вы там делаете? Заправляете самолеты бензином? Может, вы чините моторы?

— Вы что здесь дурака со мной вальяете? — мрачно сказал Калач. — Я что вам, школьник? У меня жена лежит через комнату отсюда, и вы знаете почему, а вы мне здесь всякую ерунду говорите!

— Ну, зачем вы так сердаете? — обиженно сказал Ермаков. — У меня же ведь нет ни секунды времени, а мы с вами будем переругиваться. Это нежеже. Хорошо, предположим, вы летчик-испытатель. Вы даже будете другом Гагарина. Не в этом дело. Просто я стремлюсь узнать вашу профессию точно не из праздного любопытства, извините, а потому, что если ваша профессия связана с каждодневными нервными нагрузками, с интригами, с внутренней борьбой группировок внутри вашего... учреждения, и поэтому вы привыкли обращаться с женой резко, волево, то прошу вас этот тон мгновенно прекратить. Полнейшее терпение и внимание. Я на первое место ставлю терпение, потому что больные наши... в подобном... положении весьма необъективно судят о проявлениях, так сказать, внешнего мира, часто несправедливы и подозрительны. Поэтому прежде всего вы все должны терпеть, ни в коем случае не оправдываться по логическому пути, то есть не доказывать своей супруге, что она не права по тем-то и тем-то объективным причинам. То есть проявлять ласку, ласку и внимание. Потому что больная не должна беспокоиться о доме, эти мысли не должны ее волновать.

— Они ее никогда не волновали, — сказал Калач.

— Это было бы прекрасно, — неопределенно сказал Ермаков.

— Вы все мне не верите, — усмехнулся Калач. — Чего это вы мне не верите?

— Потому что, дорогой товарищ...

— Калач, — сказал Калач.

— ...Товарищ Калач, практикую я не первый десяток лет. И людей столько повидал, что трудно сосчитать.

В это время к профессору подскочили две какие-то медсестры.

Они обступили профессора, тянули его за руки куда-то, он слабо сопротивлялся, виновато оборачиваясь к Калачу.

— Ну, хорошо, хорошо, я сейчас сам приду,— сказал он, освобождаясь от медсестер.— Идите, я сейчас приду.

Он подошел к Калачу. Медсестры угрюмо ждали в двух шагах.

— Приезжайте почаще,— сказал Ермаков.— Хотя бы два раза в неделю.

— Я здесь буду бывать каждый день,— сказал Калач.

— И все-таки, кто вы по профессии?

— Летчик-испытатель.

— Да,— печально сказал Ермаков, пожимая руку Калачу,— упорный вы парень.

На следующий день после полетов Калач снова приехал в больницу и, хоть не приемные были часы, с боем прорвался на третий этаж, посидел у Клары; написала она ему на бумажке список дел, какие по дому надо сделать, что купить, была весела, приветлива, но по-прежнему худела и никакой еды не принимала. На работе узнали о случившемся, Рассадин предложил освободить его от полетов, но Калач воспротивился этому, потому что знал: не будет работы—будет еще хуже. По вечерам он жарил картошку на сале, чтобы утром только на газок поставить, время не теряя. Света постиривала и на него, и на ребят, ходила за Сергеем; он ее несколько раз спросонья уже называл мамой. Только Васья совсем отбилась от рук, то порох приносил в дом, то мощные рогатки обнаруживались в его портфеле, то приводил его за ухо сосед. И двойку в табеле пытался счистить бритвой и вывести хлором, на чем был пойман математичкой, и по сему поводу провел с родителем превеселый вечер.

История болезни

— Вы знаете тетю Дашу?—спросил профессор, едва Калач вошел в его кабинет.

— Вроде знаю. Это... дежурная сестра.

— Зачем вы дали жене столько денег?

— Она просила.

— Ну зачем?

— Откуда я знаю? Я никогда не лежал в больнице.

— В общем, ваша жена дала тете Даше тридцать рублей, чтобы та ночью выкрала ее историю болезни и принесла ей.

Калач привалился к стене.

— Ну...

Ермаков большой красной рукой смял пустую пачку «Дымка». Достал новую пачку.

— Во Франции за три года привык к сигаретам «Житан». Горлодер редкий. Наше ничего не может сравниться, разве что «Дымок».

— И она все узнала?—выдавил из себя Калач.

— Нет, Михаил Петрович, она не узнала. Но хочет узнать.

— Борис Павлович,—сказал Калач,—а где у вас хранятся эти истории болезней?

— А что?—вдруг с подозрением спросил Ермаков.

— Мысль у меня такая: врать я своей жене никогда не врал, даю вам слово. Двадцать лет прожили, ни разу ее не обманывал. Она, конечно, сразу поймет, что вру, а раз вру, то... вывод нетрудно сделать. Может, действительно дать ей эту историю болезни?

— Да вы с ума сошли!

В кабинет постучали, вошла сестра, пожилая женщина с маленькими ласковыми глазами.

— Борис Павлович,—сказала она,—больной на столе.

— Сойкин там?

— Там.

— Ну что же, подсоедините сердце, начинайте. Я сейчас.

Сестра вышла. Ермаков улыбнулся и сказал: — Так мы остановились на том, что вы сошли с ума.

— Да,—усмехнулся Калач,—близок к сему. Мир этот пуст без жены. Я вот что говорю,—сказал он после некоторой паузы,—вы исправьте у нее в истории болезни рак на язву или лист вырвите этот проклятый.

— Это невозможно. Просто невозможно.

— Это невозможно. Просто невозможно.

— Ну, а заново можно написать? Чистый бланк у вас есть для этого?

— Бланк? Да это ж целый том. Десятки листов... Ермаков встал, подошел к окну. По двору больницы под огромными липами прохаживались больные, и их халаты отражались в свежих от недавнего дождя лужах.

— Живем в эпицентре драм,—задумчиво сказал Ермаков.

Калач даже брови удивленно поднял: так часто думал он, но только про себя.

— Вы никогда не были на операции?—продолжал профессор.—Да где там! Конечно, не были. А если бы побывали когда-нибудь—сильно бы удивились. Мы ведь, извините, ругаемся во время операции друг на друга в голос. До матерщины. Наша профессиональная смерть—пятьдесят лет от гипертонической болезни. Слишком много эмоций бурлит в башке. Поэтому во время работы стараемся не сдерживаться...

Ермаков побарабанил пальцами по стеклу, подошел к двери, выглянул зачем-то в коридор.

— Мне пора,—сказал он,—идите к жене. Тетя Даша завтра ночью выкрадет на пять минут историю болезни. А вы сегодня в двадцать один час заезжайте за мной сюда.

— Спасибо,—сказал Калач и боком вышел из кабинета. Он шел по коридору с высоченным арочным потолком, где покуривали больные, кого-то провозили на тележке, ходили сестры с грязными тарелками, и думал, что—странное дело—Ермаков говорил с ним о чем угодно, только не о здоровье жены...

Клава лежала у самой двери, как войдешь, сразу направо. Увидев мужа, она подняла черную голову с подушки, и—в который раз!—Калачу как по сердцу ножом ударили: так непохожа была лежавшая худая, изможденная женщина на его жену, которую он любил всю жизнь, которая снилась ему по ночам, с которой он разговаривал по радио из Антарктиды и Чукотки, из Арктики и Индии.

— Миша,—сказала она,—ты чего это зачистил? Тебя с работы выгонят. Рассадин не ругается?

— Да ну, пустяки,—сказал Калач.— Как дела?

— Хорошо,—сказала Клава.

За высокими стрельчатыми окнами проехала машина.

— Ну, а как с едой?—спросил Калач.

— Хорошо,—сказала Клава.

— Рвет ее, рвет!—вдруг сказала старуха, лежавшая у окна.

— Ксения Петровна, не к вам же пришли!—сказала другая женщина.

— А ко мне никто и не ходит,—сказала старуха,—я сама без ихней помощи подохну.

— Миша,—сказала Клава,—я все забываю тебе сказать: там в письменном столе, ну, сам знаешь где, деньги Сереже отложены на зимнее пальто. Ты, Миш, купи, найди время. И соседке Надежде Ивановне скажи, что я ее не бросила, а как выйду отсюда, так обязательно дошью.

— Чего?—удивился Калач.

— Ну, я там начала кое-что ей шить, да вот на полдороге бросила.

Клава поманила Калача к себе, он нагнулся.

— Платье шерстяное я начала ей шить,—зашептала она,—зеленая такая шерсть с искрой.

— Ясно,—сказал Калач.— Ты не волнуйся, дома у нас полный порядок.

— А Валерка звонит?

— Какой Валерка?

— Светкин Валерка, парнишка из ее группы!

— Не знаю такого,—недоверчиво сказал Калач,—в глаза не видал. А что, у нее уже парнишка есть?

— Молодежь у нас быстрая, за ней глаз нужен!—вставила старуха.

— Ксения Петровна, да помолчите же вы!

Калач вздохнул. За окном, видно, открыли светфор, стекла задрожали от машин.

— Миша, иди, сейчас обед будет, тебя заругают. И еще: привези мне коробку конфет шоколадных, тут я хочу одной нянечке подарить. Очень хорошая женщина, ходит за мной, как за ребенком.

— Как зовут?—спросил Калач, хотя знал ответ.

— Тетя Даша,—сказала Клава.

Окончание следует.

Дорогие читатели!

В трех номерах (№№ 14, 15, 16) мы публиковали выпуски «Смены» под рубрикой «Молодежь и культура», ориентируясь на ваши пожелания и просьбы. Привлекли ли они ваше внимание, хотите ли вы, чтобы они и впредь регулярно появлялись на страницах журнала? Что в этих выпусках вам понравилось, а что не удовлетворило? Напишите, пожалуйста, и о том, какие материалы вы хотели бы увидеть в этой рубрике, подскажите адреса интересно работающих молодежных клубов, другие темы для выступлений и дискуссий.

Внутри просторного корта, окруженного проволочной сеткой, Реймонд Старр заканчивал урок тенниса. Полная дама среднего возраста игриво помахала ему на прощание и, подхватив небесно-голубой свитер, направилась к отелю. Реймонд проводил ее дежурным комплиментом. Потом направился к скамье, где расположились трое зрителей. Он выглядел усталым.

Сэр Генри мысленно задал себе вопрос: сколько лет может быть этому человеку? Двадцать пять или под сорок? Угадать невозможно.

— Такие уроки, видимо, порядком надоедают?—участливо спросила мисс Марпл.

— Да, особенно в конце сезона.

Начальник полиции встал с озабоченным видом.

— Если позволите, я зайду через полчаса.

— Отлично. Буду вам благодарна.

Реймонд проводил Харпера взглядом, затем спросил:

— Вы мне разрешите присесть рядом?

— Сделайте одолжение,—отозвался сэр Генри.— Не хотите ли сигарету?

Он протянул портсигар, удивляясь собственному предубеждению по отношению к этому человеку. Может быть, не вызывал уважения его род занятий? Что касается танцев, то, пожалуй, да. Как истый англичанин сэр Генри относился с подозрительностью к профессиональным танцорам. В движениях молодого человека был явный излишек грации... Реймонд...

РАМОН В СТАР

Рамон... В самом деле, какое у него настоящее имя? Он напрямик спросил об этом у Старра.

— Когда я стал выступать, меня называли Рамон. «Рамон и Джози»—нечто испанское. Но я заметил, что к иностранцам завсегда отеля относятся неважно, и взял имя Реймонд, английское.

— Но это не настоящее ваше имя?—спросила мисс Марпл.

Молодой человек с улыбочкой покачал головой.

— Нет. Меня действительно зовут Рамон. Моя бабушка родом из Аргентины.

«Вот откуда это покачивание бедрами!»—подумал сэр Генри.

— Но зато второе имя Томас,—добавил танцор.— Что может быть прозаичнее?—Он обернулся к сэру Генри.— Вы ведь из Девоншира? Из Стейна? Мои родители живут по соседству, в Алмонстоуне.

Сэра Генри внезапно осенило:

— Так вы из Старров, что в Алмонстоуне?!

— Именно.

— Вот бы никогда не подумал!

— Неудивительно,—с горечью сказал Реймонд.

Сэр Генри сочувственно пробормотал:

— Видимо, превратности судьбы?..

— Пожалуй, что так,—грустно согласился молодой

Старр.—Моей семье пришлось продать имение, которое перешло по наследству более трехсот лет. Но наш род не прервался. Старший брат обосновался в Нью-Йорке, у него издательское дело. Остальные тоже разбрелись чуть не по всему земному шару. В наше время университетский диплом еще не гарантия преуспевания. Я был менее удачлив и устроился продавцом в магазине сантехники. В магазине имелись великолепные залы образчиков. Но я вечно путал цены, забывал дни доставки. Меня, естественно, уволили. Единственно, что я знал и умел, это танцы и теннис. Пришлось предложить свои услуги в одном из отелей Ривьеры, куда съезжаются сливки общества. Я уже прилично зарабатывал, когда вдруг услышал, как один полковник, джентльмен с ног до головы, громогласно вопрошал директора: «Где этот танцориска? Я его ищу. Моя жена и дочь хотят повальсировать. Приволоките его!»

Реймонд помолчал.

— Я имел неосторожность обидеться и тотчас лишился места. В конце концов попал сюда. Здесь менее доходно, но обстановка корректная. Я провожу время в обучении теннису грузных матрон, а вечером танцую с их дочками. Что поделает, такова жизнь. Простите, что обрушил на вас свои глупые излияния.

Сэр Генри сердечно сказал:

— Очень рад, что мы разговорились.

— Вы по поводу Руби? Тут ничем не могу помочь. Мне ее убийца неизвестен. Наше знакомство с ней

Окончание. Начало в №№ 12—15.

вообще очень поверхностно. Доверительных разговоров со мною она не вела.

— Вы ей симпатизировали? — благожелательно спросила мисс Марпл.

— Как вам сказать? Она, конечно, умела нравиться, — отозвался Реймонд довольно равнодушно.

— Значит, — продолжал сэр Генри, — подозрений никаких?

— Нет. Иначе, поверьте, я сообщил бы в полицию. Видимо, это одно из тех мерзких преступлений, которые совершаются без серьезного повода, но зато с ловкостью, не оставляющей следов.

— У двоих людей повод был, — рассеянно заметила мисс Марпл.

Сэр Генри метнул в нее недовольный взгляд.

— Неужто? — спросил, внезапно заинтересовавшись, Реймонд.

Мисс Марпл с выразительным ожиданием посмотрела на сэра Генри.

— Кажется, смерть Руби Кин принесла пятьдесят тысяч фунтов миссис Джефферсон и мистеру Гэскеллу, — нехотя процедил тот.

— Как?! — взволнованно вскричал Реймонд. — Но это же абсурд! Миссис Джефферсон... я хочу сказать, они оба не могут иметь касательства к преступлению!

Мисс Марпл, кашлянув, тихо произнесла:

— Боюсь, мистер Старр, что вы идеалист.

— Я идеалист?! Да я прожженный циник, мадам.

— Деньги очень веский повод, — невозмутимо продолжала старая дама.

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

ШЕСТЬ ВНЕ ОМ ЗАМКЕ

Литературный
глобус
«Смены»

Агата КРИСТИ

33

— Возможно, — сквозь зубы процедил Реймонд, готовый снова взорваться. — Но вообразить, что они душили эту девушку... — Он затряс головой и вдруг встал. — Простите, вот идет на урок миссис Джефферсон. Она уже опаздывает.

Вместе с Аделаидой шел Хьюго Маклин. На губах Адди играла виноватая улыбка. Она прошла на корт, Хьюго опустился на скамью. Попросив разрешения у мисс Марпл, он затаился трубочкой.

— Не пойму, зачем сдались Адди эти обязательные уроки? Другое дело сыграть партию ради удовольствия. Я тоже люблю теннис. Но уроки...

— Вероятно, чтобы повысить класс игры, — предложил сэр Генри.

— Она и так прекрасно владеет ракеткой, — возразил Хьюго. — Для любительницы, конечно. Черт побери!

Помолчав несколько минут, ворчливо спросил: — Кто, собственно, этот молодчик? Откуда он? Похож на южанина.

— Он из старинной семьи Старров, девонширец, — ответил с достоинством сэр Генри.

— Как? Быть не может!

Эта новость явно испортила настроение мистеру Маклину. Он нахмурился.

— В толк не возьму, зачем Адди меня вызвала.

— А когда она попросила вас приехать? — осведомился сэр Генри.

— Э... э... когда произошло преступление.

— Она сообщила вам телеграммой?

— Телеграммой.

— Хотелось бы уточнить, когда телеграмма отправлена.

— Вот уж не знаю.

— А в котором часу вы ее получили?

— Я ее, собственно, не получал, мне продиктовали текст по телефону.

— Почему? Где же вы находились?

— Накануне я уехал из Лондона в Дейнбери-Хид.

— Так близко отсюда?

— Странное совпадение, не правда ли? Мне позволили, когда я возвращался с гольфа, и я сразу прикатил в «Маджестик».

Мисс Марпл задумчиво разглядывала Хьюго Маклина, который все больше чувствовал себя не в своей тарелке. Она спросила беззаботным тоном:

— Меня уверяли, что в Дейнбери-Хид нет такой дорогавизны, как здесь.

— Да, это относительно дешевое место. На шикарном отпуске у меня нет средств.

Он поднялся.

— Пойду нагуляю аппетит. — И не оборачиваясь зашагал прочь. Походка его казалась деревянной.

Сэр Генри тоже поднялся со скамьи.

— Ну, пора и мне. Вам составит компанию миссис Бэнтри, вот она.

Залыхавшаяся миссис Бэнтри уселась рядом с мисс Марпл.

— Я разговаривала с горничными, — объявила она, — но без всякого результата. Как вы думаете, могла малышка бегать на свидания втайне ото всех?

— Не сомневайтесь, дорогая, если у нее был любовник, уж кто-нибудь да знает. Хотя ей приходилось быть очень осторожной.

Внимание миссис Бэнтри переключилось на игроков.

— Адди делает большие успехи.

— После смерти свекра она станет весьма состоятельна, — ввернула мисс Марпл.

— О Джейн, умоляю вас, нельзя видеть во всем меркантильную сторону!.. А тайна так и не раскрыта.

— Но, дорогая, это невозможно сделать сразу, мгновенно. Мне понадобилось некоторое время.

Миссис Бэнтри недоверчиво взглянула на нее.

— Выходит, вам известно, кто убил Руби Кин?

— Да. Я знаю убийцу.

— Так кто же он, Джейн? Не томите!

Мисс Марпл отрицательно затрясла головой и поджала губы.

— Я не могу сказать.

— Почему?

— Потому что вы не сумеете сохранить это в секрете. Вы или проговоритесь, или не удержитесь от намеков.

— Клянусь вам! Ни одной живой душе...

— Обещание легче дать, чем сдержать. К тому же мне самой не все до конца ясно.

— Разрешите один совет? Не стоит слушать всех подряд. Когда происходит что-то отвратительное, я просто не верю ни одному слову. Ведь человеческую натуру не переделать!

После минутного размышления миссис Бэнтри сказала совсем другим тоном:

— Я вам говорила с самого начала, что меня глубоко интересует эта история. Подумать только, мрачное преступление в собственном доме! Больше такое на моем веку не повторится.

— Желаю вам этого от всей души.

— По правде, с меня достаточно одного раза. Но ведь это-то преступление как бы полностью мое! Я хочу пройти его шаг за шагом.

Старая дама взглянула на нее скептически.

— Вы не хотите меня понять! — обидчиво и сердито сказала миссис Бэнтри.

— Нет, почему же, Долли. Раз вы так ощущаете... я верю вам.

— Но вы только что сказали: не верить никому — ваш принцип. В конечном счете это, возможно, близко к истине. — Миссис Бэнтри с горечью продолжала: — Я вовсе не наивна и подозреваю, о чем шепчутся в Сент-Мэри-Мид да и во всей округе. Мол,

нет дыма без огня... труп неспроста найден в библиотеке моего мужа... эта девушка была любовницей Артура... или его побочной дочерью... она шантажировала его... Словом, каждый городит любую чепуху. А мы с вами все еще далеки от разгадки. Ах, бедный Артур! Нераскрытая тайна обрекает его на жалкое существование. Но я не допущу этого. Любой ценой!

После молчания она добавила:

— Немыслимо видеть, как дорогой тебе человек страдает из-за чужой вины. Вот единственное, что привело меня в Дейнмут. Я даже оставила мужа одного... Мне нужна истина, Джейн!

— Знаю, моя дорогая, — ласково сказала мисс Марпл. — Поэтому я согласилась поехать с вами.

34

В одной из отдаленных комнат «Маджестика» Эдуард почтительно слушал сэра Генри.

— Мне необходимо задать вам несколько вопросов, Эдуард. Но прежде всего я хочу разъяснить свою роль в этом деле. Когда-то я был комиссаром Скоттланд-Ярда. Теперь я в отставке и живу как частное лицо. Когда произошла эта драма, ваш хозяин просил меня срочно приехать и употребить весь накопленный опыт для выяснения истины.

Сэр Генри сделал паузу. Эдуард слегка наклонил голову, не отводя от него умного взгляда.

— Понимаю, сэр Генри.

Клиринг медленно продолжал:

— При допросах в полиции люди по обыкновению кое о чем умалчивают... по разным причинам. Скажем, чтобы замаять семейный скандал. Или им кажется, что какая-нибудь мелочь не имеет касательства к преступлению. Или из боязни причинить вред заинтересованным лицам...

— Понимаю, сэр, — повторил Эдуард.

— Надеюсь, вам известны основные моменты этой истории? Убитая должна была стать приемной дочерью вашего хозяина мистера Джефферсона. Два человека имели веские основания противиться этому плану — мистер Гэскелл и миссис Джефферсон.

В глазах камердинера что-то блеснуло. Он спросил:

— Могу ли я узнать, сэр, они на подозрении?

— Им не угрожает арест, если вы это имеете в виду. Но полиция вынуждена держать их на замечке. И она будет проявлять к ним недоверие до тех пор, пока не выяснятся все обстоятельства убийства.

— Оба оказались в неприятном положении, сэр.

— Да, в весьма неприятном. Мне крайне важно узнать малейшие подробности о поведении, словах, даже жестах мистера Джефферсона, его зятя и невестки. Что они чувствовали? О чем говорили? Я спрашиваю о тех тонких нюансах, которые могли подметить только вы, Эдуард.

Он смолк. Эдуард корректно отозвался:

— Понимаю вас, сэр. Вы хотите, чтобы я рассказал вам всю подноготную, не утаив даже тех деталей, о которых я не хотел бы сообщать и которые при других обстоятельствах вас ни в коем случае не интересовали бы.

— Вы правильно рассудили, Эдуард. Отдаю честь вашему уму.

Эдуард подумал мгновение и начал:

— Разумеется, за долгие годы службы я хорошо узнал мистера Джефферсона. Я вижу его вблизи, в те моменты, когда он перестает за собою следить. Иногда я задаю вопрос: стоит ли так бороться с судьбой, как это делает мой хозяин? Но он ведь слишком горд и предпочитает сломаться в борьбе. Непрерывное напряжение сделало мистера Джефферсона очень нервным. Он может показаться при-

ветливым, но я-то знаю, какие приступы гнева его сотрясают, он слова не в силах выговорить. Особенно его способен вывести из себя обман.

— В вашем рассказе есть какая-то задняя мысль?

— Да. Вы ведь хотели откровенного разговора?

— Разумеется!

— Я продолжу, сэр? Молодая особа, которая привлекла внимание моего хозяина, вовсе этого не стоила. Маленькая лгунья, она не питала к нему ни малейшей привязанности. Ее наивная болтовня, ее детские выходы — не что иное, как притворство. Не хочу утверждать, будто она была отпетой негодяйкой. Просто ни в коей мере не соответствовала тому идеалу, который хотел видеть в ней мистер Джефферсон. Это тем более странно, что мистер Джефферсон человек проницательный, его не так легко провести. Однако, когда дело касается молодой девушки, суждение мужчины теряет объективность... А в семье происходило вот что... Молодая миссис Джефферсон этим летом резко изменилась; ей почти не было дела до мистера Джефферсона. А он всегда так хорошо к ней относился! Мистер Гэскелл не вызывал в нем подобных чувств.

— И тем не менее он постоянно удерживал его возле себя! — воскликнул сэр Генри.

— Да, сэр. Но лишь ради памяти о миссис Розамунде, жене мистера Марка. Дочь для хозяина была как свет его очей. А мистер Марк все-таки ее муж...

— А если бы Марк Гэскелл женился снова?

— Это вызвало бы взрыв ярости у мистера Джефферсона.

Брови сэра Генри поднялись.

— Вот как?

— Возможно, он не показал бы вида, но внутренне...

— А если бы миссис Джефферсон захотела вступить в брак?..

— Реакция была бы та же, сэр.

— Продолжайте, продолжайте, Эдуард!

— Как я уже сказал, сэр, мистер Джефферсон увлекся этой девушкой. Я повидал такое и в других домах, где служил раньше. Прямо будто болезнь: стремятся оберегать, осыпать благодеяниями... А в девяти случаях из десяти эти создания отлично зачитывают себя сами. Они умеют соблюдать собственные интересы!

— Значит, по-вашему, Руби Кин была опытной интриганкой?

— По правде говоря, она еще слишком молода для этого, но чувствовалось, что далеко пойдет. Лет через пять стала бы умелой в жизненной игре.

— Рад услышать ваше мнение, Эдуард. Я его очень ценю. Не смог бы вы теперь припомнить, в каких выражениях обсуждалась проблема Руби Кин между всеми тремя?

— Собственно, обсуждения не было, сэр. Мистер Джефферсон объявил свое решение и не позволил себе возражать. Даже мистеру Гэскеллу приходилось помалкивать, хотя он обычно за словом в карман не лезет. Миссис Джефферсон тоже не затевала спор. Она сдержанная леди. Только просила ничего не предпринимать слишком поспешно.

— А как вела себя сама девушка?

Камердинер неохотно произнес:

— Похоже, что она просто ликовала, сэр.

— Как вы сказали? Ликовала? А был ли у вас какой-нибудь повод подозревать, что... — Сэр Генри попытался подобрать выражение, уместное в разговоре со слугой. — Что ее сердце уже... гм... занято?

— Но ведь мистер Джефферсон не предлагал ей выйти за него замуж, сэр. Он собирался ее удочерить.

— Оставим это в стороне. Мне важен ответ.

Эдуард медленно выговорил:

— Был один случай, свидетелем которого я оказался случайно.

— Очень интересно! Продолжайте, пожалуйста.

— Не уверен, что это пригодится вам, сэр. Однажды мисс Кин открыла сумочку, и оттуда выпала фотография. Мистер Джефферсон нагнулся за ней и спросил: «Чей это портрет, дитя мое?» На нем был изображен молодой человек с растрепанными волосами и небрежно завязанным галстуком. Мисс Кин с самым невинным видом отозвалась: «Не имею понятия, Джеффи. Откуда она у меня в сумке? Вот потеха, я ее сюда не клала!» Ответ был глупый, сэр, неубедительный. Мистер Джефферсон еле сдерживал гнев, брови его сдвинулись. Он принудил себя говорить спокойно, но голос сразу охрип: «Полно, малютка. Вы прекрасно знаете, кто это». Она струсила и пролепетала: «Ах да, вспомнила. Этот молодой человек приезжал сюда как-то, я с ним танцевала. Но не знаю, как его зовут. Думаю, что он сам засунул в сумочку свою фотокарточку, когда я отвернулась. Такой же кретин, как и все остальные!» Она рассмеялась и трянула головой, показывая, что говорит больше не о чем. Но ведь оба объяснения шиты белыми нитками, правда, сэр? Мистер Джефферсон не мог им поверить. Он строго взглянул на нее, и с тех пор, если она отлучалась, спрашивал, где она была.

— А вы видели человека, изображенного на портрете?

— Нет, сэр. Я ведь не спускаюсь обычно ни в ресторан, ни в танцевальный зал.

Сэр Генри кивнул и задал Эдуарду еще несколько малозначущих вопросов.

35

В полицейском участке Дейнмута Харпер вел допрос Джесси Дэвис, Флоренс Смолл, Беатрис Хенникер, Мэри Прайс и Лилиан Риджуэй. Они были очень похожи друг на друга уровнем развития и возрастом. Дочки окрестных фермеров или торговцев. Их показания повторялись слово в слово: Памела Ривз казалась такой же, как всегда. Она собиралась пойти в магазин и успеть к следующему автобусу.

В углу кабинета сидела старая дама. Когда последняя школьница покинула кабинет, Харпер отер лоб рукой и обратил в сторону мисс Марпл беззадачный взгляд.

Мисс Марпл сказала деловым тоном:

— Мне бы хотелось побеседовать отдельно с Флоренс Смолл.

Харпер недоуменно вскинул брови и молча нажал кнопку звонка. Появился констебль.

— Задержите Флоренс Смолл, — приказал начальник полиции.

Школьница вернулась в сопровождении полицейского. Это была дочь зажиточного фермера. Рослая, белокурая, с пухлым ртом и хлопающими от перепуга ресницами. Она то сжимала, то разжимала пальцы.

Харпер вопросительно взглянул на мисс Марпл и, получив в ответ кивок, сказал, поднимаясь:

— Эта дама задаст вам несколько вопросов.

Он вышел и плотно прикрыл дверь.

Флоренс уставилась на незнакомую старушку взглядом испуганного теленка с фермы отца.

— Присядьте, Флоренс, — сказала та.

Девочка послушно села и понемногу успокоилась.

— Флоренс, слушайте меня внимательно. Мне важно знать все до мелочей, что происходило с Памелой в день ее смерти. С вашей стороны будет большой ошибкой, если вы захотите скрыть хоть что-то. Понимаю, вам не по себе в полиции. Вы боялись, что вас будут здесь ругать. Например, за то, что не сказали никому раньше... Или что не задержали Памелу. Соберитесь с силами и облегчите совесть.

Если вы и теперь промолчите о том, что знаете, это будет уже нарушением закона. Преступлением, которое грозит тюрьмой. Предупреждаю вас.

— Я... не...

Мисс Марпл настаивала:

— Расскажите все откровенно. Памела пошла не в магазин, так ведь?

Облизав высохшие губы, Флоренс бросила на мисс Марпл взгляд исподлобья, как загнанный зверек.

— Она мечтала сниматься в кино?

Словно освобождаясь от тяжелого груза, девочка шепнула:

— Да, мэм.

— Я так и думала! — воскликнула старая дама. — А теперь рассказывайте все по порядку.

— О, если бы вы знали, как я мучилась, мэм! Я поклялась Памеле никому ничего не говорить. И когда ее нашли сгоревшую в машине... это так страшно, я чуть не умерла от горя... Мне все казалось, что я тоже виновата. Я должна была удержать ее вовремя. Но ничего плохого тогда не заметила. Когда меня спросили, как держалась Памела в тот день, я вслед за всеми сказала, не подумав, что вполне обыкновенно. А потом уже не смела говорить ничего другого. Но я и в самом деле мало знаю. Только то, что рассказала Памела.

— Что же она рассказала?

— Когда мы шли к автобусу, чтобы ехать на праздник, она спросила, умею ли я хранить тайны. Я ответила да. Она взяла с меня клятву, что я никому не проболтаюсь. После пикника скаутов она собралась остаться в Дейнмуте для кинопробы. Она познакомилась с киношником, который приехал из Голливуда. Внешность Памелы показалась ему подходящей для нового фильма. Но он предупредил, чтобы она не строила заранее иллюзий. «Сначала нужно проверить вашу фотогеничность», — сказал он. — Проба может оказаться отрицательной». В фильме была роль школьницы, которая неожиданно подменяет артистку реву в шикарном мюзик-холле, и перед ней открывается блестящая карьера. Памела прежде играла в школьных спектаклях, имела успех. Этот господин сказал, что угадывает в ней талант, но придется много работать.

Флоренс Смолл перевела дыхание. Мисс Марпл, похолодев, слушала эту историю, так похожую на фильм ужасов. Наверняка родители запрещали Памеле разговаривать с посторонними. Но ее наивная тяга к дешевому блеску кино заставила позабыть запреты.

— Этот господин держался очень солидно, — продолжала Флоренс. — Он обещал, если проба будет удачной, заключить с Памелой контракт. Но поскольку она молода и неопытна, посоветовал подписывать его лишь после совета с хорошим юристом. Он

осведомился, не станут ли возражать родители — Памела созналась, что вполне возможно. Он успокоил ее: это обычно, когда на роли приглашаются девочки ее возраста. Но родителям удается объяснить, какой единственный шанс выпадает их дочери. Он добавил, что, пока пробы не готовы, лучше держать все в секрете. И пусть Памела не огорчается, если первая проба будет неудачна. Можно повторить. Он рассказал ей про знаменитую кинозвезду Вивьен Ли, которая провалилась в Голливуде, но имела сногшибательный успех в Лондоне. Сам он приехал из Америки поработать на студии «Ленвилль», чтобы оживить английское кинопроизводство.

Мисс Марпл кивнула, и Флоренс продолжила:

— Они договорились, что Памела воспользуется поездкой на праздник скаутов, чтобы встретиться с ним в отеле. Оттуда он отвезет ее прямо на студию. А когда проба кончится, она сядет на последний автобус и скажет родителям, что задержалась в магазине. Через несколько дней этот господин обещал сообщить результат пробы. Если все пройдет хорошо, директор мистер Хармштейтер нанесет визит ее родителям. Все было настолько фантастично! Я умирала от зависти. Памела участвовала в празднике, и никто ни о чем даже не догадывался. Она чуть заметно подмигнула мне, когда громко сказала, что пойдет в Дейнмут в магазин. Я видела, как она свернула на тропинку в дюнах. — Флоренс заплакала. — Еще можно было остановить ее. Ну, разве бывают такие чудеса в нормальной жизни? Почему я не догадалась, не позвала на помощь? О, господи, я тоже хочу умереть...

— Ну-ну. — Мисс Марпл гладила рыдающую девочку по плечу. — Вы не в чем не виноваты, Флоренс. Вас нельзя упрекнуть. Вы исполнили свой долг.

Она утешила ее и уже через несколько минут повторила весь рассказ Харперу.

Лицо начальника полиции приняло свирепое выражение.

— Каков бандит! Он у меня попляшет! Все это проливает на происшедшую трагедию иной свет.

— Несомненно.

Харпер искоса посмотрел на старую даму.

— Вы как будто нимало не удивлены, мисс Марпл?

— Я подозревала историю подобного рода.

— А как вы выделили из всех эту Флоренс?

Девочки держались одинаково пришибленно.

Мисс Марпл застенчиво объяснила:

— Наверно, вы не очень привыкли наблюдать молоденьких девушек, когда они лгут? Флоренс старалась смотреть прямо в глаза и поджимала со страху ноги, как все остальные. Но когда ее кончили спрашивать, с облегчением расслабилась. Тогда как другие по-прежнему оставались в напряжении. Я поняла, что она что-то скрыла. Они все одинаковы, мистер Харпер! Когда моя молоденькая служанка Дженнет очень убедительно объяснила, что мыши забрались в буфет и сгрызли остаток пирога, ее выдала уже в дверях успокоенная улыбка.

— Огромное вам спасибо, мисс Марпл! — от души сказал начальник полиции.

Старая дама попрощалась.

— Вы возвращаетесь в отель?

— Да, чтобы упаковать вещи. Меня ждут домашние дела в Сент-Мэри-Мид, мистер Харпер.

36

Мисс Марпл затворила стеклянную дверь своей крошечной гостиной, прошла по аллейке ухоженного сада, пересекла улицу и очутилась в точно таком же саду пастора. Она постучала пальцем в похожую стеклянную дверь.

Пастор сидел в кабинете, готовясь к воскресной проповеди, а его молодая жена забавляла их отпрыска, который резво ползал по коврику в гостиной.

— Разрешите войти, Гризельда?

— Милости просим, мисс Марпл. Вы взгляните-ка на Дэвида! Он сердится, что умеет передвигаться только назад. Ему хочется завладеть игрушкой, а он пятачки к ящику с углем.

— Прелестный малыш! — согласилась мисс Марпл. — Я, собственно, пришла спросить, не собираетесь ли вы в ближайшее время устроить какой-нибудь благотворительный сбор?

Жена пастора с удивлением посмотрела на соседку.

— Мы всегда заняты сбором пожертвований, дорогая мисс Марпл. Сейчас требует реставрации церковный неф. В следующую среду готовится благотворительный базар в пользу покинутых матерей. Затем будут экскурсии скаутов, выставка рукоделия прихожанок, сбор для моряков по инициативе епископа. Наверняка набегит и еще что-то.

— Мне хочется включиться. Давайте я обойду деревню с подписным листом.

— Вы ведь это неспроста, мисс Марпл? Есть какая-то особая цель? Конечно, мы рады вашей помощи. Может быть, возьмете на себя фонд благотворительного базара? Так секрет свой не раскроете? — лукаво спросила Гризельда, провожая гостью до дверей.

— Со временем, милочка, со временем,— скороговоркой пообещала мисс Марпл.

37

Мисс Марпл с черной клеенчатой тетрадкой в руках, не останавливаясь, скорым шагом прошла всю деревню. На перекрестке свернула влево, к «Голубому кабану», но не зашла и туда. Ее целью была вилла Чэтсворт, называемая в окрестностях «новым домом мастера Букера».

Толкнув незапертую калитку, она приблизилась к входной двери и постучала. Открыла некая блондинка, откликавшаяся на имя Дины Ли. Едва накрашенная, она и одета была по-домашнему небрежно: в серые брючки и изумрудно-зеленый свитер.

— Добрый день,— с широкой улыбкой сказала мисс Марпл.— Вы мне позволите зайти на минутку?— Она поспешно переступила порог, чтобы Дина Ли не успела захлопнуть перед носом дверь.— Чувствительно вам благодарна,— ворковала она, поплотнее усаживаясь в современное кресло из бамбука.— Жарковатый день сегодня для осени, не правда ли?— Черты лица ее излучали простодушие.

— Погодка что надо,— согласилась захваченная врасплох Дина Ли. И машинально протянула посетительнице коробку с сигаретами:— Закурим?

— Огромное спасибо, но я не курю. Я к вам зашла, чтобы узнать, могу ли я внести ваше имя в список жертвователей? У нас, видите ли, затевается благотворительный базар в пользу бедных.

— Благотворительный базар?— Дина Ли произнесла эти слова с таким недоумением, словно они были иностранными.

— Да-да, на площади около церкви. В следующую среду.

— А!

Мисс Ли с минуту усиленно размышляла, прежде чем раскрыть рот.

— Нет уж, увольте. Я ничего не дам.

— Хотя бы самую незначительную сумму... Например, полкроны?— жалобно настаивала мисс Марпл, тербя тетрадь.

— Ну, это куда ни шло. Авось, наскребу.— И молодая женщина стала оглядываться в поисках своей сумочки.

Мисс Марпл тем временем зорко оглядывалась.

— Я вижу, у вас перед камином не постелен ковер?— громко сказала она.

Дина Ли оглянулась и впервые заметила, какой цепкий у старушки взгляд; он так и обшаривал ее всю.

Мисс Марпл как ни в чем не бывало добавила:— И правильно. Эти ковры перед каминами— постоянная опасность. Малейший уголек, и они вспыхнут.

«Старая сорока»,— подумала Дина, но вслух постаралась ответить более лубезно:

— Он лежал тут. Просто не знаю, куда заделался.

— Наверно, коврик из толстой плетеной шерсти?

— Вовсе нет, обычная овчина.— Дина уже стала думать про себя, в своем ли уме эта старушечка.

Мисс Марпл раскрыла тетрадь.

— Спасибо, мисс. Какую фамилию мне записать? Лицо Дины внезапно зло исказилось.

— И правильно. Эти ковры перед каминами— постоянная опасность. Малейший уголек, и они вспыхнут.

«Старая сорока»,— подумала Дина, но вслух постаралась ответить более лубезно:

— Он лежал тут. Просто не знаю, куда заделался.

— Наверно, коврик из толстой плетеной шерсти?

— Вовсе нет, обычная овчина.— Дина уже стала думать про себя, в своем ли уме эта старушечка.

Мисс Марпл раскрыла тетрадь.

— Спасибо, мисс. Какую фамилию мне записать? Лицо Дины внезапно зло исказилось.

— И правильно. Эти ковры перед каминами— постоянная опасность. Малейший уголек, и они вспыхнут.

«Старая сорока»,— подумала Дина, но вслух постаралась ответить более лубезно:

— Он лежал тут. Просто не знаю, куда заделался.

— Наверно, коврик из толстой плетеной шерсти?

— Вовсе нет, обычная овчина.— Дина уже стала думать про себя, в своем ли уме эта старушечка.

Мисс Марпл раскрыла тетрадь.

— Спасибо, мисс. Какую фамилию мне записать? Лицо Дины внезапно зло исказилось.

— И правильно. Эти ковры перед каминами— постоянная опасность. Малейший уголек, и они вспыхнут.

«Старая сорока»,— подумала Дина, но вслух постаралась ответить более лубезно:

— Он лежал тут. Просто не знаю, куда заделался.

— Наверно, коврик из толстой плетеной шерсти?

— Вовсе нет, обычная овчина.— Дина уже стала думать про себя, в своем ли уме эта старушечка.

Мисс Марпл раскрыла тетрадь.

себя, что они вполне счастливы, иначе зачем все это?

— Ну, если вы так... Дина запнулась и вдруг разразилась смехом. Сунув в рот сигарету, она воскликнула:

— Нет, вы старуха что надо! Но зачем вам сдалось, чтобы я на каждом углу подтверждала свою добродетель?

— Потому что ваш муж с минуты на минуту может быть арестован по обвинению в убийстве.

38

Несколько секунд Дина ошеломленно смотрела на мисс Марпл. Недоверчиво переспросила:

— Бэзил арестуют за убийство? Вы разыгрываете меня, конечно!

— Ничуть. Разве вы не читаете газеты? У Дины перехватило дыхание.

— Неужели вы намекаете на убийство молодой танцовщицы из отеля «Маджестик»? И подозревают Бэзила?

— Да.

— Но... это глупость!

За окном зафырчал мотор, калитка громко стукнула. Дверь распахнулась, и на пороге появился Бэзил. В обеих руках он держал бутылки.

— Я приволок джин и вермут. А ты... Бэзил запнулся, наткнувшись взглядом на гостью, которая чопорно восседала в кресле.

Дина, тяжело дыша, сказала:— Эта особа спятила! Она уверяет, что тебя вот-вот схватят как убийцу Руби Кин.

— О, боже!— прошептал Бэзил Блэйк. Он выронил бутылки, и они покатались.

Дина метнулась к нему, затрясла за плечи.

— Бэзил! Посмотри на меня. Скажи, ведь это неправда?! Ложь, ложь!.. Не верю ни одному ее слову...

— Господи, смилуйся над нами,— выдавил Бэзил, судорожно ухватившись за руку жены.

— Но с какой стати подозревать тебя? Ты ведь не был даже знаком с этой девушкой!

— Ошибаетесь. Они были знакомы,— сказала мисс Марпл.

Бэзил стиснул лицо ладонями и закачался, как от боли.

Мисс Марпл строго спросила:— Куда вы девали ковер, который лежал перед камином?

Бэзил послушно отозвался:— Выбросил на свалку.

Старая дама возмутилась:— Глупо и неосторожно. Хорошую вещь не выбрасывают. К нему пристали блестящие от ее платья?

— Да. Я не мог их счистить.

Дина вскрикнула:— Бэзил! Что ты мелешь?!

Он везапало огрызнулся:— Расспрашивай лучше ее. Похоже, что она все знает.

— Ну что ж, пожалуй, попробую рассказать,— невозмутимо ответила мисс Марпл.— Если ошибусь в чем-то, поправьте, мистер Блэйк. На вечеринке вы изрядно выпили и, рассорившись с женой, вернулись сюда на машине. Не знаю точно, в котором часу?

— В два часа ночи,— проворчал Бэзил.— Когда я повернул выключатель, то здесь в холле на ковре...

Он судорожно глотнул и умолк.

Мисс Марпл докончила:— Вы увидели труп молодой девушки в белом бальном платье. Она была задушена. По-видимому, вы ее узнали?

Бэзил лихорадочно закивал:— Да, с первого взгляда. Ее убили—и вот она лежала в моем доме...—Его затрясло от волнения.

Мисс Марпл продолжала, не повышая голоса:— Вы приехали нетрезвым и уже были возбуждены, а тут и вовсе потеряли голову. Вас охватила паника...

— Я боялся, что вот-вот нагрянет Дина. Тогда меня осенило: а не подкинуть ли беднягу к старику Бэнтри? Старый злыдень вечно шпынял меня: и такой я, и сякой, грубиян, бабник. Вот и устрою с ним штуку... представил, какую мину он скорчит, найдя в библиотеке мертвую блондинку.—Бэзил немного оживился.—Я вправду был здорово пьян.

— Именно так,— подтвердила мисс Марпл.— Малышу Томми Бонду пришла в голову похожая мысль. Он был застенчивый экзальтированный мальчик. Жаловался, что учительница вечно обижает его. Вот и придумал засунуть в стальные часы лягушку, которая выпрыгнула на учительницу. У вас была та же логика. Только ведь труп не лягушка!

Бэзил со вздохом продолжал:— Наутро, протрезвившись окончательно, я полностью осознал, что произошло. А тут еще заявился этот тип из полиции... сущее чудовище! Он до смерти напугал меня. И как раз явился Дина.

Дина, которая стояла у окна, обернулась.

— К нам подъезжает переполненная машина!

— Наверняка полиция,— пробормотала мисс Марпл.

Бэзил Блэйк стал вдруг собранным и спокойным. Он сказал жене:

— Ничего не поделаешь, придется через это пройти. Держись, девочка! Будь молодцом. Обратись к старине Симсу, он поверенный нашей семьи. А потом поезжай к моей матери. Скажи, что мы поженились.

Раздался стук в двери. Бэзил громко сказал:— Войдите!

Порог комнаты переступили инспектор Слэк и полицейский.

— Мистер Бэзил Блэйк?

— Это я.

— Вот ордер на арест по обвинению в убийстве Руби Кин, происшедшем в ночь на двадцатое сентября сего года. Предупреждаю, каждое ваше заявление с этого момента может быть использовано против вас. Следуйте за нами. Вам предоставят возможность связаться с адвокатом.

Бэзил покорно кивнул. Он обернулся к жене:— До скорого, Дина!

«Занятный клиент попался»,— подумал Слэк. Только сейчас приметив мисс Марпл, он бегом поздоровался с нею. «Старая кошка изготовилась к прыжку»,— думал он.— Хорошо, что мы отыскали ковер. Сторож с автостоянки показал, что этот тип уехал из студии не в полночь, а часом раньше. Не думаю, что остальные лжесвидетельствовали. Просто все были в подпитии, а когда Блэйк им сказал, что уехал в полночь, они приняли это без возражений. Пожалуй, картина ясна: он убивал в приступе безумия. За это полагается не петля, а пожизненное заключение. Сначала была Памела Ривз. Видимо, он ее задушил, привез в карьер, оставил в машине и вернулся в Дейнмут пешком. Снова сел за руль—его машина стояла где-нибудь за донами—и отправился на вечеринку. Потом заехал за Руби Кин, привез ее сюда, задушил и подбросил в библиотеку Бэнтри. Вспомнив о машине, брошенной в карьере, он испугался, вновь помчался в Дейнмут, поджег автомобиль и вторично вернулся домой. Типичное поведение маньяка и садиста. Этой дамочке повезло, что он не успел ее укокошить!»

Когда женщины остались одни, Дина сказала:— Не знаю, кто вы. Но умоляю поверить мне! Бэзил не убийца!

— Я и верю,— отозвалась мисс Марпл.— Даже больше: мне известен подлинный преступник. Самое сложное—представить доказательства.

39

— Вот я и вернулась, Артур!— торжественно провозгласила миссис Бэнтри, широко распахивая дверь рабочего кабинета мужа.

Полковник Бэнтри тотчас поднялся и поцеловал жену.

— Это великолепно, дорогая!

Он изо всех сил бодрился, но не ввел в заблуждение любящую душу.

— Как ты, Артур?

— В полном порядке, Долли. Что бы могло со мною случиться?

— Ну,— неопределенно протянула она,— вокруг творятся такие странные вещи!

Миссис Бэнтри нашла перемены во внешности мужа: он как-то сгорбился и заметно похудел. Под глазами набрякли мешки.

Пытаясь сохрнить беззаботный тон, он спросил:— Ну как? Повеселились в Дейнмуте всю?

— Разумеется. Жаль, что ты не поехал с нами!

— У меня такая уйма дел, дорогая. Куда уж!

— Что новенького решили, на заседании совета графства?

— Э... м-м... видишь ли, я туда не ездил.

— Как так? Ты же должен был председательствовать?!

— Произошла какая-то путаница. Меня попросили уступить очередь Томсону.

— Ах, вот что,— произнесла миссис Бэнтри, нервно сдирая с руки перчатку и роняя ее в корзину для бумаг.

Полковник наклонился было поднять, но жена раздраженно остановила его:

— Оставь, пожалуйста! Ненавижу эти перчатки. Он взглянул на нее в растерянности, но промолчал.

— Ты обедал в четверг у Даффов?

— Нет, у них кухарка заболела.

— Какая неприятность... А вчера ездил к Нейлорам?

— Видишь ли, я позвонил им, что неважно себя чувствую. По-моему, они не обиделись.

— Так, так... Они не обиделись? Как мило! Где мы проведем этот вечер, Артур? В библиотеке?

— Туда как-то не тянет... Мы ведь можем и здесь посидеть? Или в маленькой гостиной...

— Нет, не будем изменять привычкам,— твердо сказала миссис Бэнтри.— Только в библиотеке.

Полковник выпрямился. Его глаза блеснули.

— Ты права, дорогая,— сказал он.— В библиотеке так в библиотеке.

Миссис Бэнтри в сердцах повесила трубку. Дважды она вызывала номер мисс Марпл, и каждый раз станция отвечала ей, что к телефону не подходит. Упрямство миссис Бэнтри не позволяло отступить. Она методично обзвонила пастора, миссис Прайс Ридли, мисс Хартнелл, мисс Везерби и, наконец, велела соединить себя с лавкой продавца рыбы. Местоположение лавки позволяло почтенному хозяину видеть всех и знать обо всем. Он чувствовал себя прямо-таки виноватым, что не засек сегодня утром мисс Марпл. Скорее всего, она не совершала обычного моциона.

— Куда же она запропастилась? — с нетерпением произнесла вслух миссис Бэнтри.

За ее спиной раздался деликатный кашель. Дворецкий Лоример сказал:

— Мадам разыскивает мисс Марпл? Я только что видел: мисс идет сюда.

Миссис Бэнтри обрадованно поспешила к входной двери.

— Откуда вы, Джейн? Я перетряхнула всю деревню, чтобы вас найти.

Она бросила выразительный взгляд через плечо. Лоример поспешно удалился.

— Все идет ужасно. Соседи уже начинают избегать нас. Артур постарел на десять лет. Надо что-то предпринять, Джейн!

— Долли, — проговорила заговорщицким тоном мисс Марпл. — Тревожиться незачем.

На пороге появился полковник.

— Добрый день, мисс Марпл. Жена с утра оборвала телефон, разыскивая вас.

— А я решила сама сообщить вам новость, — сказала старая дама, проходя вслед за хозяйкой в кабинет.

— Какую именно?

— Бэзил Блэйк только что арестован по обвинению в убийстве Руби Кин.

— Бэзил Блэйк? — вскричал полковник.

— Но убийца не он, — донесла мисс Марпл. Полковник словно не слышал этих слов.

— Значит, он задушил танцовщицу и подбросил мертвое тело ко мне в дом? В мою библиотеку?

— Он нашел ее, уже мертвую, на собственной вилле.

— Сказки! — отрубил полковник. — Честный человек в подобных обстоятельствах вызывает полицию.

— Не у всех ваша железная выдержка, полковник, — вздохнула мисс Марпл. — Вы человек старой закваски. А у некоторых молодых людей не все легко складывалось в жизни, — примирительно сказала мисс Марпл. — Я, например, узнала, что Бэзил Блэйк с ранних лет содержит себя сам. Ему было восемнадцать, когда он вынес из горящего дома одного за другим четверых детей, а потом кинулся в огонь за собакой. Его вытащили из-под тлеющих обломков. Ребра оказались сломаны, три месяца он пролежал в гипсе. Тут-то и увлекся живописью...

Полковник кашлянул и смущенно высморкался.

— Я... гм... ничего не знал об этом подвиге.

— А он и не козыряет им.

— Очень похвально. Готов изменить свое мнение об этом юноше... Он гораздо лучше, чем кажется.

Поделом мне: нельзя судить поспешно! — В голосе полковника явно слышалась раскаяние. — Но какого черта ему вздумалось выдавать за убийцу меня?

— Не думаю, что у него был такой жестокий умысел. Скорее это дурная шутка пьяного человека.

— Так вы не считаете его виновным?

— Ни в коем случае.

— И знаете, кто настоящий убийца?

Мисс Марпл утвердительно кивнула.

Миссис Бэнтри, подобно античному хору, обратилась в пространство:

— Она великолезна! Так кто же это?

— Я пришла просить вашего содействия. Просто необходимо отправиться сейчас же в Сомерсет-Хауз.

41

Сэр Генри сдержанно проговорил:

— Мне это не нравится.

— Вижу, — сказала мисс Марпл. — Моя просьба, безусловно, выходит за рамки обычного. Но необходимо увериться... И если мистер Джефферсон подержит мою точку зрения...

— А Харпер? Куда вы его денете?

— Не надо его посвящать во все подробности. Достаточно поручить усиленное наблюдение за некоторыми лицами... попросить его буквально не спускать с них глаз.

Сэр Генри нехотя согласился:

— Да, это, конечно, упростит дело.

42

Начальник полиции Харпер посмотрел Генри Клитерингу прямо в глаза.

— Не будем играть в прятки, сэр. Вы что-то от меня скрываете?

— Могу только сообщить о желании моего друга Джефферсона: он намерен проконсультироваться завтра с нотариусом в Дейнмуте о составлении нового завещания.

Начальник полиции усиленно размышлял.

— Поставит ли об этом в известность мистер Джефферсон своих зятя и невестку?

— Он хочет переговорить с ними сегодня вечером.

— Понимаю, — нахмурились, произнес Харпер, отбивая такт карандашом по столу. — Вернее, догадываюсь.

Его пронизывающий взгляд еще раз столкнулся с глазами собеседника.

— Арест Бэзила Блэйка вас не удовлетворил?

— А вас?

Начальник полиции полувопросительно дернул усами.

— Значит, мисс Марпл не успокаивается? Они вновь посмотрели друг на друга.

— Доверьтесь мне, — сказал Харпер. — Мои люди не станут вмешиваться, но при надобности будут начеку.

— Тогда взгляните-ка сюда.

Сэр Генри развернул листок бумаги и передвинул его по столу к начальнику полиции. От флегматичности Харпера не осталось и следа. Он изумленно присвистнул.

— Вот оно что! Это меняет все дело.

43

Конвей Джефферсон вскинул быстрый взгляд на входившего друга.

— Я с ними поговорил, — сказал он. — И они приняли новость вполне нормально.

— Что именно вы объявили им, Конвей? — спросил сэр Генри.

— Только то, что в память Руби я решил ранее предназначенные ей пятьдесят тысяч фунтов передать в фонд школы для молодых танцовщиц в Лондоне. Прелестный способ избавиться от состояния! Удивляюсь их доверчивости. — В раздумье он добавил: — По существу, дорогой друг, я вел себя, как олух. Руби была милая, смазливая девочка — и только. Вольно же мне было приписывать ей нечто ангельское. Я мечтал найти в ней вторую Розамунду.

44

Сэр Генри спустился в вестибюль отеля, чтобы задать вопрос швейцару.

— Мистер Гэскелл, сэр? Его машина только что отошла. Он уехал в Лондон, — ответил тот.

— Очень хорошо. А миссис Джефферсон здесь?

— Миссис Джефферсон только что поднялась в свою спальню, сэр.

Сэр Генри заглянул в гостиную и в танцевальный зал. В гостиной Хьюго Маклин сосредоточенно решал кроссворд. В зале Джози мужественно расточала улыбки толстому джентльмену, вспотевшему от усилий. Легкие тудельки Джози едва успевали увертываться от неуклюжих башмаков партнера, который, видимо, получал от танца истинное удовольствие.

Реймонд, как всегда элегантный, несмотря на поздний час, вежливо кружил анемичную девицу.

Сэр Генри пробормотал сквозь зубы:

— Пора на покой. — И пошел вверх по лестнице.

45

Было три часа утра. Ветер стих, луна отражалась в гладком, спокойном море.

Тишину спальни Джефферсона нарушало только его мерное дыхание.

Но, несмотря на то, что порывов ветра снаружи не доносилось, портьера на одном из окон вздрогнула.

Затем медленно раздвинулась, и в лунном свете обозначился силуэт. Он тотчас исчез, портьера встала на место, мрак и тишина спальни оставались не потревоженными. Однако в комнате находился кто-то. Он неслышно приближался к кровати. Никаких звуков, кроме тяжелого дыхания спящего... Протянутые пальцы уже готовились оттянуть кожу на теле старика и вонзить шприц.

Внезапно из темноты вынырнула еще одна рука и зажала ту, которая держала шприц.

— Остановитесь! Отдайте мне этот шприц.

Вспыхнул свет. Приподнявшись на подушках, Конвей Джефферсон пристально смотрел на убийцу Руби.

46

Сэр Генри Клитеринг сказал:

— Поскольку мне досталась роль доктора Уотсона, растолкуйте ваш метод, мисс Марпл!

Мисс Марпл вспыхнула смущенным румянцем и принялась старательно расправлять складки своего парадного шелкового платья.

— Боюсь, сэр Генри, что вы посчитаете мои методы слишком любительскими. Дело в том, — объяснила

она, — что большинство людей, не исключая полицейских, чересчур доверчивы. Они берут на веру все, что им ни скажут. А я — нет. Я жду доказательств.

— Признак научного склада ума, — глубокомысленно изрек сэр Генри.

— В этом деле, — продолжала старая дама, — с самого начала все сосредоточили внимание на кажущемся, вместо того, чтобы кропотливо собирать факты. Я например, увидела, что жертва очень молода, что она грызла ногти и что зубы у нее выступают вперед. Вид убитой вызвал во мне глубокую жалость. Всегда грустно, когда обрывается жизнь столь юного существа. Но как она очутилась в библиотеке полковника Бэнтри? Совершенно непонятно и слишком похоже на полицейский роман, чтобы быть натуральным. То, что Блэйк перенес труп в дом Бэнтри, очень задержало следствие и наделало убийце множество хлопот. По его первоначальному плану, мистер Блэйк должен был сразу привлечь внимание полиции. В Дейнмуте нетрудно было бы установить его знакомство с танцовщицей, а так как у него появилась другая женщина, то вывод лежит совсем близко: Руби угрожала шантажом, и он задушил ее в приступе гнева.

Однако все разворачивалось иначе, чем было задумано. Слишком рано внимание привлекла семья Джефферсонов... к неудовольствию некоей личности.

Моя натура такова, что я подхожу к любому событию с точки зрения трезвой и, если хотите, несколько циничной. От смерти танцовщицы выигрывали двое. Об этом нельзя забывать. Пятьдесят тысяч фунтов — целое состояние, особенно если собственных средств почти нет, как в данном случае. Зять и невестка мистера Джефферсона очень приятные, обаятельные люди, подозревать их трудно. И тем не менее... Начнем с миссис Джефферсон. Она у всех вызывает симпатию. Но стало заметно, как эта милая дама переменялась с недавних пор. Ее тяготит денежная зависимость от свекра. Правда, врач предупредил, что дни мистера Джефферсона сочтены, и, таким образом, ее будущее (повторяю, мы рассуждаем, как циники) вполне благоприятно. Если бы... если бы не появилась Руби Кин! Миссис Джефферсон обожает своего сына. А на что только не толкнет материнская любовь! Даже на преступление. Я знаю похожие случаи в деревне.

Мистер Марк Гэскелл вызывал во мне еще большие подозрения. Он игрок и не блещет нравственными правилами. Но по ряду причин мне виделась в данном преступлении женская рука.

Однако, установив для этих двоих веский повод, я должна была с некоторым огорчением согласиться, что у обоих безукоризненное алиби на те часы, которые судебная экспертиза определила как время убийства Руби Кин. Вскоре пришло известие о сгоревшей машине и гибели в ней Памелы Ривз. Тут-то упрямая истина обнаружилась: алиби ничего не стоят! У меня в руках были две половинки этого дела. Но они не сходились. Между ними не хватало связи. Лицо, которое я считала причастным к преступлению, не имело для него повода. Как же я оказалась слепа, — задумчиво проронила мисс Марпл. — Не случись разговора с Диной Ли, я и недодумалась бы... Архивы Сомерсет-Хауза! Акты гражданского состояния. Список бракосочетаний! Почему ограничиваться мистером Гэскеллом и миссис Джефферсон? А если один из них вступил в новый брак или собирается это сделать, то и у третьего человека появляется повод к преступлению!

Возможно, танцор Реймонд давно искал случая жениться на богатой женщине.

Кроме Реймонда, существовал еще Хьюго Маклин. Она к нему относилась с доверием и, видимо, собиралась в конце концов выйти за него замуж. Он тоже небогат. В ночь убийства находился поблизости от Дейнмута. Любой из двух мужчин мог быть преступником. Но в глубине души я знала и нечто другое. Мне не давали покоя ногти!

— Ногти?! — воскликнул сэр Генри. — Но ведь все проще простого: она обломала один и обрезала остальные.

— Вы ошибаетесь, — возразила мисс Марпл. — Не надо путать подрезанные ногти с обгрызенными. Достаточно посмотреть на руки школьниц, чтобы разница стала очевидной. Я вечно повторяю девочкам из приюта, как некрасивы обкусанные ногти. Один только вид этих ногтей убедил меня в том, что труп, обнаруженный в библиотеке полковника Бэнтри, вовсе не был трупом танцовщицы. Вот мы и пришли к главному заинтересованному лицу: к Джози. Ведь она опознала труп! Не моргнула даже глазом, хотя, конечно, знала, что это не ее кузина. И в то же время почти не могла скрыть удивления, что труп нашли именно здесь! Почему? Потому, что лучше всех других знала, где ему надлежало находиться: в доме Бэзила Блэйка!.. А кто обратил наше внимание на мистера Блэйка? Да та же Джози! Она сказала Реймонду, что Руби, возможно, «уехала с киношником». Еще раньше она подсушила фотографию этого человека в сумочку своей кузины. Джози! Черствая, практичная, жаждущая только денег... Но раз в

библиотеке нашли не Руби Кин, то, значит, это Памела Ривз? Зачем понадобилась мистификация? Объяснение одно: чтобы обеспечить алиби определенным лицам. У кого было алиби на час смерти Руби Кин? У Марка Гэскелла, у миссис Джефферсон и у Джози.

Мне показалось очень заманчивым попытаться представить истинный ход событий, чтобы понять, как должен был осуществиться весь план. Запутанный на первый взгляд, он, в сущности, отличался крайней примитивностью. Прежде всего выбор пал на бедняжку Памелу. Чтобы завлечь ее в ловушку, в ход пошла сказка о киностудии. Девочка не устояла перед соблазном, которым ее поманил уважаемый Марк Гэскелл, то есть приглашением на кинопробу. Она пришла в отель, где он ее ждал у заднего входа, и затем представил Джози... гримерше. Несчастная девочка! Я положительно заблеваю, когда думаю о ней... так и вижу ее, сидящую в ванной комнате у Джози. А та обесцвечивает ей волосы, гримирует лицо, покрывает ярким лаком ногти на руках и ногах... Во время этой процедуры ей дают наркотик, скорее всего подсыпают в мороженое.

После ужина Марк Гэскелл отправляется в своей машине якобы на берег моря. На самом деле он везет загримированную Памелу, на которой надето старое платье Руби, на виллу Бэзилы Блэйк и кладет на ковер перед камином. Она в обмороке, но еще жива, и он ее душит пояском от платья. Ах, как это бесчеловечно!

Было около десяти часов вечера. Полный возбуждения Марк Гэскелл возвращается в отель и появляется в гостиной, а еще живая Руби Кин беззаботно исполняет свой первый танец с Реймондом Старром.

Джози, конечно, заранее проинструктировала ее, а Руби была приучена во всем повиноваться своей старшей кузине. Ей велено было подняться наверх, переодеться и ожидать в комнате Джози. Ей тоже дали сильный наркотик, возможно, в чашечке кофе после ужина. Помните, она то и дело зевала, танцует с молодым Бартлеттом?

Джози поднялась с Реймондом в комнату Руби. Но в ее собственную комнату никто, кроме нее, не входил. Там она и убила Руби. Потом спустилась в зал, танцевала с Реймондом, обсуждала с Джефферсонами исчезновение Руби и, наконец, пожелав всем спокойной ночи, ушла наверх.

В ранние утренние часы она выносит труп по боковой лестнице, втискивает мертвую Руби в машину Джорджа Бартлетта и проезжает три километра до карьера. Там она обливает сиденья бензином и поджигает автомобиль. Потом возвращается в отель к восьми часам: якобы проснулась так рано потому, что беспокоится из-за пропавшей кузины...

— Какая головоломная инсценировка, — заметил полковник Мэлчетт.

— Не сложнее, чем разучить фигуры танца, — возразила мисс Марпл.

— Возможно.

— Она не упустила ни одной мелочи, — продолжала мисс Марпл. — Подумала даже о несхожести ногтей... и постаралась, чтобы Руби зацепилась за ее шаль. Нужно же было объяснить, куда девался обычный маникюр!

Харпер восклицал: — В самом деле, прекрасно проработаны детали! А у вас было лишь одно-единственное наблюдение: ногти, обкусанные, как у школьницы.

— Нет, была еще одна вещь, — заметила мисс Марпл. — Марк Гэскелл проболтался, он сказал о Руби: редкие, будто вдавленные зубы. А у трупа в библиотеке зубы чуть выступали вперед.

Конвей Джефферсон спросил: — Последнюю сцену драмы придумали вы, мисс Марпл?

— Одно не вызывало сомнения, — продолжала старая дама. — Как только преступники узнают о вашем намерении изменить завещание не в их пользу, они просто вынуждены будут действовать! Ради этого

наследства совершенно уже два убийства, третье становилось необходимым. Чтобы обеспечить себе алиби, Марк отправился в Лондон, поужинал с приятелями и закончил вечер в ночном кабаре, а исполнение взяла на себя Джози. Если за смерть Руби должен был расплачиваться Бэзил Блэйк, то кончину мистера Джефферсона приписали бы сердечному приступу. Шприц был наполнен дигитаминном. По мнению начальника полиции, принимая во внимание все обстоятельства, любой врач констатирует естественную смерть.

— Дьявольская выдумка! — Значит, третьей жертвой намечался Конвей? — спросил сэр Генри.

— Да, — ответила мисс Марпл. — А четвертой — Бэзил Блэйк. Ведь они подвели его под виселицу.

В комнату легким, быстрым шагом вошла Аделаида Джефферсон в сопровождении Хьюго Маклина. Он воскликнул:

— Кажется, мы безнадежно запоздали? Я ведь не знаю ни одной подробности. Собственно, что связывало Гэскелла и эту зловещую Джози?

— Джози была его женой, — просто сказала мисс Марпл. — Они оформили брак год назад, но решили хранить тайну до получения наследства.

Конвей Джефферсон сокрушено произнес:

— Я всегда подозревал, что Розамунда отдала свою руку мерзавцу.

— Вдохновительницей преступлений была его жена, — сказала мисс Марпл. — Любопытно, что появление Руби спутало их первоначальные планы. Отношение к ней мистера Джефферсона никак не было предусмотрено.

Джефферсон грустно вздохнул: — Бедная малютка! Несчастлива Руби!..

Аделаида сочувственно коснулась рукой его плеча. В этот вечер особое сияние окружало ее. Запинаясь, она сказала:

— Я должна кое-что сообщить вам, Джефф. Хьюго просил моей руки. И я согласилась.

Конвей поднял на нее взгляд.

— Видимо, вам надо было подумать о новом замужестве уже давно, — сказал он. — Поздравляю вас обоих. Кстати, Адди, завтра я оформлю свое новое завещание.

— Да, да, я знаю.

— Нет, вы ничего не знаете! Я кладу в банк на ваше имя десять тысяч фунтов, а остальное после моей смерти перейдет к Питу. Вы удовлетворены, дорогая?

— О, Джефф! Вы так добры!

Ее голос предательски задрожал.

— Он славный мальчуган. Я хотел бы его видеть почаще... все то время, которое мне еще отмерено.

— Он будет всегда возле вас!

Взволнованная Аделаида поспешно вышла. Она ждала от свекра упреков, взрыва гнева, а встретила великодушие и истинно родительскую нежность.

Когда Хьюго и Аделаида покинули комнату, первый, кто им попался навстречу у дверей танцевального зала, был Реймонд.

Аделаида приостановилась.

— Хочу сообщить вам новость, мистер Старр: я выхожу замуж.

Привычная улыбка появилась на лице Реймонда.

— Надеюсь, — учтиво произнес он, глядя лишь на нее и не оборачиваясь к Маклину, — надеюсь, что ваше счастье будет полным, мадам.

Он проводил их долгим, унылым взглядом.

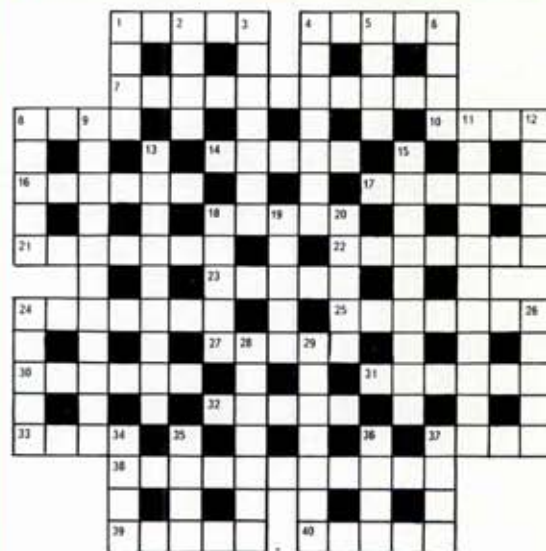
«Прелестная женщина, — вздохнул он. — И, кажется, богатая к тому же. А мне так хотелось вновь развернуть по ветру знамя Старров из Девоншира!.. Не повезло... Что ж, принимайся за прежнее, старина!»

И Реймонд вернулся в танцевальный зал.

Перевели с английского
Галина КОСТИНА и Лидия ОБУХОВА

КРОССВОРД

Составил В. ЗОРИН,
Москва

По горизонтали:

1. Система платежных ставок.
4. Один из «рекламных» газов.
7. Растущий в сырых местах цветок, в семенах которого есть ценное техническое масло.
8. Самая теплая шуба.
10. Частица вещества, в точном переводе с древнегреческого значащая «неразрезаемый».
14. Мраморный... — один из первых цветных камней, использованных человеком.
16. Старинное название помолвки.
17. Пунктуальный до мелочей человек.
18. Дом у кавказских горцев.
21. Песня А. Пахмутовой.
22. Устройство обнаружения на современном боевом корабле.
23. Самая таинственная из героинь в романе Ж. Санд «Графиня Рудольфштадт».
24. «Показания Шубникова на Зубинского могли быть продиктованы стремлением облегчить свою вину. Не исключалась даже и ...» (К. Федин. «Необыкновенное лето»).
25. Страна, откуда к нам приходят «Икарусы».
27. Смесь для переплавки в доменной печи.
30. Близкий родственник абрикоса.
31. Смола хвойных деревьев.
32. Русский историк, академик.
33. Инвентарь, впервые использованный в спортивных соревнованиях в Норвегии в 1767 году.
37. Город в Руанде.
38. Наука, основанная Н. Винером.
39. Чувство, сопровождающее многие игры.
40. Дорога, путь.

По вертикали:

1. Автономная республика, вошедшая в СССР в 1944 году.
2. Девушка гуляла — ключи потеряла, месяц посветил — солнышко подняло (загадка).
3. Тонкая доска или фанера в рамке.
4. Старейшина рода в Средней Азии.
5. Деревянный кровельный материал.
6. В Древней Греции... — в Риме — Виктория.
8. Время на отдых, игры, увлечения.
9. Способ изучать затраты времени на производство.
11. Пьеса К. Гольдони.
12. «Нам разум дал стальные руки — крылья, а вместо сердца — пламенный ...» (из песни).
13. Научная дисциплина о постановке правильной речи.
15. Знаменитый русский балет, апофеоз которого изображает улей с летающими пчелами.
18. Залив Азовского моря, в 1920 году форсированный Красной Армией.
19. Работник, ухаживающий за лошадьми.
20. Машинист паровоза, на котором В. И. Ленин дважды переехал через финскую границу.
24. Место в цирке для самых смелых.
26. Острова в составе Фиджи.
28. Извилина, изгиб.
29. Кормовая, хотя и вкусный корнеплод.
34. Продукт из баклажанов, кабачков.
35. Изюминка шотландского мужского костюма.
36. Композитор, в девять лет поступивший в Парижскую консерваторию.
37. «Но вот наступает вечер... залыла пожаром и обхватила полнеба» (И. Тургенев. «Лес и степь»).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

1. Шлага.
6. Цетан.
9. Юркин.
10. Лассо.
11. Удача.
12. Шипцы.
13. Ходок.
16. Скрап.
19. Влада.
23. Земгал.
24. Ирония.
25. Дятлина.
26. Йогурт.
27. Фелипо.
28. Атласов.
31. Август.
34. Осока.
37. Жилка.
38. Ягода.
39. Месса.
40. Тонал.
41. Эллай.
42. Чайка.

По вертикали:

2. Право.
3. Гуссо.
4. «Троица».
5. Пивацци.
7. ...ездок.
8. Алча.
13. ...хозяйка.
14. Демагог.
15. ...квадрат.
16. Сараево.
17. Рондино.
18. Прямота.
20. Плянт.
21. Дылда.
22. Нинфо.
29. Луидор.
30. Сократ.
32. Выгул.
33. Индия.
35. Свеча.
36. ...кусоч...

АНОНС!!! АНОНС!!!

«— Я следовательно, товарищ старший лейтенант.

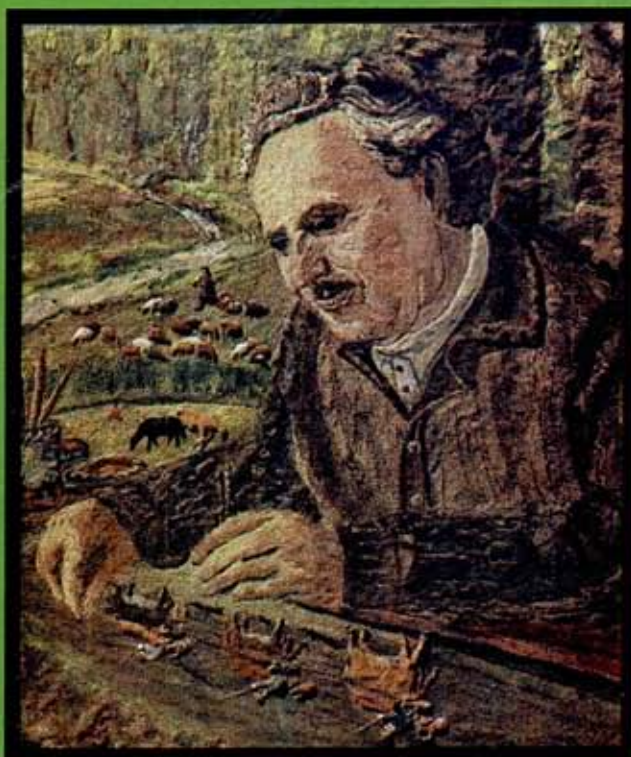
— Ты? Ты салага, младший лейтенант Минин... Вот давай служи, проявляй рвение и заботу о вверенных тебе гражданах, ума набирайся, а там видно станет, кто ты есть по своей натуральности».

В следующем номере «Смены» мы начинаем публиковать остросюжетную повесть известного советского писателя, лауреата Государственной премии СССР Бориса Васильева «Розыск продолжать», рассказывающую об одном из драматичных эпизодов работы нашей милиции в первые послевоенные годы.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 04.07.86. Подписано к печати 16.07.86. А 04278. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 1913. Заказ № 3333. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЭТЮДЫ на песке

АВТОПОРТРЕТ.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.

Григор Апоян родился и вырос в Ширакской долине Армении. И хотя живет сейчас в небольшом городке Артике, все, что происходит в деревне, по-прежнему волнует его.

Специалисты в области прикладного искусства утверждают, что творчество Григора Апояна уникально и не имеет аналогов не только у нас в стране, но и за рубежом. В переводе с армянского искусство Апояна называется «цветными рисунками, изготовленными с помощью... лепки». Картины «пишутся» разноцветным песком: в основном это опилки знаменитого армянского туфа, лучшего в Армении. Но с тех пор, как прошли первые выставки самобытного мастера в Литве, Грузии, Азербайджане, Эстонии, палитра художника, насчитывающая добрую сотню оттенков, обогатилась новыми песчаными «красками». Какие-то находит он сам, другие присылают в Артик почитатели его редкого искусства.

Лица людей, фигуры животных, дома, деревья, радуга в небе — всю картину художник делает выпуклой, и

Так, шаг за шагом, рождалась технология «цветных рисунков с помощью лепки». Истоки творчества Григора Апояна следует искать в древних народных традициях ковроткачества и вышивки. Сам же художник считает, что «набрел на себя» случайно. Однажды нужно было оформить уголок с наглядной агитацией, а красок под рукой не оказалось, и он заметил во дворе разноцветный песок...

С тех пор уже триста восемнадцать произведений Апояна — а площадь некоторых из них превышает два квадратных метра — постоянно находятся в движении: то просит соседняя школа: «По вашим картинам легче изучать историю Армении», то очередные работы отправляются за рубеж — в ГДР, ЧССР, Англию, Никарагуа, Индию или Марокко... Недавно в ереванском Доме молодежи открылась персональная выставка художника, а он уже готовится к очередному вернисажу в Москве.

Восемнадцать работ народного мастера приобрел республиканский Музей прикладного искусства. Самая последняя — триста девятнадцатая по счету — лежит в мастерской на рабочем столе. С раннего утра приходит сюда художник и трудится до позднего вечера. И все время рядом с ним четверо его сыновей — верные помощники и первые судьи.

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

КУЗНЕЦЫ.

СТАРЫЙ ГЮМРИ.

добранную клеевую основу, обладает огромной разрушительной силой. Толстая фанера деформировалась в считанные дни. А вот холст — традиционный материал художников — выдержал все испытания: и холод, и дождь...

стоит только включить освещение или выглянуть солнцу (в зависимости от того, где проходит очередная выставка), фигуры на картинах оживают.

Около четырех лет осваивал технологию своей работы Апоян. Сначала — замысел картины. Затем он подбирает клей. Оказалось, что слой песка, нанесенный на специально по-

ВЕСНА.

